

Конференция
«Практическая
этнопсихология»

ДЕПАРТАМЕНТ ОБРАЗОВАНИЯ
ГОРОДА МОСКВЫ

Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования города Москвы

МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ
ОБРАЗОВАНИЯ

при поддержке
ЕВРАЗИЙСКОЙ АССОЦИАЦИИ
УНИВЕРСИТЕТОВ

ПЯТАЯ

*Всероссийская научно-практическая конференция
с международным участием*

«Практическая этнопсихология:
актуальные проблемы и перспективы развития»

ПОНЯТЬ ДРУГОГО: МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОПОНИМАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

20–21 ноября 2015 года

Сборник материалов

Москва 2015

ДЕПАРТАМЕНТ ОБРАЗОВАНИЯ ГОРОДА МОСКВЫ
Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования города Москвы
**«МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ОБРАЗОВАНИЯ**

ПЯТАЯ
Всероссийская
научно-практическая конференция
**«Практическая этнопсихология:
актуальные проблемы и перспективы
развития»**

**ПОНЯТЬ ДРУГОГО:
МЕЖКУЛЬТУРНОЕ
ВЗАИМОПОНИМАНИЕ
В СОВРЕМЕННОМ
ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ**

20–21 ноября 2015 г.

Сборник материалов

Москва 2015

ББК 88.5
П56

Понять другого: Межкультурное взаимопонимание в современном глобальном мире. Сборник материалов пятой Всероссийской научно-практической конференция «Практическая этнопсихология: актуальные проблемы и перспективы развития»: 20–21 ноября 2015 г. – М.: ГБОУ ВПО МГППУ, 2015. – 147 с.

ПЯТАЯ Всероссийская научно-практическая конференция
**«Практическая этнопсихология:
актуальные проблемы и перспективы развития»**

Тема конференции: «Понять другого: Межкультурное взаимопонимание в современном глобальном мире»

20–21 ноября 2015 г., ГБОУ ВПО МГППУ

Программный комитет конференции: д.психол.н., проф. *Н.М. Лебедева*; д.психол.н., проф. *Л.Г. Почебут*; д.психол.н., проф. *В.В. Рубцов*; д.психол.н., проф. *Г.У. Солдатова*; д.психол.н., проф. *Т.Г. Стефаненко*; д.ист.н., проф. *В.И. Харитонова*, д.психол.н., проф. *В.Ю. Хотинцеу*.

Председатель оргкомитета: к.психол.н., доц. *О.Е. Хухлаев*.

Секретарь оргкомитета: *Д.И. Чистовский*.

Оргкомитет: к.культурологии *Е.А. Александрова* (Москва); д. психол. н., доц. *А.А. Бучек* (Белгород); к. психол. н., доц. *А.Д. Вислова* (Нальчик); д. психол. н., проф. *В.В. Гриценко* (Смоленск); к. психол. н., доц. *С.Б. Дагбаева* (Чита); д. социол. н., проф. *Р.И. Зинурова* (Казань); к. психол. н., доц. *В.В. Константинов* (Пенза); к. психол. н. *И.Я. Лейбман* (Москва); д. психол. н., проф. *Р.Р. Нахохова* (Черкесск); к. психол. н., доц. *И.А. Новикова* (Москва); к. пед. н., доц. *О.С. Павлова* (Москва); к. психол. н. *Н.Е. Паевская*; д. полит. н., к. психол. н., проф. *Н.К. Радина* (Нижний Новгород); *П.В. Румянцева* (Санкт-Петербург); к. психол. н. *О.В. Савицкая* (Украина); к. психол. н., доц. *Т.А. Соловьёва* (Архангельск); к. психол. н., доц. *Г.С. Степанова* (Воронеж); к. психол. н. *Н.В. Ткаченко* (Москва); к. психол. н., доц. *Т.Ц. Тудупова* (Улан-Удэ); к. психол. н., доц. *Э.Р. Хакимов* (Финляндия); к. психол. н., д. пед. н., доц. *О.В. Хухлаева* (Москва); д. психол. н., проф. *А.В. Черная* (Ростов-на-Дону); к. психол. н. *М.Ю. Чибисова* (Москва); д. мед. н., проф. *М.Г. Чухрова* (Новосибирск); к. психол. н., доц. *В.Н. Шляпников* (Москва).

Направления работы:

1. Этнопсихология и школа [от толерантности и поликультурного образования до интеграции детей-мигрантов]
2. Психологические технологии межкультурной коммуникации [от бизнеса до образования]
3. Этнопсихология и культура мира [от разрешения этносоциальных конфликтов до управления миграционными процессами и профилактики ксенофобии]
4. Этнопсихология и здоровье [от медицины до психологической помощи]

Материалы печатаются в авторской редакции.

ISBN 978-5-94051-131-1

© ГБОУ ВПО МГППУ, 2015.

Содержание

<i>Агилар Онья К.Ю., Маслова О.В.</i> Особенности межкультурной адаптации Латино-Американских студентов в России	9
<i>Акимочкина К.А., Волошко Е.С., Толкунова П.В.</i> Отражение принципов скандинавской магии в психологической работе	10
<i>Алдошина М.И.</i> Сочетание культурологической и компетентностной констант в университетском образовании.....	12
<i>Альтман Ю.И.</i> Рассогласование ценностных ориентаций как способ хеджирования рисков нестабильности (корреляция уровней аномии и ценностных предпочтений по материалам кросс-культурного исследования право-авторитарных качеств в России и Германии)	15
<i>Анашкина Н.В.</i> Модель поликультурного воспитания в дошкольном образовании	17
<i>Богатырева М.Х.</i> Коллективная память	19
<i>Бохан Н.А., Терехина О.В., Танабасова У.В., Заикина М.Д.</i> Этнопсихологические особенности когнитивных стратегий преодоления трудных жизненных ситуаций.....	21
<i>Бохан Т.Г., Баланев Д.Ю.</i> Жизнестойкость как фактор устойчивости молодежи традиционных народов Сибири в поликультурном пространстве меняющегося мира.....	23
<i>Вьюжанина С.А., Кожевникова О.В.</i> «Кризис второкурсника»: особенности академической адаптации в поликультурной среде регионального вуза	25
<i>Григорьев Д.С.</i> Теоретическая модель социоэкономической адаптации мигрантов: на примере русскоязычных мигрантов в Бельгии	27
<i>Гринько И.А., Шевцова А.А.</i> «Создавая этномузей»: потенциал непрофильных музеев в этнокультурном образовании	29

Гриценко В.В.

Основные подходы к изучению социально-психологической адаптации соотечественников в России..... 31

Демчук Д.Б.

Социальный капитал в полиэтническом обществе..... 34

Емельянова О.Я., Шершень И.В.

Особенности формирования этнического предпринимательства в среде мигрантов 36

Емельянова О.Я., Шершень И.В.

Психолого-педагогическое сопровождение процесса адаптации студентов-мигрантов к социальным практикам принимающей стороны 40

Зеленев И.А.

Толерантность/интолерантность россиян и жителей других европейских стран..... 42

Кантемирова Б.А.

Воспитание учащихся – носителей кабардино-черкесского языка – на примерах трудовых традиций адыгского народа..... 44

Кауненко И.И.

Исследование социокультурных размерностей этнических групп Республики Молдова 48

Каунова Н.Г.

Этническая группа цыган: малознакомый народ, живущий рядом 50

Ковалева Ю.В., Гриценко В.В.

Народная сказка как средство усвоения норм просоциального поведения в детском возрасте 52

Константинов В.В., Бузыкина Ю.С.

Переживание экстремистско-террористической угрозы представителями разных поколений..... 54

Корнилова Т.В., Чумакова М.А.

Кросскультурное сравнение имплицитных теорий ума и личности (у российских и азербайджанских студентов) 56

Коробейникова Я.П.

Потенциальные возможности этнических субъектов с высокой и низкой активностью преодоления трудностей в проблемной ситуации культурного взаимодействия 58

Лейбман И.Я.

Особенности планирования тренинга формирования
толерантности и межкультурной компетентности..... 60

Лепшикова З.Х., Лебедева Н.М.

Роль несовместимости идентичностей
во взаимосвязи дискриминации и аккультурации:
на примере русских подростков Северного Кавказа 61

Мешкова Н.В.

К вопросу о психолого-педагогическом
сопровождении инокультурных одаренных учащихся..... 64

Михайлова О.Б.

Образовательные технологии в профилактике дезадаптации
и межэтнической напряженности в студенческой среде 66

Муханова И.В.

К вопросу трансформации этнопсихологии
чеченцев в современном мире 68

Накохова Р.Р., Темирова Ф.А., Накохова Д.Х.

Социальные и психолого-педагогические условия
формирования этнической толерантности
в подростковом и юношеском возрасте..... 69

Непочатых Е.П.

Компетентность студентов в контексте
практики межкультурного взаимодействия 74

Нестерова А.А.

Взаимосвязь социальной поддержки
и жизнеспособности трудовых мигрантов 77

Новикова И.А.

Основные направления исследований толерантности
студентов многонационального вуза (на примере РУДН)..... 79

Обухов А.С., Пустогачев О.

Современный шаманизм в улусе
Мыла Закаменского района Бурятии 81

Одинцова М.А.

К исследованию качества жизни российского,
белорусского и украинского студенчества..... 83

Овчинникова Ю.С.

Миротворчество как мировоззренческая проблема..... 85

Павлова О.С.

Содержание религиозной идентичности мусульман Северного Кавказа (по материалам социально-психологического исследования) 87

Парамонов А.А., Соловьев А.Г.

Религиозные традиции и потребление алкоголя среди студентов-мигрантов 89

Прохода В.А.

Социальная дискриминация в современной России 91

Равилова М.В.

Изучение этнических стереотипов у русских и татарских студентов с использованием семантического дифференциала 93

Рябиченко Т.А., Лебедева Н.М.

Влияние семьи и контекста на психологическое благополучие детей этнических меньшинств 94

Савицкая О.В.

К проблеме этнокультурной компетентности будущих педагогов 96

Смотрова Т.Н.

Особенности стратегий совладания с чувствами вины и стыда у представителей разных этнических групп 98

Собольников В.В., Чухрова М.Г.

Особенности этнического самосознания сибирских немцев 100

Соловьева А.Н., Соловьева Т.А.

Отношение к этнически другому у студентов 102

Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А.

Теории и модели межкультурной коммуникации в западной психологии 104

Степанова Г.С.

Роль диалогического мышления в поликультурном образовании 106

Суровая Н.В., Калганова С.В., Хакимов Э.Р.

Создание «Памяток для родителей-мигрантов» как метода повышения межкультурного взаимопонимания (опыт школ Калининского района Санкт-Петербурга) 108

Суслова Т.Ф.

Между интеграцией и изоляцией: трудовые мигранты в российском обществе 109

Содержание

<i>Тапилина А.С.</i> Проблемы формирования этнической толерантности и этнической идентичности у детей младшего школьного возраста	111
<i>Татарко А.Н., Чувашиов С.В. Миронова А.А.</i> Влияние этнической гетерогенности на социально-психологический капитал личности	113
<i>Тимошенко А.Р.</i> Найти себя и не потерять. Особенности этнической идентичности современной молодежи	114
<i>Тихомиров М.Ю.</i> Преподавание психологии китайским студентам в российском вузе	116
<i>Ткаченко Н.В.</i> Построение модели психологического сопровождения поликультурного образования	118
<i>Троянская А.И.</i> Образы счастья в удмуртской, татарской и русской традиционной культуре.....	122
<i>Тудупова Т.Ц., Эрдэнэбат Б., Алагуев М.В.</i> К проблеме перевода и адаптации психологической методики изучения ценностей личности Ш. Шварца на монгольский язык	124
<i>Тучина О.Р.</i> Самопонимание этнокультурной идентичности: субъектный подход.....	126
<i>Хаснулин В.И.</i> Значение национального языка в адаптации к климато-геофизическим условиям среды (гипотеза)	129
<i>Хаперская А.Ю.</i> Особенности профессионального самоопределения подростков-мигрантов в мегаполисе	132
<i>Хотинец В.Ю.</i> Конкурентоспособность управленческих культур в век информационной экономик	135
<i>Хухлаева О.В.</i> Использование общекультурных символов в групповой работе в поликультурной среде.....	137

Хухлаев О.Е., Кузнецов И.М., Павлова О.С., Шорохова В.А.

Религиозная идентичность:

основные подходы к психологическому анализу..... 138

Чигарькова С.В.

Культурный интеллект и зарубежные

концепции межкультурной компетентности 139

Чухрова М.Г., Собольников В.В., Хаснулин В.И.

Стратегия этнокультуральных

исследований в восточном регионе России..... 141

Ярмолюк А.И.

Представление о любви

у российских и монгольских студентов 143

Сведения об авторах 146

Особенности межкультурной адаптации Латино-Американских студентов в России

Агилар Онья К.Ю., Маслова О.В.

Год за годом все больше иностранных студентов приезжают в Россию, чтобы получить качественное высшее образование, каждый из них объективно находится в сложном процессе культурной адаптации.

Целью нашего исследования являлось выявить особенности межкультурной адаптации латиноамериканских студентов, живущих в России: стратегии аккультурации, гендерные различия в межкультурной адаптации и как с годами происходят изменения в показателях адаптации, а также их основные трудности.

В нашем исследовании были использованы данные методики: Методика выявления стратегий аккультурации Д. Берри; «Опросник адаптации личности к новой социокультурной среде» Л.В. Янковского в модификации Т.Г. Стефаненко и М.С. Панова; Шкала социо-культурной адаптации (SAS), разработанная Ward и Kennedy; Методика «Индекс социальной поддержки» (ISSS), разработанная Long A.S и Ward.C. Все перечислены методики были переведены на испанский язык.

В эмпирическом исследовании приняли участие 90 испытуемых (50 мужчин и 40 женщин) в возрасте от 18 до 27 лет. Респонденты были представителями из восьми стран Латинской Америки: Эквадора (18 человек), Колумбии (16 человек), Гватемалы (14 человек), Перу (16 человек), Никарагуа (5 человек), Сальвадора (6 человек), Венесуэла (10 человек) и Чили (5 человек). Все испытуемые – студенты РУДН, которые учатся на различных факультетах и курсах. С помощью методики Д. Берри, мы выявили, что латиноамериканские студенты чаще выбирают стратегию интеграции. Данная стратегия с точки зрения Д. Берри является наиболее подходящей для благоприятного протекания процесса адаптации. [Берри Д. и др., 2007].

Также по полученным результатам, мы доказали что, Латиноамериканские юноши на уровне тенденции более часто выбирают стратегию интеграции и реже испытывают ностальгию, чем девушки ($p = 0.093$). Со временем выраженность этой стратегии у них растет. А латиноамериканские девушки чаще, чем юноши испытывают ностальгию и отчужденность. То есть их эмоциональное состояние чаще характеризуется мечтательностью, тоской, меланхолией, чем у юношей. На уровне средних значений латиноамериканские девушки старших курсов реже испытывают депрессивность, чем латиноамериканские девушки младших курсов. Но, однако, применение U-критерия Манна-Уитни показало, что эти различия не значимы.

По результатам, полученным с помощью методики «Шкала социокультурной адаптации (SAS)» для иностранных студентов значитель-

ные трудности связаны взаимодействием с бюрократической системой (31 % студентов). Проблемы с проживанием есть также у 31 % студентов, так как латиноамериканский студент погружается в непривычную ему атмосферу, особенно в общежитии с малознакомыми людьми и с недостаточным количеством. Общаться с людьми, наделенными властью трудно для 30 % респондентов. 27 % латиноамериканских студентов бывает трудно сделать так, чтобы «тебя поняли другие». Это в первую очередь связано с языковым барьером, но также и с менталитетом. 19 % латиноамериканским студентам трудно найти еду, которая нравится. По причине того, что русская кухня и латиноамериканская значительно отличаются, данная проблема достаточно актуальна. Помимо отличия кухонь, имеются отличия в ассортименте и зачастую латиноамериканцу трудно найти аналог привычному продукту.

По полученным результатам с помощью методики «Индекс социальной поддержки (ISSS)», мы доказали, что у латиноамериканских студентов уровень инструментальной поддержки выше, чем социо-эмоциональной поддержки. Среднее значение инструментальной поддержки 30.5 %, социо-эмоциональной 28.8 %. Таким образом, латиноамериканским студентам необходима социо-эмоциональная поддержка, которая заключается в том, что студентам нужно общаться с кем-то когда они расстроены или им одиноко.

Отражение принципов скандинавской магии в психологической работе

Акимочкина К.А., Волошко Е.С., Толкунова П.В.

В традиционных культурах многие функции, в настоящий момент отошедшие в сферу компетенций психолога, входили в обязанности колдунов, знахарей и шаманов. Стоит отметить что, при всем разнообразии культур, в большинстве из них все равно находится место некоторой роли «колдуна». Соответственно, в элементах культурной магической и ритуальной традиции, так же как и в мифологических и сказочных сюжетах, может находить представление некоторая общечеловеческая основа жизни, отражающая или же апеллирующая к наиболее общим и в то же время базисным психическим структурам, находящим отклик вне зависимости от культурных и расовых различий между людьми. Таким образом, использование в психологической работе подобного рода этнокультурного компонента способно существенно расширить возможности психолога.

Важно отметить, что при работе с подобным этнокультурным компонентом психологической помощи отдельным аспектом работы будут являться моменты входа и выхода из символического пространства, им стоит уделить отдельное время, отделяя символический опыт от опыта повседневного.

Мы рассмотрели сохранившиеся принципы конструирования способов магических воздействий в скандинавской магической традиции и пришли к выводу, что логику их построения возможно использовать для символической психологической работы. Далее мы перечислим найденные нами примеры.

- Заговор для охраны от медведя: «я заимствую ваши небесные ключи, чтобы повесить замок на пасть волка, на медвежий коготь, так что они не подойдут к моей скотине».
- Магическое действие для экстраординарных случаев («просто так не принимать») при лечении ребенка от болезни: взять немного земли с кладбища (где взяли – положить монетку), развести в воде и дать как микстуру.
- В серьезном случае от опухолей и болей в груди может быть полезен нож которым убили человека. Либо может помочь если за большую часть подержится человек бывший на войне или убивший ребенка.
- Чтобы поймать ведьму в церкви: добыть кость вора и положить под дверь церкви; если на воскресной службе будет ведьма – она не сможет выйти, пока кость на месте.
- Для привлечения удачи в азартных играх (азартные игры и жульничество не одобрялись): воткнуть в одежду оппонента иглу которой шили саван.
- Так же для привлечения удачи в игра в карты и кости помогает веревка на которой кого-то повесели (в более сложном варианте перепряденая девочкой-подростком).
- Чтобы на охоте не задрал зверь: просверлить дыру в косточке висельника и глядеть сквозь нее на зверя, тогда он не сможет сбежать.
- Так же для помощи в охоте: пересказать ситуацию, но с благополучным завершением (Встретил наш Господь криворукого охотника и научил охотиться).
- Чтобы найти клад: не произносить ни слова, собираясь на дело и взять с собой палочку лесного ореха срезанную за два дня до новолуния; палочкой на предполагаемом месте клада рисуется круг (с молитвой троице); еще одну ореховую палочку нужно иметь на теле чтобы из ямы на искателя не вылезло зло.
- Чтобы вылечить подвернувшую ногу лошадь (в некоторых случаях и людей): пересказать историю с благополучным исходом и вмешательством высших сил.
- Заговор от боли и зуда: «летело по небу три птицы и все у них отлично, и у тебя все будет хорошо».

В заговорах прослеживаются несколько принципов. Первый – проведение параллели между действиями с малыми предметами и большими. То есть, когда человек проводит некие операции над костью или орехом, он надеется, что подобные действия произойдут с другим человеком или с ним. По сути, мы сталкиваемся с фокусировкой на проблеме и мысленной «репетиции» дальнейших событий.

Следующий принцип – разумности и вербальности мира. То есть с миром можно вести диалог. Часто при работе с клиентом в современности этот принцип так же используется. Как пример, можно привести вербализацию эмоциональных переживаний для их лучше осознания и проработки. А так же работу когнитивистов, в момент нахождения когнитивных искажений и переформулирования мыслей.

Третий принцип, который хорошо известен во всех культурах – обращение к высшим силам, управляющих всем и возможность связаться с ними.

Еще один принцип это обращение к отвратительному и противоестественному. Например, лечение червями или обращение к мёртвым. Отвращение, как базовая эмоция, помогает человеку прочувствовать свои границы и удерживать дистанцию. Обряды, которые строятся по данному принципу, способны вызвать сильные эмоциональные переживания, а так же обратить внимание человека на его собственную теньевую сторону.

Работая на уровне символов и метафор, мы получаем возможность создать для клиента пространство ощущающееся «безопасным», но в то же время позволяющее затронуть и проработать глубокий неосознаваемый уровень процессов происходящих с ним. На данный момент мы планируем дальнейшие исследования данной темы.

Сочетание культурологической и компетентностной констант в университетском образовании

Алдошина М.И.

Начало XXI века в Российском образовании характеризуется рассогласованием при решении смыслообразующего вопроса о цели и ценностных ориентирах, в том числе, и университетского образования. Педагогика профессионального образования решает дилемму о соотношении культурологического и компетентностного подходов при решении поставленной проблемы, о соотношении их базовых понятий, смысловых констант в терминологическом поле высшего образования. Компетентностный подход предполагает «целостный опыт решения жизненных проблем, выполнения ключевых функций, социальных ролей, компетенций». На первое место выдвигается не профессиональная информированность студентов, а умение самостоятельно решать задачи и проблемы, возникающие при освоении новых знаний и технологий, в ситуациях самоорганизации, нравственного выбора и самооценки. Содержательной и целевой характеристикой современного специалиста выступает культура его профессиональной деятельности как показатель его соответствия эталону профессиональной компетентности, представляющая собой сложный синтез когнитивно-личностного и предметно-практического опыта профессиональной деятельности.

Широкому распространению компетентностного подхода в образовании способствовали следующие социокультурные векторы. В первые десятилетия XXI века в России социокультурные основы профессионально-педагогической деятельности обусловлены экономической глобализацией, усилением культуроцентричности производства и необходимостью его кардинального преобразования, интеграцией профессионального обучения с организацией производительного труда и современными рыночными институтами, переходом ценностей рыночной экономики из субкультурного состояния в состояние общероссийских аксиологических основ, интенсивной образовательной и профессиональной интеграцией работников в европейские образовательные структуры, потребностями общества в инноваторах, ростом общественного запроса на синтез различных групп компетенций, нацеленностью модернизации образования на воспитание социально-интегрированного молодого специалиста (2;58–59).

Традиционным для культурологического подхода является констатация факта реализации функций образования – лично образующей, культуuroобразующей и профессиональной – в специфической социокультурной ситуации. К середине 60-х годов XX века передовые страны пришли к пониманию того, что научно-технический прогресс не способен разрешить наиболее острые проблемы общества и личности, обнаруживается глубокое противоречие между ними. Это обусловлено глобальными изменениями, произошедшими в жизни и требующими адекватных реакций системы образования на них. В их числе: императив выживания, стимулируемый техногенными и социогенными катастрофами; новые критерии качества бытия, качества общественного интеллекта востребовали человеческие качества как самый важный ресурс развития и умения ими пользоваться; демократизация и гуманизация общества; отсутствие в прежнем виде социального заказа на воспитательный идеал и результаты образования; стандарт и вариативность в образовании; плюрализм политический, культурологический, религиозный, педагогический; развитие нового мышления; возвращение религиозности, церковности; расширение круга потребителей педагогического знания, возникновение общественно-педагогического движения, пока слабого, неоформленного; противоречивость образовательного процесса – востребованность научных достижений и эмпиризм большинства учителей, некомпетентность, научный нигилизм, неготовность принять новизну ситуации и нежелание совершенствоваться профессионально педагогически, иногда и предметно; кризисное состояние семьи; противоречивость воспитательной ситуации: личность живет в мире все больших возможностей и, с другой стороны, нарастание источников ранней деградации (1; 8).

Фундаментальным антропологическим основанием образования является принципиальная незавершенность каждого появляющегося на

свет человека, который от рождения принадлежит лишь к биологическому виду. Лишь включившись в живую ткань человеческих отношений, межличностного общения и взаимодействия, действуя в мире культуры, учась пользоваться ее достижениями, воспроизводя и развивая ее, человек обретает свой человеческий образ, т.е. образовывается. Реальным культурным содержанием образования человека наполняется только в условиях внебиологического способа связи людей в их совместной деятельности, т.е. обществе как социально организованном пространстве их жизни. Образование отдельного человека призвано придать ему образ, который содержит в органическом единстве общие, особенные и единичные характеристики. На уровне общих характеристик человек в образовании обретает свои родовые черты, некие универсальные свойства, делающие его человеком как таковым независимо от их конкретного социокультурного наполнения. На уровне особенных характеристик образование приводит к наполнению всех указанных свойств человека конкретным социокультурным содержанием, в зависимости от места, времени, условий его жизни, принадлежности к половозрастным, этническим, социально-классовым, религиозно-конфессиональным, профессиональным и другим общественным группам. На уровне единичного образования оказывается неразрывно связанным с реализацией уникально неповторимых свойств каждого отдельного человека, с его самоидентификацией, самоопределением, самореализацией.

Профессиональная культура педагога выступает частью общей культуры личности, характеризующей, в самом общем виде, профессиональные ценности и убеждения педагога как основу его профессиональной деятельности. Выпускники университета «должны стать носителями профессионально-культурной компетентности – императива качества личности, влияющего на готовность обучаться всю жизнь; способность к активному применению теоретических знаний в профессиональной деятельности; нравственную и коммуникативно-творческую направленность; профессиональное самоопределение; соответствие требованиям специальности и стандартам квалификации и обеспечивающее устойчивые положительные результаты в обучении, воспитании, развитии обучаемых» (3). Таким образом, проявляется связь категории «профессиональная компетентность» с феноменом «культура», являющимся результатом развития личности, ее образованности и воспитанности. Схематически можно заложить дуальную зависимость «Личность» – «Профессионал» как смысловую доминанту компетентностно-ориентированного профессионального образования, и тройную имплицитность «Личность» – «Профессионал» – «Ментальный гражданин» как базовую характеристику культуру-ориентированного образования педагогов в университете.

В настоящее время характер преобразований, происходящих в России таков, что приводит к смене парадигмы социальной жизни, идеоло-

гии, культуры, морали. Эти условия определяют соотношение культуры и образования, влияют на сознание личности, ее внутренний мир, создают предпосылки для формирования нового мировосприятия, направленности ценностных ориентаций. Культура и компетенции находятся в сложной иерархической системе соподчинений и зависимостей. Профессиональная культура рассматривается как важная часть общей культуры педагога, проявляющаяся в системе профессиональных качеств и специфике педагогической деятельности, это синтез культуры как исторически сложившегося уровня развития общества, результатов развития творческих сил и способностей человека и педагогики, как науки об образовании человека в соответствии с требованиями общественного развития. В современных условиях совершенствования системы образования формирование компетенций выступает целью профессионального образования и полагается частью профессиональной культуры личности.

Литература:

1. *Алдошина М.И.* Формирование этноэстетической культуры: методология, модель, методика: Монография. – М., Изд-во МГОУ, 2008. – 263с.
2. *Мищенко А.С., Ключкин В.И.* Формирование компетенций и профессиональной культуры педагогов // Человек и образование. № 4 3 (36), 2013. – С. 58–63.
3. *Мухаметзянова Г.В.* Социально-экономические предпосылки модернизации качества высшего образования // Партнерство через образование. – 2008. – № 44. – www/sipkro.ru

**Рассогласование ценностных ориентаций
как способ хеджирования рисков нестабильности
(корреляция уровней аномии и ценностных предпочтений
по материалам кросс-культурного исследования
право-авторитарных качеств в России и Германии)**

Альтман Ю.И.

Л. Сроул создал в 1956 г. шкалу из 5 вопросов для анализа субъективного ощущения аномии. Впоследствии эта шкала дополнялась новыми вопросами, сохраняя целостность авторского замысла. По Л. Сроулу, аноμία на субъективном уровне воспринимается человеком как разочарование в традиционных общественных и групповых нормах и ценностях, как ощущение их несоответствия современным требованиям развития и своим собственным индивидуальным ценностным ориентирам. Такое психологическое понимание аномии, по нашему мнению, порождает потребность в изучении взаимосвязей субъективного восприятия аномии и формирования право-авторитарных качеств, с

1-ой стороны, и последствий этого восприятия в развитии системы индивидуальных ценностных ориентаций, с другой. Изучение указанных взаимосвязей стало предметом исследования.

Объектом кросс-культурного исследования в России и Германии являлись люди со средним и выше среднего уровнем правого авторитаризма (по 150 чел. соответственно). Методическую основу исследования составили шкала субъективного ощущения аномии Л. Сроула, шкала правого авторитаризма (RWA) Р. Альтмайера, шкала рефлексивности А.В. Карпова, шкала смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева, шкала экзистенциальной наполненности-исполненности А. Лэнгле, уточненные для России и Германии методики изучения ценностей Ш. Шварца.

Результатами, в частности, являются данные о позитивных корреляциях уровней субъективного восприятия аномии и правого авторитаризма: чем острее ощущает человек социальную и культурную аномию в своем индивидуальном восприятии, тем более он склонен к право-авторитарным предпочтениям и проявлению право-авторитарных установок. Обнаружена и обратная взаимосвязь: для лиц со средним и выше среднего уровнем RWA характерно глубокое личное переживание разочарования из-за несоответствия его собственных приоритетов социальным, культурным, правовым, моральным нормам. Для РФ и ФРГ коэффициенты корреляции равны. В перманентной стрессовой ситуации такого разочарования, воздействующей на смыслообразование и смыслопотерю, при невозможности выработки собственного индивидуального выхода из нестабильности в понятную упорядоченность человек склонен все больше полагаться на авторитет лидера. При выборе смыслообъяснения и ценностей предпочтений такой человек восполняет свою виктимность инициативным взятием на себя функций охраны, защитного окружения авторитарного лидера. Не только вынужденно покорное, но добровольное следование в фарватере авторитарного флагмана обусловлено неспособностью к рефлексивным нагрузкам, выводам, самостоятельности поиска собственного выхода в условиях неопределенности и риска. Это нашло выражение в обратной корреляции между уровнем рефлексивности и уровнем правого авторитаризма, между уровнем рефлексивности и ценностями Самостоятельности: чем ниже уровень рефлексивности, тем сильнее проявляются право-авторитарные качества и установки, с ростом Самостоятельности действия, поступка и снижением уровня Самостоятельности мысли. Однако, по нашему представлению, свою склонность переживать глубоко, как личную трагедию, хронические вызовы социальной и культурной аномии, индивиды с высоким уровнем правого авторитаризма проявляют скорее в автоматизме, стереотипизации мышления и поведения, ошибочно относимых этой группой респондентов к Самостоятельности поступков, тогда как истинной самостоятельности поступков предшествует избегаемая ими рефлексивная деятельность по

самостоятельности мысли. В группах с высокой степенью выраженности авторитаризма в обеих выборках с нарастанием субъективного переживания аномии нарастает противоречие оппонирующих ценностей, которое выражается в статистически значимой корреляционной связи * (0,05) и ** (0,01), что подразумевает вывод о достоверности нарастающих противоречий оппонирующих ценностей. В любом случае индивидуально-психологическая аномия влияет на формирование системы ценностных ориентаций и выбор поведенческого сценария, а вызываемое аномией рассогласование ценностно-смысловых предпочтений направлено на минимизацию рисков при выработке и реализации поведенческого сценария в условиях аномической нестабильности. Последнее обстоятельство приводит к признанию постоянства воздействия факторов аномии в постиндустриальном обществе потребления, аномии как неотъемлемой части культуры общества потребления.

Литература:

1. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. – М., 1994. – С. 8–41.
2. Мертон Р. Социальная структура и аномия. – М., 1966. – С. 229–313.
3. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / Пер. с нем. Э. Телятниковой. – М.: АСТ, 2006. – С. 230–263.
4. Шварц Ш., Бутенко Т.П. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал ВШЭ. – Т. 9, № 4 2. – С. 43–70.
5. Srole L. Social integration and certain corollaries: An exploratory Study// American Sociological Review. Dec, 1956. – № 21. – P. 712–713.

Модель поликультурного воспитания в дошкольном образовании

Анашкина Н.В.

Наряду с процессами глобализации, приводящими к увеличению числа международных и межнациональных контактов, в мировом обществе наблюдается рост этнического самосознания. В социологии это явление получило название этноцентризма. Но этот процесс нередко принимает формы, которые обуславливают негативное отношение к другим этносам, неприятие их культуры, языка и традиций, уклонение от общения с ними вплоть до демонстрации открытой враждебности.

Именно поэтому мировая педагогика, начиная с 60-х годов прошлого столетия активно занимается проблемой поликультурного образования. В связи с чем в науке возникло два понятия - «поликультурное воспитание» и «педагогика этноцентризма» (1; 55). Эти понятия часто противостоят друг другу. Чтобы понять оправдано ли это, рассмотрим виды существования этноцентризма. В социологии этноцентризм рас-

смачивается как явление естественное и неизбежное для культуры, но по степени выраженности он может существовать в трех формах: недостаточный этноцентризм, умеренный этноцентризм и абсолютный этноцентризм (2; 420).

Недостаточный этноцентризм может привести к размыванию культуры, когда в ней появляются новые культурные формы, основанные на смешивании с другими этнокультурами, и даже, к ассимиляции культуры в более устойчивые и развитые. Умеренный этноцентризм необходим людям для ощущения эмоционального единства, интеграции народа, общества. Он выполняет положительные функции, формирует непредубежденное и толерантное отношения к другим культурам, которые само по себе выступает признаком уверенности, открытости и развитости культуры. Абсолютный этноцентризм порождает враждебность, конфликты с другими народами, которые связаны с попыткой навязать им свои, кажущиеся более прогрессивными нормы и ценности. Это приводит к тому, что культура, проповедующая данный вид этноцентризма, приобретает консервативный характер и перестает развиваться.

Исходя из этих утверждений, напрашивается вывод, что поликультурное воспитание не может полностью отказываться от этноцентризма, но опираться при этом должно на принципы «умеренного этноцентризма», ведь важно не только воспитывать у подрастающего поколения толерантность по отношению к другим этносам, но и формировать чувство патриотизма, любовь к большой и малой родине.

Дошкольные образовательные организации, расположенные на территории г. Балабаново Калужской области, в решении задач поликультурного воспитания вынуждены учитывать многообразие этносов, населяющих этот небольшой город. Поликультурное образование рассматривается педагогами детских садов как способ приобщения воспитанников к различным культурам с целью формирования сознания, позволяющего в дальнейшем тесно взаимодействовать с представителями различных стран и народов и интегрироваться в мировое культурно-образовательное пространство, но при этом не потерять собственной этноидентичности.

В связи с этим в детских садах города разрабатывается модель реализации поликультурного образования, состоящая из отдельных модулей.

1 модуль – ознакомление дошкольников с культурой своего народа, формирование понятия культурной идентичности. Понимание человеком своей культуры – залог осознания в дальнейшем своего жизненного стиля, определение пути коммуникации между различными культурами.

2 модуль – ознакомление с культурой народов, населяющих территорию РФ. При этом дети знакомятся как с многочисленными этносами (татары, калмыки), так и «малыми народами» (чукчи, эскимосы).

3 модуль – ознакомление с культурой народов, населяющих Калужскую область (знакомство с культурно-национальными центрами края – армянским, белорусским).

4 модуль – ознакомление с культурой детей-мигрантов, посещающих ДОО г. Балабаново. При этом педагоги анализируют национальный состав и национально-культурные потребности семей воспитанников, затем проводят работу по ознакомлению с ними.

В ходе реализации каждого модуля воспитанники детских садов знакомятся с устно-поэтическим творчеством народов, народным декоративно-прикладным искусством, народными играми, музыкой и музыкальным фольклором. Педагоги делают акцент на приобщении детей к красоте и добру, на желании видеть неповторимость культуры разных народов, стремясь вызывать чувство гордости, уважения и любви к своему народу и своей Родине. Различные народы показываются в их жизненной ситуации, вместе с их стилем жизни, традициями, особенностями и жизненными обстоятельствами.

Таким образом, педагоги ДОО г. Балабаново пытаются создать модель поликультурного образования детей дошкольного возраста на основе слияния культур народов, населяющих РФ, Калужскую область и родной город. Образовывается поликультурное пространство, в которое кроме дошкольного учреждения вошла семья, как основной носитель этнической культуры.

Литература:

1. *Джуринский А.Н.* Поликультурное образование в многонациональном социуме: Учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры/ А.Н. Джуринский. – М.: Издательство Юрайт, 2014. – 260 с.
2. *Общая социология: Учебное пособие/Под общ. ред. проф. А.Г. Эфендиева.* – М.:ИНФРА-М, 2007. – 654 с.

Коллективная память

Богатырева М.Х.

Память как живое присутствие прошлого – это основной фундамент идентичности, как индивидуальной, так и коллективной. Коллективная память, то есть память, связанная с какой-либо социальной группой (которая может быть более или менее широкой – такой, например, как семья или люди, занимающиеся определенной профессией, поколение или нация), принимает и вновь перерабатывает историю этой группы в отношении (функции) настоящего. При этом отбираются некоторые аспекты прошлого: одни – чтобы быть незабытыми и переданными, другие – чтобы быть обреченными на забвение (1).

Память и забвение неотделимы друг от друга, как две стороны одной медали. Забвение также вмешивается и в процесс создания идентичности, в частности – идентичности национальной, которая основана не только на «вспоминать вместе», но на «сообща игнорировать». Память восстанавливает прошлое в свете насущных проблем настоящего. Так, воспоминание об одном и том же событии изменится во времени, принимая различные значения в зависимости от конкретных ситуаций и от эпохи, в которую они опять возвращаются к жизни. Работа памяти как раз и состоит в том, чтобы непрерывно восстанавливать прошлое в свете настоящего, присваивая ему каждый раз все новые значения и способствуя, таким образом, постоянному созиданию идентичности, как индивидуальной, так и коллективной.

Потеря памяти означает также и потерю идентичности, что равносильно частичной или полной потере тех нитей, которые связывают группу или индивидуум с их прошлым и которые придают смысл их настоящему. Каждая общественная группа, от самой малой до самой большой, вырабатывает и передает свою собственную, отдельную память, которая и является основой ее идентичности.

Группы помнят свое прошлое, особенно то, что возвышает ценность группы и помогает консолидировать идентичность. Те же аспекты, которые могут нанести ей вред, напротив, старается оставить в тени, приговаривая их сознательно или неосознанно к забвению.

Как реагирует коллективная память на события особо болезненные, как, например, война (особенно если речь идет о гражданской войне), диктатура, репрессии, массовые избиения, в общем, на все те эпизоды насилия, которые оставляют глубокий след в индивидуальном и коллективном сознании? Травматическое прошлое, которое не было до конца пережито, разъяснено и признано обществом как собственное прошлое, обречено на то, чтобы все вновь возникать на общественной сцене и тревожить коллективное сознание даже после долгого периода времени, даже когда оно казалось окончательно забытым. Другими словами, время не гарантирует автоматического забвения. Это показывает с определенной ясностью память о Сталинских репрессиях. Желание умалчивать, скрыть неприятные события, закрыть глаза на травмирующее прошлое ни к чему не приведет, потому что рано или поздно это прошлое проявится в настоящем и привлечет к себе все внимание общества.

Литература:

1. Рикёр П. *Память, история, забвение / Пер. с франц.* – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004 (Французская философия XX века). – 728 с.

Этнопсихологические особенности когнитивных стратегий преодоления трудных жизненных ситуаций¹

Бохан Н.А., Терехина О.В., Танабасова У.В., Заикина М.Д.

В свете проблем, закономерно возникающих при выходе человека традиционной культуры за пределы своей среды в поликультурное пространство, изучение психологических особенностей стратегий преодоления трудных жизненных ситуаций у этнических групп становится особенно актуальным (1). Когнитивные стратегии преодоления трудностей играют центральную роль в теоретических моделях, предназначенных для объяснения проблем психического здоровья (3). Познавательные процессы помогают людям регулировать свои эмоции или чувства и не быть пораженными интенсивностью этих эмоций во время или после преодоления отрицательного или напряженного жизненного события (4). В контексте этно- и поликультурной обусловленности стратегии совладания с трудными жизненными ситуациями расширяют представления об особенностях переживаний и проявлений симптомов депрессии, что необходимо для разработки методов раннего выявления риска депрессии и психологической профилактики (2).

Цель: выявить этнопсихологические особенности когнитивных стратегий преодоления трудных жизненных ситуаций. Выборку составили 170 человек в возрасте от 18 до 77 лет, из которых 128 человек (68 женщин 60 мужчин) представители арктических монголоидов (камчадалы, чукчи, коряки, ительмены), проживающие на территории Камчатского края, и 42 человека (32 женщины и 10 мужчин) – алтайцы, жители республики Алтай.

Методы исследования: опросник «Опросник когнитивных стратегий регулирования эмоций» (CERQ). Методы статистической обработки: описательная статистика, сравнительный анализ (критерий Манна-Уитни).

Результаты.

В когнитивных стратегиях совладания в основных этнических группах обнаружены особенности, которые могут отражать устоявшиеся традиции и образцы поведения, актуализирующиеся при возникновении жизненных трудностей. Установлено, что большинство представителей арктических монголоидов при столкновении с неприятными событиями, склонны прибегать к таким стратегиям, как «обвинение других», «перефокусировка на планирование», «размышление», «положительная перефокусировка». К стратегиям «самообвинение» и «рассмотрение в истинном свете» прибегает меньшее количество представителей данной этнической группы. Это может свидетельствовать о возможных попыт-

¹ При поддержке РГНФ, проект № 14-06-00113 «Влияние культуры на субъективное переживание депрессии и экспрессию ее признаков»

ках возложить вину на другого человека, снимая с себя ответственность за случившееся в трудных жизненных обстоятельствах.

Результаты описательной статистики позволяют предположить, что у большинства представителей Горного Алтая в трудных жизненных обстоятельствах актуализируются, прежде всего, стратегии «самообвинение», «принятие», «размышление» по сравнению с «положительной перефокусировкой» и «перефокусировкой на планирование». Это может свидетельствовать о возможной склонности большинства респондентов считать себя виновными за произошедшее, подчиняясь сложившейся ситуации, не пытаясь найти положительных сторон случившегося.

Сравнительный анализ показал статистически достоверные различия в стратегии «самообвинение» ($U=1419,5$, $p=0,000$), «принятие» ($U=2031,0$, $p=0,017$), «размышление» ($U=2098,5$, $p=0,031$), «рассмотрение в истинном свете» ($U=1976,0$, $p=0,009$), полученные данные свидетельствуют о большей склонности представителей алтайской этнической группы прибегать к этим когнитивным стратегиям, по сравнению с народами Камчатского края. Можно предположить, что алтайцам более свойственно принятие и подчинение сложившимся обстоятельствам, принятие на себя всей вины, размышление о совершенных ошибках и последствиях при акцентировании внимания на чувствах и мыслях. Таким образом, можно предположить, что к этнопсихологическим особенностям когнитивного регулирования эмоций у представителей алтайцев можно отнести наличие таких неадаптивных познавательных стратегий преодоления трудных жизненных обстоятельств, как размышление и самообвинение. В результате факторного анализа выявлена система взаимосвязей когнитивных стратегий в каждой группе.

Литература:

1. *Татарко А.Н., Лебедева Н.М., Козлова М.А.* Этническая идентичность и ценностные ориентации представителей традиционных культур в условиях модернизации общества // Журн. прикладной психологии. – 2004. – № 4–5. – С. 120–127.
2. *Терехина О.В.* Актуальность изучения влияния культуры на проявления депрессии (на примере представителей этнических групп Сибири) / О.В. Терехина, Ю.А. Шухлова, Т.Г. Бохан // Антропологическая психология в XXI веке: проблемы и перспективы: сборник материалов V Сибирского психологического форума, 3–5 октября 2013 г., г. Томск. Томск, 2013. – С. 243–245.
3. *Garnefski, N., Kraaij, V., & Spinhoven, P.* (2006). Cognitive Emotion Regulation Questionnaire (CERQ).
4. *Garnefski, N., Kraaij, V., & Spinhoven, P.* (2001). Negative life events, cognitive emotion regulation, and emotional problems. *Personality and Individual Differences*, 30, 1311–1327.

Жизнестойкость как фактор устойчивости молодежи традиционных народов Сибири в поликультурном пространстве меняющегося мира¹

Бохан Т.Г., Баланев Д.Ю.

В свете проблем, закономерно возникающих при выходе человека традиционной культуры за пределы своей среды в поликультурное пространство, изучение психологических особенностей стратегий преодоления трудных жизненных ситуаций у этнических групп становится особенно актуальным (1). Когнитивные стратегии преодоления трудностей играют центральную роль в теоретических моделях, предназначенных для объяснения проблем психического здоровья (3). Познавательные процессы помогают людям регулировать свои эмоции или чувства и не быть пораженными интенсивностью этих эмоций во время или после преодоления отрицательного или напряженного жизненного события (4). В контексте этно- и поликультурной обусловленности стратегии совладания с трудными жизненными ситуациями расширяют представления об особенностях переживаний и проявлений симптомов депрессии, что необходимо для разработки методов раннего выявления риска депрессии и психологической профилактики (2).

Цель исследования: выявить этнопсихологические особенности когнитивных стратегий преодоления трудных жизненных ситуаций. Выборку составили 170 человек в возрасте от 18 до 77 лет, из которых 128 человек (68 женщин и 60 мужчин) представители арктических монголоидов (камчадалы, чукчи, коряки, ительмены), проживающие на территории Камчатского края, и 42 человека (32 женщины и 10 мужчин) – алтайцы, жители республики Алтай.

Методы исследования: опросник «Опросник когнитивных стратегий регулирования эмоций» (CERQ). Методы статистической обработки: описательная статистика, сравнительный анализ (критерий Манна-Уитни).

Результаты. В когнитивных стратегиях совладания в основных этнических группах обнаружены особенности, которые могут отражать устоявшиеся традиции и образцы поведения, актуализирующиеся при возникновении жизненных трудностей. Установлено, что большинство представителей арктических монголоидов при столкновении с неприятными событиями, склонны прибегать к таким стратегиям, как «обвинение других», «перефокусировка на планирование», «размышление», «положительная перефокусировка». К стратегиям «самообвинение» и «рассмотрение в истинном свете» прибегает меньшее количество представителей данной этнической группы. Это может свидетельствовать о возможных

¹ При поддержке РГНФ проект № 14–06–00113 «Влияние культуры на субъективное переживание депрессии и экспрессию ее признаков».

попытках возложить вину на другого человека, снимая с себя ответственность за случившееся в трудных жизненных обстоятельствах.

Результаты описательной статистики позволяют предположить, что у большинства представителей Горного Алтая в трудных жизненных обстоятельствах актуализируются, прежде всего, стратегии «самообвинение», «принятие», «размышление» по сравнению с «положительной перефокусировкой» и «перефокусировкой на планирование». Это может свидетельствовать о возможной склонности большинства респондентов считать себя виновными за произошедшее, подчиняясь сложившейся ситуации, не пытаясь найти положительных сторон случившегося.

Сравнительный анализ показал статистически достоверные различия в стратегии «самообвинение» ($U=1419,5$, $p=0,000$), «принятие» ($U=2031,0$, $p=0,017$), «размышление» ($U=2098,5$, $p=0,031$), «рассмотрение в истинном свете» ($U=1976,0$, $p=0,009$), полученные данные свидетельствуют о большей склонности представителей алтайской этнической группы прибегать к этим когнитивным стратегиям, по сравнению с народами Камчатского края. Можно предположить, что алтайцам более свойственно принятие и подчинение сложившимся обстоятельствам, принятие на себя всей вины, размышление о совершенных ошибках и последствиях при акцентировании внимания на чувствах и мыслях. Таким образом, можно предположить, что к этнопсихологическим особенностям когнитивного регулирования эмоций у представителей алтайцев можно отнести наличие таких неадаптивных познавательных стратегий преодоления трудных жизненных обстоятельств, как размышление и самообвинение. В результате факторного анализа выявлена система взаимосвязей когнитивных стратегий в каждой группе.

Литература:

1. *Татарко А.Н., Лебедева Н.М., Козлова М.А.* Этническая идентичность и ценностные ориентации представителей традиционных культур в условиях модернизации общества // Журн. прикладной психологии. – 2004. – № 4 4–5. – С. 120–127.
2. *Терехина О.В.* Актуальность изучения влияния культуры на проявления депрессии (на примере представителей этнических групп Сибири) / О.В. Терехина, Ю.А. Шухлова, Т.Г. Бохан // Антропологическая психология в XXI веке: проблемы и перспективы: сборник материалов V Сибирского психологического форума, 3–5 октября 2013 г., г. Томск. Томск, 2013. – С. 243–245.
3. *Garnefski, N., Kraaij, V., & Spinhoven, P.* (2006). Cognitive Emotion Regulation Questionnaire (CERQ).
4. *Garnefski, N., Kraaij, V., & Spinhoven, P.* (2001). Negative life events, cognitive emotion regulation, and emotional problems. *Personality and Individual Differences*, 30, 1311–1327.

«Кризис второкурсника»: особенности академической адаптации в поликультурной среде регионального вуза

Вьюжанина С.А., Кожевникова О.В.

В настоящее время анализ проблемы психологической адаптации учащихся различных уровней образовательной системы – от дошкольного до послевузовского – привлекает внимание многих ученых и педагогов-практиков. Своевременная адаптация к условиям высшей школы рассматривается в качестве одного из главных предикторов эффективной учебной деятельности студента, осуществляемой в условиях, заметно отличающихся целями, требованиями, методами обучения от средней школы (1; 176). Однако психологическим и академическим проблемам студентов второго года обучения внимание практически не уделяется ни на уровне учебного заведения, ни в плане осуществления соответствующих исследований. В западной, прежде всего, американской педагогике принято рассматривать так называемый «кризис» или «синдром» второкурсника (термин-калька используется и в нашей стране, но довольно редко и, главным образом, за пределами научного дискурса), специфика которого, по мнению ряда ученых, недостаточно изучена, а негативное влияние на процесс и результаты учебной деятельности студентов существенным образом недооценивается (2, 3, 4 и др.).

В региональном вузе академическая адаптация второкурсников осложняется еще и тем, что многим студентам, в частности, приехавшим на обучение из сельской местности, приходится адаптироваться не только к новой образовательной среде, но и к иному социокультурному окружению города. В национальных республиках добавляется этнокультурный и языковой аспект, в силу того, что представители компактно проживающих национальных меньшинств, а в случае с Удмуртской республикой, и представители титульной нации, вынуждено погружаются в русскоязычное информационное и коммуникативное пространство университета, ориентированного на общероссийские и общемировые ценности и смыслы.

Целью нашего исследования является исследование внешних и внутренних факторов и предикторов академической дезадаптации студентов второго года обучения в поликультурной среде регионального вуза и разработка на основании выявленных в ходе исследования закономерностей рекомендаций по обеспечению условий для успешной академической адаптации обучаемых указанного контингента.

В настоящий момент осуществляется пилотажное исследование, в рамках которого пятнадцати студентам-удмуртам, обучающимся на втором курсе факультета удмуртской филологии Удмуртского государственного университета, было предложено написать сочинение на тему «Кризис второкурсника». В результате контент-анализа полученных вербальных реакций были выявлены следующие категории для даль-

нейшего анализа факторов академической дезадаптации второкурсников (в скобках приводятся абсолютная (количество раз) и относительная (в процентном соотношении от общего числа упоминаний) частота встречаемости каждой категории): 1) неуверенность в правильности выбора профессии (6/20 %: «все чаще посещают мысли о том, а не ошибся ли я в выборе своей профессии»), 2) повышение ответственности (6/20 %: «на втором курсе больше нагрузки, больше ответственности»), 3) специфический стиль преподавания в университете (5/16,67: «кризис второкурсника зависит от преподавателей, их характера», «скучные, однообразные пары»), 4) финансовые трудности (3/10 %: «есть стремление и желание работать и зарабатывать, не зависеть материально от родителей»), 5) осложненная адаптация к условиям проживания в городе (3/10 %: «вроде только приехали, а уже хочется все бросить и уехать домой; эта же проблема была и на первом курсе: то, что я скучаю по дому – это наверно и есть мой кризис»), 6) отношения со сверстниками (1/3,33 %), 7) отношения со стороны преподавателей (1/3,33 %), 8) недостаточная мотивация (1/3,33 %). Об отсутствии кризиса было заявлено в 4 случаях (13,34 %: «кризис был на первом курсе», «начало учебы и пока не почувствовала этого кризиса», «трудно самой разобраться и понять, что это кризис второкурсника», «не представляю какие могут быть кризисы на втором курсе»).

Полученные в ходе пилотажного исследования результаты используются нами для уточнения исследовательского дизайна и инструментария с целью дальнейшего изучения внешних (средовых, социально-демографических, системно-институциональных, процессуально-организационных и т.д.) и внутренних (определяемых индивидуально-психологическими особенностями личности) факторов академической адаптации студентов второго года обучения.

Литература:

1. *Кожевникова О.В., Вьюжанина С.А.* К вопросу о «кризисе второкурсника» как одном из этапов академической адаптации студентов // Символ науки. 2015. – № 4 7.
2. *Gahagan J., Hunter M.S.* The second-year experience: Turning attention to the academy's middle children // About Campus. 2006. – № 4 3.
3. *Tobolowsky B.F.* Sophomores in transition: The forgotten year // New Directions for Higher Education. 2008. – № 4 144.
4. *Visible solutions for invisible students: Helping sophomores succeed / Ed. by L.A. Schreiner, J. Pattengale.* University of South Carolina. – 2000.

Теоретическая модель социоэкономической адаптации мигрантов: на примере русскоязычных мигрантов в Бельгии¹

Григорьев Д.С.

Переезд в новую страну для мигрантов является чрезвычайно сложным и напряженным процессом, потому что влечёт за собой изменения во всех сферах жизни – социальной, культурной и психологической (3). Поэтому несмотря на то, что с переездом мигранты стремятся улучшить качество своей жизни, они сталкиваются с различными проблемами, дискриминацией и экономическими трудностями. Мигранты чаще всего становятся безработными или находят работу с частичной занятостью, часто встречаются с проблемами в получении признания своей образовательной квалификации и профессионального опыта. Особые трудности, прежде всего, связаны с неприемлемыми жилищными условиями, безработицей, низкими доходами, дискриминацией, социальной изоляцией, снижением социоэкономического статуса, и низким уровнем качества жизни. В связи с чем перед мигрантами всегда остро стоит вопрос их социоэкономической адаптации, которая представляет собой результат достижения в процессе аккультурации социально-экономического положения, позволяющего мигранту полноценно участвовать в социальной и экономической жизни общества принимающей страны. И сегодня увеличивается число исследований целью которых является помощь в облегчении процесса адаптации мигрантов и улучшения их качества жизни. Тем не менее, тематика социоэкономической адаптации мигрантов до сих пор, в целом, изучена слабо (2).

Опираясь на подробный обзор литературы по данной теме (1; 2), была предложена следующая теоретическая модель, где психологические факторы выступают в качестве основных.

Уровень социоэкономической адаптации мигрантов прежде всего зависит от выбранной ими аккультурационной установки, уровня владения языком принимающей страны и продолжительности пребывания. В свою очередь, за выбором определенной аккультурационной установки стоит выраженность этнической и религиозной идентичности мигрантов и начальный уровень их языковых навыков. Для аккультурационных установок, как правило, характерно изменение в сторону большей ориентации мигрантов на принимающее общество в зависимости от продолжительности пребывания в принимающей стране.

¹ Материал подготовлен в результате проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

Аккультурационной установки предполагающие контакт с принимающей группой – интеграция и ассимиляция, положительно связаны с высоким уровнем социоэкономической адаптации, напротив, сепарация, предполагающая преимущественный контакт со своей этнической группой – отрицательно.

Мигранты с более высоким уровнем языковых навыков, а также дольше прожившие в принимающей стране, имеют более высокий уровень социоэкономической адаптации. Выраженная этническая и религиозная идентичности препятствуют ассимиляции мигрантов и способствует выбору установки на сепарацию. Развитые языковые навыки способствуют выбору более интеграционных установок – интеграции или ассимиляции, и наоборот низкий уровень знания языка принимающей страны способствует ориентации на свою этническую группу, т. е. выбору установки на сепарацию.

Чем дольше мигранты проживают в принимающей стране, тем они более склонны ориентироваться на интеграцию в принимающее общество и в меньшей степени на свою этническую группу.

Опираясь на описанную теоретическую модель, для её эмпирической проверки, был сформулирован и проверен ряд гипотез-следствий, в результате которой согласно анализу опроса 132 русскоязычных мигранта в Бельгии было установлено, что:

1. аккультурационные установки мигрантов связаны с их уровнем социоэкономической адаптации, сами по себе, независимо от продолжительности пребывания в стране и их языковых навыков;
2. высокий уровень социоэкономической адаптации мигрантов положительно связан с ориентацией на принимающее общество (интеграция и ассимиляция), и отрицательно с ориентацией на свою этническую группу (сепарация);
3. у мигрантов с ассимиляционным профилем уровень их социоэкономической адаптации значительно выше чем у мигрантов с интеграционным профилем;
4. уровень социоэкономической адаптации выше у тех мигрантов, продолжительность пребывания в принимающей стране которых более 5 лет;
5. выраженная этническая идентичность может способствовать ориентации мигранта на свою этническую группу и препятствовать ассимиляции.

Подводя итог, можно заключить, в данном исследовании удалось подтвердить наличие взаимосвязи аккультурационных установок мигрантов с уровнем их социоэкономической адаптации, а также несколько расширить и значимо дополнить представления о роли характеристик социальной идентичности в процессе аккультурации. При всем желании мигрантов полноценно встроиться в социальную и экономическую жизнь общества принимающей страны, сделать это им не всегда удается по целому ряду причин. Одна из таких причин – это опора в социоэкономической адаптации на свою этническую группу и игнорирование, или отсутствие возможности, ориентации на принимающее общество.

Литература:

1. Григорьев Д.С. Аккультурационные профили мигрантов и уровень их социоэкономической адаптации // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2015. № 43. (в печати)
2. Григорьев Д.С. Взаимосвязь выраженности этнической идентичности и аккультурационных установок мигрантов с уровнем их социоэкономической адаптации // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 41. С. 71–85.
3. Benish-Weisman M., Shye, S. Life Quality of Russian Immigrants to Israel: Patterns of Success and of Unsuccess // Social Indicators Research. 2011. Vol. 101(3). P. 461–479.

**«Создавая этномузей»: потенциал непрофильных музеев
в этнокультурном образовании**

Гринько И.А., Шевцова А.А.

Музей – один из ключевых элементов этнокультурного образования. Несмотря на критику этномузеев со стороны специалистов (5; 7), музейные экспозиции по-прежнему играют важную роль в осмыслении человеческой культуры в самых различных её вариантах.

Несмотря на всплеск интереса к этномузеям в 1990–2000-х гг., Россия в силу ряда причин испытывает дефицит музеев, посвященных этнической тематике. Так, огромный полиэтничный московский мегаполис остается единственной столицей в мире, в которой нет этнологического музея. Качество же имеющихся этнологических экспозиций зачастую не выдерживает никакой критики (4).

В данной ситуации логичным выходом было бы создание новых и кардинальное обновление старых экспозиций, однако финансовая ситуация и полная пассивность профессионального сообщества в этой сфере делают такой вариант развития событий маловероятным.

Таким образом, единственная перспектива интеграции музеев в этнокультурное образование – использование экспозиций непрофильных музеев. Несмотря на то, что музеи в большинстве своем игнорируют этническую тематику, даже неадаптированные музейные экспозиции смогут стать хорошим материалом для понимания природы межэтнических взаимоотношений и культурного обмена. Возможно, данный прием даже более эффективен, поскольку в этнографических музеях предметы в подавляющем большинстве случаев подаются без историко-культурного контекста, и это слабо способствует пониманию важности межкультурного обмена (3), а иногда и прививает чувство национального превосходства (7). Зато если показать в музее уже относительно

знакомый и привычный материал через призму этнологической науки, это не только поможет заинтересовать детей, но и позволит сформировать у них другой взгляд на взаимодействие культур (6).

В данном докладе будет приведено несколько примеров того, как можно адаптировать материалы стандартных музейных экспозиций к задачам этнокультурного образования. В качестве базовых образцов будут взяты экспозиции московских музеев, однако данный опыт может быть легко применен и в региональных музеях в силу общности и повторяемости сюжетов и тем.

Военные экспозиции. Война сама по себе является определенной формой межэтнических взаимоотношений, однако это далеко не главная тема этнокультурного образования. Для примера можно взять войну 1812 года, которой посвящены несколько новых музеев и экспозиций, открытых к юбилею. Достойны обсуждения множество оригинальных сюжетов. Например, можно напомнить, что Наполеон хотел служить в российской армии, однако из-за формальных ограничений не смог оказаться в России. Напрашиваются любопытные параллели с сегодняшними квотами на иностранную рабочую силу и их последствиями, о которых не принято задумываться.

Отдельным сюжетом является кадровый состав армии в 1812 году. Если Наполеон собрал «дванадесять языков», то и российская армия вобрала в себя представителей множества этносов и всех конфессий: от протестантов до буддистов (2), и во многом этот этноконфессиональный союз и стал залогом победы.

Музеи-усадебки. Музеи такого типа широко встречаются, и поэтому имеют большой потенциал. В качестве примера можно взять Музей-заповедник «Царицыно». Его основательница Екатерина II – по сути, выражаясь современным языком, была мигранткой и воспитывалась в Германии, что не помешало ей стать из самых ярких фигур в истории России. Раскрытие этого образа не только может снизить негативное отношение детей к «приезжим», но и создаст совершенно другой образ страны у детей-мигрантов, создаст им дополнительную мотивацию.

Здесь также будет уместно вспомнить проведение Екатериной II политики «открытых дверей» и активное привлечение мигрантов со всей Европы от Германии до Греции. Этот материал может стать интересной темой для обсуждения и сравнения с современной ситуацией в миграционной политике и отношении к мигрантам.

Экспозиции декоративно-прикладного искусства. Декоративно-прикладное искусство, несмотря на некую утилитарность, может дать не меньше примеров межкультурного взаимодействия, которое обычно остается незамеченным. Анализ обыденных вещей, как итога длительного культурного обмена, наглядно демонстрирует, что сегодняшняя повседневная культура вряд ли может считаться национальной (1).

Вокруг любой фарфоровой чашки можно выстроить целую эпопею, которая начнется в Китае, продолжится в Европе, а завершится, напри-

мер, основанием англичанином Францем Гарднером первой российской мануфактуры по производству фарфора.

Здесь мы показали три наиболее простых варианта использования типовых музейных экспозиций в этнокультурном образовании, хотя очевидно, что их гораздо больше: не были затронуты исторические, архитектурные, литературные и многие другие музеи. Все они точно также могут быть задействованы в образовательных программах. Для этого необходима лишь небольшая адаптация музейных занятий и желание по-другому посмотреть на обычные вещи.

Литература:

1. *Брайсон Б.* Краткая история быта и частной жизни. – М., 2014.
2. *Ивченко Л.* Повседневная жизнь русского офицера эпохи 1812 года. – М., 2008.
3. *Николаев О.* Традиционный миф в плену у музейного мифа: как музейщикам перестать рассказывать детям «сказки» // Музей как пространство образования: игра, культура участия. – М., 2015. С. 50–74.
4. Шокирующая Африка: туристическая экспозиция в научном музее В.Р. Арсеньев, К.П. Калиновская, Д.В. Казанцев, В.А. Бондаренко, А.Ю. Сиим, Н.Б. Кочакова, Н.А. Добронравин, С.А. Французов, В.А. Попов, В.Ф. Выдрин, А.Ю. Желтов // Этнографическое обозрение Online. Ноябрь.2007. Метод доступа: http://journal.iea.ras.ru/online/2007/EOO2007_6a.pdf
5. *Хадсон К.* Влиятельные музеи. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001.
6. *Чумалова Т.В.* Образование культурой: этнокультурная составляющая в музеях различных профилей // Этнодиалоги: альманах. 2011. № 41 (34). – С. 257–263.
7. *Шола Т.* Вечность здесь больше не живет. – М., 2013.

Основные подходы к изучению социально-психологической адаптации соотечественников в России¹

Гриценко В.В.

В структуре миграционных потоков в РФ особое место занимает так называемая миграция соотечественников на историческую родину, получившая в последние годы государственную поддержку. Согласно основному принципу Госпрограммы, «воспитанные в традициях российской культуры, владеющие русским языком, соотечественники в наибольшей мере способны к адаптации и скорейшему включению в систему позитивных социальных связей российского сообщества» (1). Однако, как показывают наши исследования, переезд в новую социокультурную среду, как правило,

¹ Исследование проводится при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Свои или чужие: особенности социально-психологической адаптации соотечественников в России», № 15–06–10188.

сопровождается возникновением целого комплекса «миграционных» проблем, имеющих как универсальный, так и специфический характер (2). В этой связи закономерно возникают вопросы, требующие научного анализа и осмысления: Как решают данные проблемы соотечественники, добровольно переселяющиеся на территорию РФ? Каковы общиe и особенные характеристики социально-психологической адаптации их в новой этно- и социокультурной среде? Какие факторы этнокультурные, экономико-географические, социально-психологические, индивидуально-личностные имеют решающее значение на этапе принятия индивидом решения о переселении и какие – влияют на успешность его адаптации на этапе реализации данного решения?

Поиску ответов на эти и другие вопросы будет посвящено исследование, цель которого – системное изучение характера взаимосвязи этнокультурных, экономико-географических, социально-психологических и индивидуально-личностных факторов и системного их влияния на успешность социально-психологической адаптации соотечественников в новых условиях проживания.

Исследование будет опираться на научно-методологические принципы культурно-исторической детерминации социально-психологических явлений, целостности и непрерывности развития личности, обращенной к миру и обладающей механизмами активности и саморегуляции. Выделенные методологические принципы определили авторское видение проблемы адаптации соотечественников в России.

Особенностями авторского подхода является, во-первых, применение социально-психологического (с позиций подхода к личности как к члену определенных социальных (этнических) групп) и индивидуально-личностного (анализ поиска личностью новой идентичности и влияние личностных особенностей на результат этого поиска) уровней анализа процессов адаптации соотечественников и членов их семей в новой среде (3).

Во-вторых, – нацеленность на выявление характера взаимосвязи этнокультурных, экономико-географических, социально-психологических и индивидуально-личностных факторов, детерминирующих успешность социально-психологической адаптации соотечественников в новых условиях проживания.

И, в-третьих, теоретическая основа нашего исследования построена в русле интегративного сочетания трех научных подходов:

- гуманистический подход, рассматривающий миграцию как потенциальное условие для профессионального самоопределения, личностного роста, самоактуализации и, тем самым, для развития определенных личностных характеристик, способствующих адаптации соотечественников и членов их семей;
- когнитивно-мотивационный подход, согласно которому травмирующие личность ситуации подвергаются сначала эмоциональной, а затем когнитивной оценке, выделяются сильные и слабые стороны ситуации, ее смысл и значение;

- системный подход, позволяющий раскрыть диалектику взаимосвязи различных структурных компонентов адаптации, выполнения ими ведущей или подчиненной роли в зависимости от стадии протекания процесса адаптации и обосновать координирующую роль ценностно-смысловых характеристик личности в достижении значимых для субъекта целей.

Согласно авторскому подходу, социально-психологическая адаптация соотечественников к новой среде будет пониматься как сложный и многомерный процесс взаимодействия их с новым социальным окружением, в результате которого происходит изменение внешних поведенческих стратегий, достигается психологическое равновесие и удовлетворенность различными сторонами жизнедеятельности в новых условиях проживания.

Теоретическое обоснование исследования с позиций указанных подходов позволяет нам сформулировать основные показатели адаптации/дезадаптации соотечественников в России:

- степень удовлетворенности соотечественниками и членами их семей основными сферами жизни на различных этапах: на этапе, предшествующем принятию решения о необходимости переезда на новое место жительства в РФ, и на момент осуществления данного решения;
- выраженность тех или иных ценностных приоритетов, установок и смысловых ориентаций, составляющих основу образа «Я» и представляющих собой результат осознания соотечественниками целей и смысла собственной жизни;
- степень выраженности или предпочтения определенных копинг-стратегий: проблемно-разрешающие стратегии или стратегии совладания с отношением индивида к проблеме;
- наличие социально-психологических и индивидуально-личностных характеристик, определяющих выбор соотечественниками тех или иных стратегий совладающего с трудностями поведения;
- восприятие происходящего, степень реализации своих ожиданий и ответственности за свой личный выбор.

Литература:

1. Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. <http://www.fms.gov.ru/programs/fmsuds/>
2. Гриценко В.В. Русские среди русских: проблемы адаптации русских вынужденных мигрантов и беженцев из ближнего зарубежья в России. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1999.
3. Гриценко В.В. Теоретические основы исследования социально-психологической адаптации личности/группы в новой социо- и этнокультурной среде // Проблемы социальной психологии личности / Под ред. Шамионова Р.М. и др. 2005. Вып.2. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2005. – С. 4–22.

Социальный капитал в полиэтническом обществе

Демчук Д.Б.

Социальный капитал, наряду с другими видами капитала, уже давно занял свое место в социально-экономических исследованиях. Тем не менее, до сих пор отсутствует консенсус касательно определения и инструментов его измерения, что затрудняет систематические исследования.

Мы дадим следующее определение. Социальный Капитал – это возможность актора получить определенные блага, используя свои социальные связи.

В нашем исследовании мы вводим понятие «Мера Социального Капитала» (V), которая в нашей модели является двухкомпонентной. Первый компонент состоит из объема социального капитала, который актор накопил в сильных связях, а второй из объема, который актор накопил в слабых связях.

В своем исследовании мы предполагаем, что социальный капитал, накопленный в сильных связях, окажет наибольшую помощь актору, столкнувшемуся с серьезными проблемами, угрожающими его физической безопасности, в то время, как социальный капитал, накопленный в слабых связях, окажется скорее полезен в личностном и профессиональном развитии.

Мы утверждаем, что в каждой конкретной ситуации для каждого конкретного актора существует оптимальный баланс между этими двумя компонентами.

Увеличение объема социального капитала сопряжено с необходимостью инвестирования ограниченных ресурсов актора – времени и сил. Человек, который одновременно может быть членом ограниченного числа групп и поддерживать контакты с ограниченным числом людей, каждый раз совершает выбор: инвестировать ресурсы в поддержание сильных связей или в расширение сети слабых связей. Также актор может инвестировать ресурсы в усиление слабой связи.

Актор является членом множества групп, участники каждой из которых могут предоставить ему некое множество благ. К примеру, принадлежность к группе «Семья» может дать актору благо «Поддержка», а принадлежность к группе «Коллеги» может дать благо «Профессиональный Совет».

Все социальные связи актора образуют социальную сеть, которая состоит из малого числа сильных связей и большого числа слабых связей. Примером использования социального капитала, основанного на сильных связях может служить человек из группы «Друзья», который помогает актору переехать на новую квартиру (при этом затрачивая большое число своих ресурсов). Примером использования социального капитала, основанного на слабых связях, может служить получение подсказки, где дешево можно нанять ответственных грузчиков от человека из группы «Посещающие Один Тренажерный Зал».

Традиционно считается, что высокий уровень социального капитала является благом. Однако, если человек обладает большим объемом

социального капитала, который проистекает из сильных связей внутри референтной группы, то отсутствие слабых связей и связей с другими группами делает актора уязвимым в тех случаях, когда члены референтной группы не могут ему помочь.

К примеру, корейская девушка-историк приезжает на учебу в США. Она может стать участницей целого ряда групп, «Корейские студенты ВУЗа», «Одногруппники», «Студенты, изучающие историю», «Соседи» и т.д.

В случае если отклонение от баланса будет происходить в сторону слабых связей, то такая студентка станет частью большего числа групп, будет иметь много связей, но они будут слабыми.

Другой крайний случай будет соответствовать ситуации, когда студентка, отдавая предпочтение сильным связям и уделяет все свое свободное время членству в группе «Корейские студенты».

Оба эти случая характеризуются отсутствием баланса. В первом случае итоговый социальный капитал девушки окажется низким, тем не менее она сможет получить помощь по очень широкому спектру проблем. Во втором случае девушка сможет получить надежную помощь, но по малому числу вопросов.

Представители ее этнической группы смогут оказать ей поддержку, подсказать как нужно вести себя в чужой стране, оказать культурную поддержку, но они будут неспособны познакомить ее с культурой другой страны или помочь получить стажировку в местной фирме.

Данные рассуждения проведены для ситуации, когда полиэтническая среда, в которой действует актор, является дружелюбной и группы, в которые актор мог бы войти, имеют очень низкий входной порог. Тем не менее, среда может быть агрессивной. Для актора членство в группах и построение сети слабых связей может быть затруднено из-за расовых, религиозных или иных предрассудков.

В таком случае у актора вариант поиска социального капитала вне референтных групп становится затруднительным и ему остается создавать несбалансированный социальный капитал сильных связей внутри референтных групп.

Литература:

1. *Coleman, J.* «Chapter 12. Social Capital» *Foundations of Social Theory.* – Cambridge, MA: Belknap of Harvard UP, 1998. – 1014 с.
2. *Granovetter M.* The Strength of Weak Ties // *Sociological Theory.* 1983. Vol. 1. С. 201–233.
3. *Putnam, R.D.* *Bowling Alone: the Collapse and Revival of American Community.* – New York: Simon & Schuster, 2001 – 544 с.

Особенности формирования этнического предпринимательства в среде мигрантов¹

Емельянова О.Я., Шершень И.В.

Миграционные процессы в обществе выступают одним из основных источников формирования населения, оказывающим влияние на ход демографических процессов путем изменения численности и соотношения различных групп населения. Значение миграции в формировании населения регионов, в целом, определяется степенью соответствия потребности экономики конкретного региона в трудовых ресурсах и их наличием, а также возможностями адаптации трудовых мигрантов и их семей к местным экономическим и социально-культурным условиям.

Рынок труда является одной из основных движущих сил миграции. С одной стороны, субъективная потребность смены места жительства появляется у лиц с худшими условиями жизни, сложившимися в силу их социального положения и создавшимися социально-экономическими условиями жизни на той или иной территории. С другой стороны, старение населения принимающей стороны и нежелание коренных жителей заниматься неквалифицированными, низкооплачиваемыми видами труда приводят к потребности в рабочей силе и стимуляции трудовой миграции.

Для мегаполисов характерна роль внутрорегиональной «маятниковой» миграции как источника трудовых ресурсов. В основе этого процесса лежат трудовые связи городов и районов, расположенных в окрестностях крупных городов, использующих труд части населения периферии, что обусловлено отсутствием развитого рынка труда в отдаленных от центра городах и районах и более высоким уровнем заработной платы в крупных городах. Таким образом, «маятниковыми» мигрантами становятся не только жители провинции, но и мигранты из стран ближнего зарубежья, снимающие жилье в области и работающие в мегаполисе.

Процесс перераспределения трудовых ресурсов в агломерации в пользу ее центра происходит не только в виде маятниковой миграции, но и в форме механического движения – приезда мигрантов, главным образом молодежи в возрасте до 30 лет. Увеличивается демографическая нагрузка на трудоспособное население районов, удаленных от центра.

Развитие этнического предпринимательства можно рассматривать как форму социально-экономической адаптации мигрантов, которые, попав в иную среду, мобилизуют свои внутренние ресурсы и, пытаясь адаптироваться, преуспеть, открывают собственное дело.

Предрасположенность отдельных народов к занятию тем или иным видом предпринимательской деятельности «по причине наличия осо-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ № 15–06–10765 а.

бых нравственных сил» была отмечена еще в начале XIX века немецким историком В. Зомбартом.

В настоящее время сложилось несколько основных направлений в концептуальном обосновании этнического предпринимательства. Ученые исследуют «этническое разделение труда», т.е. концентрацию отдельных этнических меньшинств в некоторых профессиях и секторах экономики. Этническая специализация формируется и может трансформироваться при определенных внешних и внутренних условиях.

Во-первых, социально-экономическая маргинальность этнических меньшинств является фактором высокой профессиональной мобильности этнических мигрантов и развития этнического предпринимательства. Этнические меньшинства, попадая в новую социокультурную среду, могут найти экономические ниши, ранее им не свойственные, и начать осваивать совершенно незнакомые виды деятельности. Этнические мигранты создают достаточно прочные общины, представляющие собой изолированную среду, которая оказывает поддержку вновь прибывшему, обучает и передает опыт и квалификацию. Спустя время, в течение которого будет накоплен необходимый стартовый капитал, освоен язык и произведена рекогносцировка экономического пространства, мигрант открывает свой бизнес, востребованный на данном рынке труда.

Во-вторых, на деловую активность мигрантов может оказать существенное влияние стрессовый характер миграции (стремление избежать межнациональных конфликтов, политических или этнических притеснений, депортации, угрозы физического уничтожения, стихийных бедствий и т.п.) В стрессогенных условиях мигранты демонстрируют большую сплоченность, нежели прибывшие в комфортном психологическом состоянии. Благодаря этнической сплоченности, подкрепляемой инвестициями, достигается эффект концентрации усилий этнического меньшинства на определенном роде деятельности, обеспечивающем впоследствии процветание всей общины. В качестве наиболее очевидного примера можно привести этническое предпринимательство в среде евреев.

В третьих, актуализированная потребность в достижении материальных благ, ориентир исключительно на обогащение на территории принимающей стороны, безусловно, влияет на решение открытия собственного бизнеса, на деловую активность, однако, с другой стороны, ослабляет эмоциональную сплоченность внутри этнической группы. Адаптироваться в новой этнокультурной и экономической среде, в рамках которой распределены рыночные ниши, зачастую возможно только благодаря совместным усилиям членов общины. В большинстве случаев этнического предпринимательства важно иметь больший размер капитала, чем тот, который может инвестировать одна семья.

Степень сплоченности мигрантов различных этнических меньшинств, обусловлена и другими факторами: численным составом диа-

спору, степенью компактности проживания в новом регионе или стране. Гораздо более тесно взаимодействие в пределах небольших этнических групп, поселяющихся компактно. Консолидация выступает важнейшим фактором выживания и последующей социально-экономической адаптации этнических мигрантов на новом месте жительства.

По мере укрепления социально-экономического положения мигранта происходит ослабление связей с представителями своей диаспоры. Степень ослабления этих связей прямо пропорциональна росту уровня дохода мигранта. Если представители этнического меньшинства продвигаются вверх по социальной лестнице новой родины, то эти связи могут заместиться дружественными, этническая сплоченность исчезает. По мере смены поколений происходит процесс «размывания» этнической группы, некоторые мигранты пытаются игнорировать, «забыть» свое прошлое.

В развитии этнического предпринимательства принято выделять три основные стадии: маргинализация, расцвет этнического предпринимательства и стабилизация положения мигрантов.

На стадии маргинализации мигрантов община часто скрепляется родственными и клановыми связями, а взаимоотношения с соотечественниками и связи с этнической родиной достаточно крепки. Для представителей диаспоры на этом этапе развития характерно желание сохранить свою культуру и язык, этническую чистоту и единство, причем часто эти чувства обострены. Однако именно на данном этапе происходит своеобразное накопление предпринимательских сил в общине этнических мигрантов, которые спустя определенное время проявляются как развитие этнического бизнеса. Для мигрантов этап носит скорее разведывательный характер, но одновременно представляет и очень ответственный момент, поскольку при этом определяется стратегия дальнейших действий - избираются ниши, которые можно занять на новом рынке и реализовать свой этнический потенциал с максимальной эффективностью. Иногда определенное воздействие (направляющее или корректирующее) или противодействие могут оказать внешние факторы в виде миграционной политики властей. Конкурентная борьба с коренным населением за рыночные ниши на данном этапе только зарождается и носит вынужденный характер - этнический мигрант пытается выжить всеми возможными способами. Коренное население в этот период настороженно присматривается к прибывшим этническим меньшинствам.

Расцвет этнического предпринимательства выражается в проявлении и стремительном развитии делового потенциала. Этнические мигранты определяют сферу (или сферы) своей деятельности, которые обычно представлены слабо защищенными или свободными рыночными нишами. Рыночные ниши необязательно должны быть престижными или высокодоходными, но в условиях резко возросшей по сравнению с первым этапом деловой активностью этнического меньшинства созда-

ется эффект экспансии экономического пространства мигрантами. Добившись успеха в бизнесе, этнические предприниматели зачастую не останавливаются на достигнутом и стремятся далее вверх по социальной лестнице, выстраивая политическую карьеру.

В случаях, когда мигранты заполняют непрестижные ниши, коренное население испытывает пренебрежительное отношение к ним. Если вчерашние маргиналы занимают престижные места и, следовательно, продвигаются по лестнице социального благополучия, в отношении к ним коренное население резко ожесточается.

Стабилизация положения этнических предпринимателей, завершающая процесс адаптации сопровождается привыканием принимающей стороны к мигрантам, если последние зарекомендовали себя бесконфликтными жителями, установили прочные деловые контакты с местным населением, заключили смешанные браки. Данные факторы сглаживают негативное отношение, сформировавшееся на второй стадии. Власти, оценивая этнических мигрантов с позиции движущей силы для некоторых сегментов экономики, а не конкурентов на местных рынках труда, смирились с присутствием этнических меньшинств и дают им возможность легализовать свое правовое положение, предоставляя регистрацию (гражданство), что приводит, в итоге, к ассимиляции.

Таким образом, этническое предпринимательство можно назвать результатом сочетания предрасположенности отдельных этнических меньшинств к разнообразным видам деятельности и успешной адаптации мигрантов к условиям проживания в иной социокультурной среде. Мигранты не только придают этнический колорит предпринимательству, но и зачастую выступают в роли катализаторов его развития.

Литература:

1. *Емельянова О.Я., Шершень И.В.* Адаптация fashion-бизнеса к условиям современного социокультурного пространства // *Экономическая, социальная и психологическая адаптация личности в современных условиях.* – матер. междунар. науч.-практ. конф. – Воронеж: ВГУ, 2012, С. 37–40.
2. *Емельянова О.Я., Шершень И.В.* Программы адаптации мигрантов в обязательном и дополнительном образовании как условие сохранения базовых ценностей образовательной среды региона // *Стратегии и ресурсы развития крупных городов центра России,* – сб. междунар. науч.-практ. конф. – Воронеж: ВГУ, 2008. С. 65–67.
3. *Емельянова О.Я., Шершень И.В.* Трансформация ценностей: искусство как инструмент бизнеса // *Адаптационные механизмы и практики в трансформирующихся обществах.* – матер. междунар. науч.-практ. конф. – Воронеж: ВГПУ, 2014, С. 32–35.
4. *Емельянова О.Я., Шершень И.В.* Психологические аспекты проблемы профессионального самоопределения личности (на примере представителей творческих профессий – артистов-исполнителей) // *Экономи-*

- ческая психология: современные проблемы и перспективы развития. – матер. междунар. науч.-практ. конф. – СПб: СПбГЭУ, 2014.
5. Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации – коллективная монография / науч. ред. В.И. Дятлов. Екатеринбург, 2009.

Психолого-педагогическое сопровождение процесса адаптации студентов-мигрантов к социальным практикам принимающей стороны¹

Емельянова О.Я., Шершень И.В.

Миграция в студенческой среде выступает мощным фактором, способным спровоцировать личностный (экзистенциальный) кризис, суть которого в конфликте между привычным прошлым и возможным будущим. Кризис перемещает человека в маргинальное положение или нейтральную зону; положение, когда привычные стереотипы мышления и поведения уже не работают, а новые еще не сформированы. Использование элементов жизнеизменяющей психотерапии позволит молодым людям – мигрантам почувствовать себя уверенными и способными на достижения в своей образовательной и дальнейшей профессиональной деятельности, видеть выбор там, где ранее ощущалась вынужденность.

Одной из востребованных методик адаптации мигрантов в русле экзистенциального подхода является кризисная интервенция. Идея методики базируется на теории кризиса Э. Линдемманна и концепции стадий жизненного цикла и кризиса идентичности Э. Эриксона, – это концентрация консультирования на актуальной ситуации, то есть работа с возникшей при кризисе проблемой и чувствами человека по отношению к ней. В кризисной интервенции важно оставаться «здесь», не углубляясь в историю человека и прошлые проблемы, даже если они и связаны с актуальной.

Тренинг межличностной толерантности повышает готовность человека выйти за пределы ограниченного круга «своих» (отличных от «других» по любому признаку – по национальности, вере, социальному происхождению, возрасту и т.д.) навстречу «Миру миров» – равнозначных, «равноразных» человеческих миров (М. Гефтер). В этом измерении главное «внутриличностное условие» толерантности – понимание естественности и неизбежности различий между людьми и готовность уважать эти различия, а также признание прав и свобод

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 14–06–00597.

каждого человека, способность к сосуществованию с другими людьми, к вступлению с ними в ненасильственные формы взаимодействия, готовность и способность к диалогу. Базовые коммуникативные права личности – на свою систему ценностей, на достоинство и его уважение, на индивидуальность и своеобразие, на отличие от собеседника, право на точку зрения, могут рассматриваться и как операционализация коммуникативной толерантности, как фиксация конкретных направлений усилий, необходимых для поддержания полноценного мирного сосуществования и сотрудничества.

Такой аспект адаптации образовательных мигрантов как принятие и привыкание к новым условиям жизнедеятельности, целесообразно рассматривать в русле сказкотерапевтического подхода. Изучение и анализ в группе волшебных сказок, мифов и легенд представляет интерес в рамках проблемы адаптации мигрантов т.к. именно в народном эпосе сосредоточены общечеловеческие жизненные ценности. В качестве сопровождения адаптации мигрантов в образовательной среде актуальны тренинговые занятия с элементами сказкотерапии в группах из представителей мигрантов и местных студентов (оптимально, формальные группы, в которых студенты состоят во время обучения). Анализ национальных легенд и сказаний, поиск схожих сюжетов позволит познакомить всех членов группы с различными стилями мироощущения, пониманием причинно-следственных связей и поступков.

Проблемы в студенческой среде отчасти обусловлены чрезмерной эмоциональной включенностью в ситуацию, скованностью стереотипами поведения и реагирования. Творческая энергия блокируется фиксацией внимания на преградах. В качестве деловой игры студентам можно предложить сюжет со схожими взаимоотношениями, мотивациями сказочных героев и субъектов из реальной жизненной ситуации. Это позволит высвободить потенциал творческих сил участников тренинга, т.к. отключаются стереотипы мышления, поведения, реагирования, работа ведется не с конкретной ситуацией, а дистанционно.

Не акцентируя внимания на проблеме психологической адаптации студентов-мигрантов, можно оптимально ее решить, достигая заявленные сопутствующие цели: командообразования, развития креативности, изучения глубинного смысла сказок, национальных легенд и мифов и т.п.

Литература:

1. *Емельянова О.Я., Шершень И.В.* Тренинги по формированию профидентичности и управленческих качеств личности //Иновационные доминанты социальной сферы, – сб. междунар. н.-пр. конф. – Воронеж: ВГУ, 2014. С. 52–56.
2. *Емельянова О.Я., Шершень И.В.* Трансформация ценностей: искусство как инструмент бизнеса // Адаптационные механизмы и практики в трансформирующихся обществах, – сб. междунар. н.-пр. конф. – Воронеж: ВГУ, 2014. С. 32–35.

3. Емельянова О.Я., Шершень И.В. Особенности трудовой миграции и профессиональной адаптации специалистов творческих профессий // Кризис и социально-экономическая и политическая ситуация в регионе, – сб. междунар. н.-пр. конф. – Воронеж: ВГУ, 2009. – С. 83–88.
4. Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации – моногр. / ред. В.И. Дятлов. Екатеринбург, 2009.

Толерантность/интолерантность россиян и жителей других европейских стран¹

Зеленев И.А.

Ксенофобия, в целом, является негативным полюсом континуума, образуемого отношением человека к «инаким». Понятием, наиболее близким к противоположному, то есть, положительному полюсу данного отношения, является толерантность (3).

Сформированность установок толерантного поведения раскрывается, прежде всего, в признании индивидуальности, уникальности, инаковости другого (4).

Для сравнения степени толерантности/интолерантности россиян и жителей других европейских стран, обратимся к материалам проекта «The European Social Survey»² (ESS). Из базы данных ESS с результатами опроса, проведенного в 2012 г., нами были взяты для обработки ответы респондентов на три следующих вопроса.

Е7. Скажите, насколько важным признаком демократии Вы считаете следующее... Чтобы права меньшинств были защищены.

В30. Скажите, следует ли позволить людям, которые по национальности или расовой принадлежности отличаются от большинства населения России, переезжать жить в нашу страну?

В27. Скажите, пожалуйста, насколько Вы согласны или не согласны со следующими утверждениями? Геи и лесбиянки должны иметь право вести тот образ жизни, который соответствует их взглядам.

При факторном анализе ответов на вопросы Е7, В30, В27 – все переменные сгруппировались в один главный фактор³, интерпретируемый

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 14 03 00338 «Особенности социального капитала в регионах России: возможности эмпирического анализа».

² «Европейское Социальное Исследование» – проект, в рамках которого с 2002 г. проводится многолетнее сравнительное изучение установок, взглядов, ценностей и поведения населения Европы. Социологические опросы проводятся каждые два года в трех десятках европейских стран (Россия участвует в «ESS» с 2006 г.). Выборка: более 50 тыс. интервью во всех странах в каждую волну, 1,5–3 тыс. интервью в каждой стране.

³ Напомним, что первый фактор до вращения (т.н., «главный») всегда располагается в направлении максимальной вытянутости облака дисперсии ответов, что часто используется при конструировании психологических тестов.

(с учетом знаков факторных нагрузок переменных) как «Интолерантность – Толерантность». Чем меньше значение по данному фактору, тем более выражена у респондента «интолерантность» (отрицательный полюс фактора), а чем больше значение по данному фактору – тем выше «толерантность» (положительный полюс фактора).

Отметим, что ксенофобия может проявляться как в ненависти и враждебности к какой-то одной группе людей (к примеру, гомофобия или антисемитизм), так и в тотальном неприятии представителей всех аутгрупп (3). Этнические предубеждения традиционно считаются негативными установками к этническим группам (5) и могут рассматриваться, как один из аспектов ксенофобии.

Далее, все 29 стран, из базы данных ESS-2012¹, были проранжированы в порядке возрастания их среднего значения по полученному фактору (то есть, чем больше показатель страны – тем выше ее ранг).

Полученные таким образом ранги проиллюстрированы представленными ниже процентными распределениями интолерантных/толерантных², для примера, в нескольких странах.

В России (ранг = 01): интолерантных – 56,7 %, скорее интолерантных – 24,4 %, скорее толерантных – 12,6 %, толерантных – только 6,3 %! Налицо закономерность: чем выше интолерантность респондента, тем больше таких респондентов в стране.

В Украине (ранг = 05) подобная закономерность сохраняется, правда, уже в чуть смягченном варианте: интолерантных – 43,4 %, скорее интолерантных – 29,9 %, скорее толерантных – 15,5 %, толерантных – 11,2 %.

В Болгарии (ранг = 13): интолерантных – 26,2 %, скорее интолерантных – 26,2 %, скорее толерантных – 19,7 %, толерантных – 27,9 %.

Исландия (ранг = 29) наиболее ярко демонстрирует «позитивную» закономерность: чем выше толерантность респондента, тем больше таких респондентов в стране. В этом островном государстве: интолерантных – только 3,8 %, скорее интолерантных – 12,2 %, скорее толерантных – 23 %, а толерантных – 61 %!

В ряде исследований последних лет констатируется высокая степень психологического взаимоотношения в российском обществе. В восприятии нашими соотечественниками своего социального окружения – это окружение весьма специфично: «иные» в нем почти полностью отсутствуют, или они вызывают не столько любопытство своей непохожестью, сколько отторжение (1). Спектр восприятия *инаковости* у 70 % россиян сужен до черно-белого «свой – чуждый» (2).

¹ «Европейское Социальное Исследование», волна-2012 (ESS 6). Версия базы данных – 2.0. (Norway - Data Archive and distributor of ESS data).

² Шкалы нормализованных значений, в данном случае, преобразовывались в четырехбалльные путем разделения респондентов, после ранжирования, на quartили (т. е., в первый quartиль попадают 25 % респондентов – с минимальными значениями по характеристике, а в четвертый quartиль – 25 % с максимальными)..

Нельзя сказать, что полученный, в представленной работе, показатель интолерантности соотечественников стал полной неожиданностью, тем не менее, такое печальное наше «лидерство» в Европе – тревожно...

Литература:

1. *Доцзов А.И., Зеленов И.А.* Человек публичный: оценивающий и оцениваемый // Развитие личности. 2009. № 4 4. С. 40–55.
2. *Зеленов И.А.* Восприятие социального окружения и оптимизм/пессимизм в России и других европейских странах // Вопросы психологии. 2013. № 4 2. С. 52–64.
3. *Кроз М.В., Ратинова Н.А.* Социально-психологические и правовые аспекты ксенофобии. М.: Московское Бюро по правам человека. «Academia», 2007.
4. *Лабунская В.А.* Социально-психологические презентации толерантного – интолерантного межличностного общения. Р-на-Д.: Ростовский государственный университет, 2002.
5. *Стефаненко Т.Г., Арбитайло А.М., Котова М.В.* Методы исследования этнических предрасположений / Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: Практикум. М.: Аспект Пресс, 2013. С. 51–100.

Воспитание учащихся – носителей кабардино-черкесского языка – на примерах трудовых традиций адыгского народа

Кантемирова Б.А.

Система обычаев и традиций любого народа – результат его воспитательных усилий в течение многих веков. Через эту систему каждый народ воспроизводит себя, свою духовную культуру, свой характер и психологию в ряду сменяющих друг друга поколений. Известно, что труд – источник существования и благополучия людей. Труд у адыгов был не только средством подготовки детей и молодежи к жизни, но и условием умственного, нравственного, эстетического и физического их развития и воспитания. В результате молодое поколение приобретало комплекс необходимых знаний. Это подтверждают пословицы и поговорки адыгских народов (это черкесы, кабардинцы, адыгейцы):

«ІэщІагъэ зиІэр кІуэдъркъым» («С ремеслом не пропадешь»), «Жыгыр зыгъэдахэр къыпыкІэращ – цІыхур зыгъэдахэр Іэужыщ» («Дерево красиво плодами, а человек – трудом»), «ІэщІагъэ зиІэм Іэужь иІэщ» («Кто владеет ремеслом тот оставит память о себе»), «Іуэху куэд зи ІэщІагъэр псоми яцІыху» («Кто много дел знает, того знают все»), «ЦІыхум и пщІэр къызэрыщІэнур и лэжыгъэращ» («О человеке суди по его труду»).

Взрослые, на основе своего практического опыта, учили молодое поколение что и как делать. Об этом говорят пословицы: «Еджэныр акъыл гъэжанщ» («Учить – ум точить»), «Мыщэ пэт ирагъаджэ» («И медведя люди учат»). Условия жизни сами требовали, чтобы люди имели

знания и навыки в области сельского хозяйства, метеорологии, ремесла. Трудовой опыт передавался как наука в процессе трудового обучения и воспитания в ходе участия детей и молодежи в трудовых делах.

Мысль адыгского народа сводится к тому, что именно в труде, и только в труде велик человек, чем трудолюбивее человек, тем больше он нравственно величественен. Адыгская этнопедагогика делает ценный вывод: нравственное воспитание трудового поколения есть не что иное, как воспитание его трудом.

Формируя у молодого поколения понимание сущности труда, раскрывая перед ним его значение для жизни человека, народ подчеркивал, что жизнь без труда является причиной всего уродливого, безнравственного в характере человека. Слово и словесное поучение в тесной связи с трудом оказывают большое воздействие на чувство и сознание личности: «Псалъэ Иущым Иуэху Иуц къельху» («Мудрое слово рождает мудрое дело»), «Лэжьыгъэм Цыхур егъашхэ, щхъэхынагъым егъэкIуэд» («Труд человека кормит, а лень портит»).

Детям с малых лет постоянно внушали мысль о важной роли труда в жизни человека, необходимости трудиться, чтобы обеспечить свою жизнь необходимыми продуктами и средствами существования. Родители объясняли детям общественный характер труда. Народ учил: «Без труда ничего не сделаешь», «Брошенное зерно кукурузы в землю – сорняк без затраты труда». Общественное мнение внушало всем мысль, что человек не должен сидеть без дела: «Руки, ноги целы – стыдно сидеть без дела».

Привитие навыков к труду – главная задача трудового воспитания. Дети должны привыкнуть к труду настолько, чтобы всякое безделье мучило совесть: «Ущысыпэ нэхърэ пэщачэ» («Чем сидеть без дела, лучше чтобы руки делали самое малое»), «ПщIэн умыгъуэтым щыр къэтI» («Не находишь работу, копай землю»). Последняя пословица говорит о том, что народ предпочитал и бесполезное дело безделью.

Воспитание упорства и настойчивости в труде является важной задачей народной педагогики: «Говорить о деле легко, а делать трудно», «УзэлIалIэр къолIэлIэж» («Упорствующему – упорство помогает»). Только в труде, утверждают пословицы, формируются волевые качества человека: «Трудность в труде – источник силы и воли», «Терпение в труде – накопление воли».

Народ в трудовом воспитании подрастающего поколения большое внимание уделял системе работы и своевременному ее выполнению: «Иухум убзыхуауэ елэжь» («Выполняй дело с толком»). Традиционный трудовой быт был основой требований к подрастающему поколению. Народ видел, что, как только человек переставал трудиться, начиналось его нравственное падение: «Иуэхуншэр насыпыншэщ» («Бездельник – несчастный»), «Иуэхуншэр мыгъуагыщ» («Тунеядство – порок»). Через все устное народное творчество адыгов проходит мысль, что только у

труде человек обретает счастье, что полезен обществу только тот человек, который трудится. Народ внушал молодому поколению: «Юэху цыкЮ шыІэкым, шыІэр лы цыкЮщ» («Нет незначительного дела, есть незначительные люди»), «Лэжыгыгэм уегэлыапЭри, шхэынагыэм узгэпуд» («Труд облагораживает, а лень унижает»). Создавая отрицательное отношение вокруг тех, кто не хочет и не умеет трудиться, народ успешно решал задачу трудового воспитания формированием общественного мнения, являющегося главным фактором восприятия молодого поколения. Народ высмеивал неумелых людей:

Неумелый собак к водопою гоняет,

А коней в сапоги обувает.

От волов молоко получает,

И сольцою его посыпает.

Сразу после рождения ребенка высказывалось ему пожелание, чтобы он рос трудолюбивым, умелым и умным. Такое пожелание было направлено, конечно, не в адрес новорожденного, а в адрес матери, которая не должна забывать о самом главном в воспитании своего ребенка – привить ему трудолюбие и подготовить его к труду с раннего возраста. Только в том случае работа доставляет удовольствие, если у человека выработано трудолюбие: «Фыуэ пльагы Юэхум Эр хуэлсыншІэш» («К любимой работе руки легкие»). Каждый ребенок обязан добросовестно выполнять всякую работу, порученную родителями, старшими. Малолетние дети узнают в процессе участия в домашнем хозяйстве, что существуют много разных видов работ. Об этом и говорится в пословицах, поговорках и загадках, рассказывается в сказках, поется в песнях. С помощью одних только загадок дети 6–7 лет узнают о более сорока видах труда.

Четырех – пятилетним детям рассказывали сказки, в которых добро побеждает зло благодаря неутомимому труду их героев. Например, в сказке «Глигур» старик учит мальчика плести плетень, корзину, сына отец учит ловить рыбу. В сказке «Золотой рубль» показана роль труда в жизни человека.

Ко многим видам труда дети привлекались уже с 5–7 лет. Родители для детей этого возраста изготавливали маленьких размеров орудия труда (вилы, топор, серп, косу, лопату и т.д.). Первоначальными видами детского труда были небольшие дела по самообслуживанию и домашнему хозяйству. С возрастом расширяли круг трудовых занятий детей. В 13–14 – летнем возрасте они участвовали во всех видах крестьянского труда наравне со взрослыми.

Матери обучали своих дочерей домоводству: приготовлению национальных блюд для гостей и праздников, шитью, прядению, ткачеству, вышиванию, вязанию носков, перчаток, изготовлению бурок, черкесок. Обучение домоводству усложнялось для тех девочек, у которых матери умели вышивать золотыми и серебряными нитками красивые рисунки и изготавливать предметы женских украшений: кружева, праздничные и свадебные пояса, шапки, башмачки.

Особое отношение у адыгов было к загадкам, т.к. они служили важным средством трудового воспитания, познания мира. В них осуществлялась передача молодому поколению знаний в самых разнообразных областях труда адыгов. Загадки о труде поддерживали и развивали у детей интерес к труду, своеобразно раскрывая типы труда на доступном их возрасту материале. Они давали детям целый комплекс знаний об орудиях и продуктах труда, заставляли думать о значении труда в жизни человека, например:

1. *Что же человека украшает?*
2. *Лицо железное,
Тело деревянное.*
3. *Жидкое – не вода,
Белое – не снег.*
4. *Белый как снег,
Сладкий как мед.*

Адыги считали и считают труд не только средством существования, но и средством физического развития и укрепления здоровья – источником физических сил человека. Интересы в этом отношении высказывания: «Лэжыгъэрщ къару кызыхэкӀыр» («В труде источник силы»), «ФӀуэ улажьэмэ, чыржын къудейри ӀэфӀщ» («Хорошо потрудиться – и один чурек кажется вкусным»).

Большое значение придавала народная педагогика воспитанию у детей и молодежи чувства трудовой солидарности между родными и родственниками, между людьми: «ТӀуэ уздэлажьэмэ лэжыгъэр нэх тынщщ» («Вдвоем и в труде легче»), «Зэгъусэу кыызэдэпӀэтыр ӀэмыгуафӀэшщ» («Берись дружно, не будет грузно»), «Ӏэпхуамбэ нэхърэ ӀэштӀым нэх лэщщ» («Палец слаб, а кулак силен»). Очень часто черкесы практиковали «щӀыхъэху» («взаимопомощь») во время пахоты, сева, уборки урожая, строительства домов, изготовления бурки и черкески.

В заключение приведем некоторые афоризмы из адыгского этикета. Они говорят сами за себя, раскрывая глубокий смысл народной мудрости, уходящий своими корнями в далекое прошлое:

- Работай для другого – учись для себя.
- Кто выращивает лес, тот не всегда видит плоды своего труда.
- Один человек для другого подмога.
- Умение приходит во время работы, и др.

Литература:

1. *Жильев Н.Х.* Воспитание характера на народных традициях. – Нальчик, 1995.
2. *Карданов З.П.* Кабардинские пословицы. – Нальчик, 2004.
3. *Мафедз С.Х.* Адыгэ хабзэ как мировоззрение. – Нальчик, 1994.
4. *Налоев З.М.* Сабий шэнгъасэ. Хрестоматия для детского сада. 1 том. – Нальчик, 1998.
5. *Налоев З.М.* Адыгская паремиология. – Нальчик, 2008.

6. *Пишибиев И.Х.* Адыгское устное народное творчество. – Нальчик, 1998.
7. *Смирнова Я.С., Меретуков М.А.* и др. Культура и быт адыгов. – Майкоп, 1991.
8. Старые черкесские сады. 1 том. Составитель С.Х. Хотко. – Москва, 2005.
9. Старые черкесские сады. 2 том. Составитель С.Х. Хотко. – Москва, 2005.
10. *Шеуджен А.Х., Галкин Г.А., Тхакушинов А.К.* Земля адыгов. – Майкоп, 2004.
11. *Черкесов А.И., Хакунов М.Ю.* Черкесы и черкесский этикет. – Майкоп, 2000.

Исследование социокультурных размерностей этнических групп Республики Молдова

Кауенко И.И.

Изучение социокультурных размерностей этнических групп в период трансформации общества, даёт возможность прогноза вектора развития межэтнических отношений и этноидентификационных процессов. Так же представляет интерес изучение ценностных ориентаций этнических групп с разным этносоциальным статусом – «титulyные – этнические меньшинства».

Молдаване являются титульным этносом, группой большинства в Республике Молдова (75,8 %); гагаузы являются группой большинства в территориально автономном образовании Гагаузии (АТО Гагауз Ери) (82,1 %), на юге Молдовы. Расселение русских имеет дисперсный характер, и большинство проживает в городской местности. Украинцы являются второй по численности этнической группой (8,4 %), после молдаван. Они проживают компактно на севере и востоке Молдовы, а болгары (1,9 %) на юге, в своём большинстве в Тараклийском районе

Выборка составила 200 респондентов. Возрастной, социальный статус – 18–25 лет; студенты. Этнические группы – молдаване, русские, украинцы, гагаузы, болгары. Период исследования – 2013 г. Мы провели сравнительный анализ ценностных ориентаций исследуемых этнических групп с выборкой 2006 г.

Для исследование групповых ценностных ориентаций в пределах психологической универсалии «индивидуализм – коллективизм» нами была применена методика «Культурно-ценностный дифференциал» Г.У. Солдатовой [1].

Исследуемые нами этнические группы – молдаване, русские, гагаузы, болгары, украинцы, в диапазоне «индивидуализм-коллективизм», ближе к полюсу коллективизма.

Мы исходили из того, что культуры, отнесённые к коллективистическому типу, могут отличаться друг от друга по ряду параметров. Целью

исследования было изучение ценностных ориентаций в диапазоне «индивидуализм-коллективизм» молодёжи этнических групп – молдаван, русских, болгар, украинцев, гагаузов.

Результаты исследования.

1. Молодёжь этнических групп молдаване, русские, украинцы, гагаузы, болгары *стабильно ориентированы* на группу, это подтверждено обеими выборками 2006 г. и 2013 г. Наиболее высокий уровень ориентации на группу выявлен у *болгар* и *гагаузов*.
2. Молодёжь всех исследуемых этнических групп открыта *переменам*. Уровень выраженности данной ценностной ориентации стабильно высок у группы русских, гагаузов, украинцев. Несколько неожиданным для нас было снижение уровня открытости изменениям у группы титульного этноса (молдаван) (2006 г. – 59 %; 2013 г. 44 %).
3. Произошло заметное снижение значимости *ориентации на взаимодействие* у молодёжи молдаван, русских, украинцев в сравнении с данными выборки 2006 г. Мы предполагаем, что это является реакцией данных этнических групп на экономические и социально-политические трансформационные изменения, происходящие в обществе. Молодёжь *гагаузы* и *болгары* демонстрирует стабильную ориентацию на взаимодействие.
4. По ценностным ориентациям *«направленность на власть»* характерно, что только у молодёжи *молдаван* по выборке 2013 г. превалирует стремление к слабому социальному контролю. У русских и украинцев ценностные ориентации по параметру «сильный социальный контроль – слабый социальный контроль» распадаются в равном соотношении, а у молодёжи гагаузов и болгар превалирует направленность на «сильный социальный контроль». Практически у молодёжи всех этнических групп отрицается анархия, приоритетным является законопослушание. Остаются стабильно значимыми у молодёжи обеих выборок (2006, 2013 гг.) ценностные ориентации относительно властных структур, а именно – «недоверие к власти». Это может стать значимой преградой при проведении различных экономических, социальных реформ.

Итак, по нашим наблюдениям, у всех этнических групп превалируют ценностные ориентации, характерные для коллективистических культур. Однако у каждой группы есть своя культурная ниша в континууме коллективизма. Наиболее коллективистическими являются этнические группы *болгар, гагаузов*. Далее можно выделить группу *русских, украинцев*, они наиболее близки по ценностным структурам. И третья группа – *молдаване*, которые, с одной стороны, единственные (по выборке 2013 г.), кто ориентирован на слабый социальный контроль, а, следовательно, наиболее готов к самоорганизации, с другой – они менее открыты переменам.

Можно согласиться с тем, что в настоящее время накапливаются эмпирические доказательства того, что самые разные паттерны культуры

«обладают важными характеристиками индивидуализма и коллективизма, синтезируя их, но значимо отличаясь от того и другого» [2, 195].

Литература:

1. *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. Москва: Смысл, 1998.
2. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология: Учебник для студентов вузов / Т.Г. Стефаненко – 5-е изд., испр. и доп. – Москва: ЗАО «Аспект Пресс», 2014.

Этническая группа цыган: малознакомый народ, живущий рядом

Каунова Н.Г.

Группа цыган, для большинства населения разных стран, несмотря на длительное проживание на общей территории, продолжает оставаться почти незнакомым или малознакомым народом. К особенностям этнической группы цыган относится то, что она представляет собой совокупность множества субэтносов, при отсутствии общего связующего центра. Для цыган характерно дисперсное расселение при сохранении архаических культурных механизмов; отсутствие общей территории и государственности; наличие собственного языка, который не является единым, а используются его диалекты. Известные болгарские исследователи Е. Марушиакова и В. Попов считают, что «цыгане не являются гомогенной социокультурной целостностью, а представляют собой внутренне дифференцированную на различных таксономических уровнях общность. Обобщенно можно сказать, что цыгане являются специфической разновидностью общности, так называемым «межгрупповым этническим образованием» – МЕГРЕО (1; 279).

Целью нашего исследования является изучение этнической идентичности группы цыган/ромов Республики Молдова. Мы остановимся на некоторых результатах нашего эмпирического исследования, проведенного 2013–2014 гг. В качестве методического инструментария нами использовались следующие методики: «Шкала культурной дистанции» (разработанная в ИЭА РАН) и «Культурно-ценностный дифференциал», разработанный Солдатовой Г.У.

Всего в исследовании приняли участие 23 респондента, по происхождению цыгане, в возрасте от 18 до 30 лет.

Изучение культурной дистанции показало, что наиболее значимыми маркерами для группы цыган, в первую очередь являются обычаи, обряды и традиции и язык. Именно эти культурные маркеры в большей степени участвуют в формировании и поддержании этнической идентичности ромов, а так же выполняют этнодифференцирующую функцию для построения этнокультурных границ с другими группами.

Наиболее близкая культурная дистанция у молодежи цыган наблюдается со своей группой, затем с группой молдаван и русских. Так, с молдаванами цыган объединяет общее место жительства, язык и религия, а с русскими – религия, язык и общее историческое прошлое. Далее следуют группа украинцев и гагаузов. Наиболее далекая дистанция наблюдается с евреями и болгарами.

Консолидирующими, объединяющими признаками между цыганами и другими этнокультурными группами Республики Молдова выступают общее место жительства, религия и общее историческое прошлое. Роль общих культурных маркеров достаточно велика, поскольку они являются фактором, способным поддерживать консенсус в обществе и формировать установки межэтнической толерантности, а так же стать основой для межэтнического обмена и взаимодействия.

Изучение этнокультурных ценностей показало, что для молодежи цыган среди групповых ценностей наиболее значимы «верность традициям» (95,7 %), «взаимовыручка» (87,0 %), «сердечность» (82,6 %), а среди индивидуальных ценностей «своеволие» (82,6), «самостоятельность» (78,3 %) и «соперничество» (78,35).

По шкале «ориентация на группу – ориентация на себя» цыгане характеризуют свою культуру, как ориентированную на группу, в которой высоко ценят и чтят традиции и рассчитывают на внутригрупповую поддержку. В сфере межличностных отношений респонденты разделилась практически на две равные группы, одна из которых готова к взаимодействию, а другая демонстрирует отвержение взаимодействия. При этом ни один респондент не указал «уступчивость» как качество свойственное цыганам. По шкале «ориентация на изменения – сопротивление изменениям» всего 52,1 % молодежи считают свою этническую группу настроенную на изменения и открытую для перемен. По измерению «сильный социальный контроль – слабый социальный контроль» было обнаружено, что у цыган наблюдается низкий уровень значимости социальных авторитетов и органов власти. Почти ¼ респондентов ориентированы на слабый социальный контроль, т.е. такие качества как уважение к власти, дисциплинированность и законопослушность молодежь считает не характерными чертами своего народа.

Таким образом, представленные результаты показывают нам, что, несмотря на влияние модернизации, глобализации и трансформационных процессов, группа цыган остается общностью с достаточно традиционной культурой, со «своим взглядом на мир и взаимодействие с миром».

Литература.

1. *Марушиакова Е., Попов В.* Идентичности цыган / рома в новом европейском контексте (ситуация в Восточной Европе) // Наукові записки. Т. 15. Тематичний випуск «Роми України: із минулого в майбутнє». – Київ Інститут української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського НАН України, 2008, С. 275–298.

Народная сказка как средство усвоения норм просоциального поведения в детском возрасте¹

Ковалева Ю.В., Гриценко В.В.

Одним из важных и социально значимых видов поведения человека в обществе является просоциальное поведение. Под просоциальным поведением понимают поведение индивида, которое ориентировано на благо социальных групп и направлено, прежде всего, на сохранение, защиту, облегчение функционирования социальных общностей (другого человека, коллектива, общественной организации и т.д.) (5).

Существует ряд норм релевантных просоциальному поведению, усвоение человеком которых способствует оказанию соответствующих поступков на практике, формированию позитивных форм социального взаимодействия индивидов: норма социальной ответственности, норма взаимности (реципрокности) и норма справедливости. Так, норма социальной ответственности – это общественное правило, основанное на том, что люди должны помогать тем, кто в этом нуждается. Эта норма требует просоциального поведения во всех случаях, когда нуждающийся в помощи находится в зависимости от человека, который может оказать помощь. Норма взаимности предполагает возникновение обменных отношений по оказанию помощи. Как правило, помощь оказывается в обмен на предыдущую, либо в ожидание того, что оказание помощи другим увеличит вероятность ее получения в будущем. Норма справедливости существует под лозунгом «Помоги тем, кто заслуживает помощи» и рассчитана на оказание помощи людям «по заслугам», в том объеме, в котором было установлено (предпринято) личное участие в совместной деятельности (4).

Среди источников норм, способствующих формированию просоциального поведения в детском возрасте, важное место занимает народная сказка, как особый жанр фольклора, концентрирующий в себе богатства этнической культуры. Сказка обладает преимуществами над другими воспитательными приемами, поскольку с ней ребенок встречается, начиная с самого раннего возраста. Нравственные понятия (честность, доброта, человеколюбие), ярко представленные в образах героев, закрепляются в реальной жизни и взаимоотношениях с близкими людьми, превращаясь в нравственные эталоны, которыми регулируются желания и поступки ребенка (3). Сказки – это своего рода нравственный кодекс народа, их героика – это хотя и воображаемые, но примеры истинного поведения человека (2, с.49). В них содержатся

¹ Исследование проводится при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15–26–04001 «Русский и белорусский фольклор как фактор формирования этнической идентичности детей младшего школьного возраста в поликультурном социуме»).

ся правила общения людей друг с другом, правила вежливого обращения, уважительного отношения к старшим. Так, например, сказка «Теремок» знакомит слушателей с понятием дружба, гостеприимство, совместный труд. «Гуси-лебеди» прививает чувство ответственности за свои поступки, стремлению исправлять ошибки в своем поведении, выполнять обещания. «Сестрица Аленушка и братец Иванушка» воспитывает в детях внимательность и заботливость к другим людям, уважение к старшим, послушание, терпение. Сказка «Репка» учит малышей не опускать руки при возникновении проблем, а смело и дружно бороться с трудностями, воспитывает ребенка в духе гуманизма, учит совместными силами добиваться успеха, достойно и уважительно относиться даже к самому крохотному существу на свете.

Также целям воспитания просоциального поведения служат и сказки, в которых осмеиваются такие человеческие пороки, как злобность, заносчивость, трусливость, глупость, жестокость, хвастовство, лень, продажность и многое другое. Благодаря присутствию животных в простом содержании сказки «спрятаны» такие идеи, которые составляют суть морального кодекса народа. Те сюжеты, которые разворачиваются в сказках о животных, являются некой инсценировкой реальных жизненных ситуаций. К примеру, сказка «Заяц, петух и лиса» высмеивает трусость, жадность и хитрость, противопоставляет им смелость, доброту и сочувствие.

Итак, сказка способствует усвоению нравственно-поведенческих культурных норм и ценностей, закрепленных в культуре народа. Нравственно-поведенческие нормы ответственности, взаимности, справедливости находят выражение в системе образов, характеров сказочных персонажей, раскрывая которые, вникая в суть их поступков, ребенок формирует представления о плохом и хорошем, о неприемлемом и должном поведении. Сказки учат детей радости принятия бытия, кооперации, поддержанию друг друга, оказанию помощи людям, находящимся в трудной жизненной ситуации.

Литература:

1. *Абрамова О.А.* Нравственно-эстетические и ментальные ценности фольклора: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Барнаул, 2006.
2. *Аникин В.П.* К мудрости ступенька. – М.: Детская литература, 1988.
3. *Аникин В.П.* Русская народная сказка. – М.: Просвещение, 1977.
4. *Капарара дж. Севон Д.* Психология личности. – СПб: Питер, 2003.
5. *Кондаков И.М.* Психологический словарь. – М.: ОЛМА Медиа Групп, ОЛМА ПРЕСС Образование, 2007.

Переживание экстремистско-террористической угрозы представителями разных поколений

Константинов В.В., Бузыкина Ю.С.

В настоящее время проблема активизации и роста экстремистско-террористических тенденций в современном обществе становится наиболее острой и актуальной. В связи с чем, без внимания не могут оставаться вопросы, связанные с изучением последствий угрозы экстремизма и терроризма. По нашему мнению, особенности переживания представителями разных поколений экстремистско-террористической угрозы, проявляются в специфике различий по степени выраженности эмпатии, альтруизма, ожидания положительного отношения от других, а также осмысленностью жизни, агрессивностью, переживанием террористической угрозы и приверженностью антидемократической идеологии в зависимости от региона проживания (в качестве критерия выбора регионов выступил объективный показатель – наличие инцидентов террористической направленности на территории г. Волгограда и г. Пензы). Выборку составили 260 человек, проживающих в г. Пензе и г. Волгограде. Из них 130 студентов вузов Волгограда и Пензы в возрасте от 20 до 22 лет (младшее поколение); 130 человек в возрасте от 43 до 45 лет (старшее поколение).

По итогам проведенного эмпирического исследования сделаны следующие выводы: 1. В зависимости от террористической активности в регионе проживания наблюдается специфика переживания представителями младшего и старшего поколений экстремистско-террористической угрозы.

В регионе с низкой террористической активностью (г. Пенза), испытуемые ассоциируют «терроризм» с конкретными действиями и событиями, непосредственно связанными с терактами – «взрыв», «захват заложников», «жертвы, массовое уничтожение людей». При этом, как у младшего, так и старшего поколений преобладают ассоциации, связанные со «взрывом». Не зависимо от поколения ассоциации, связанные с эмоциональными переживаниями – «страх», «страдания», «горе», преимущественно характерны для региона с высокой террористической активностью (г. Волгоград).

В Пензе в качестве мотивов совершения терактов выделены следующие: самореализация, материальные мотивы, утрашение. Идеинные мотивы (воплощение религиозных идей, фанатизм), а также мотив утрашения преимущественно называют в Волгограде. При этом в Пензе среди младшего поколения преобладают названные мотивы самореализации и материальные мотивы, а среди старшего поколения – мотив утрашения.

Большинство представителей младшего и старшего поколений (29,6 %), не зависимо от террористической активности в регионе, испытывают страх, когда слышат о совершении терактов.

По категории «отношения к представителям других национальностей», можно сказать, что не зависимо от поколения и региона проживания для большинства характерно доброжелательное отношение к людям другой на-

циональности и возможность скрывать свои чувства в отношении тех, кто им не нравится (преобладает у представителей младшего поколения г. Пенза).

Большинство испытуемых считают, что отношение к другому человеку не зависит от его национальности. Но у младшего поколения Волгограда преобладает мнение, что «отношение к человеку другой национальности зависит от самого человека», а представители младшего поколения Пензы считают, что национальность человека может играть роль в проявлении определенного отношения к нему и предпочитают не общаться с лицами «кавказских национальностей».

В Волгограде преобладает мнение, что основными причинами национальной неприязни выступают стереотипы в отношении других национальностей. Однако 33,8 % представителей младшего поколения г. Волгограда в качестве причин национальной неприязни называют «высокий уровень криминализации ряда национальностей». Пренебрежением к культуре и традициям других национальностей, а также низким уровнем культуры (характерно для 40 % старшего поколения г. Пенза) объясняют национальную неприязнь в Пензе.

1. В Волгограде 40 % опрошенных считают недопустимым использование любых средств для достижения целей и отстаивания интересов своего народа даже за счет собственных интересов, в то время как в Пензе 31,5 % «до некоторой степени» допускают такую возможность. Данное мнение преобладает у 33,8 % молодых людей Пензы. Около половины опрошенных считают, что большинство важных событий в жизни является результатом их собственных действий (преобладает у старшего поколения в обоих регионах, а также у младшего поколения в Волгограде). Везением и удачами объясняют события своей жизни 35,4 % испытуемых (преобладает у младшего поколения г. Пенза). Остальные 15,8 % связывают их с результатом действий других людей.

2. В зависимости от террористической активности в регионе наблюдаются различия по степени выраженности социально-психологических характеристик у представителей младшего и старшего поколений.

У представителей младшего поколения в регионе с низкой террористической активностью в большей степени, чем в регионе с высокой террористической активностью, выражены негативизм, агрессивность (преимущественно в вербальной форме), приверженность антидемократической идеологии, эгоизм. У представителей старшего поколения в регионе с низкой террористической активностью выше эгоизм и устойчивость к воздействию информации о терактах.

В регионе с высокой террористической активностью у младшего поколения выше осмысленность жизни, в частности постановки целей на будущее, в удовлетворенности самореализацией и уверенности в том, что, все события жизни являются результатом их собственных действий, у них больше развита эмпатия, альтруизм, ожидание положи-

тельного отношения от других, выше антиципация и ниже устойчивость к информации об экстремистско-террористической угрозе. У старшего поколения г. Волгограда по сравнению с г. Пензой, выше показатели по антиципации, эмпатии и альтруизму, а также ниже по устойчивости к воздействию информации из СМИ о терактах и приверженности антидемократической идеологии.

3. Переживание представителями разных поколений экстремистско-террористической угрозы обусловлено степенью выраженности таких социально-психологических характеристик, как эмпатия, ожидание положительного отношения от других, осмысленность жизни, альтруизм, агрессивность, переживание террористической угрозы и приверженность антидемократической идеологии, может быть представлено в виде типов переживания экстремистско-террористической угрозы – деструктивный, принимающий, адаптивный, отрицающий и дискомфортный типы. Кроме того, была выявлена различная степень выраженности определенного типа в зависимости от региона проживания. Для жителей Волгограда наиболее характерны «Адаптивный» и «Дискомфортный» типы, а для Пензы – «Принимающий» и «Деструктивный» типы. «Отрицающий» тип является общим для жителей Пензы и Волгограда.

Кросскультурное сравнение имплицитных теорий ума и личности (у российских и азербайджанских студентов)

Корнилова Т.В., Чумакова М.А.

В развивающейся психологии неопределенности назрела необходимость выделить кросскультурный аспект связей между имплицитными теориями интеллекта и личности и отношением человека к неопределенности, поскольку оно может не только отличать представителей разных культур, но и влиять на обучение.

Проблему кросскультурного изучения имплицитных теорий (ИТ) интеллекта освещали Р. Стернберг, П. Ружгис и другие. ИТ играют важную роль в представлениях об уме и умном человеке. Разработанные К. Двек представления об «инкрементальных» и «константных» ИТ интеллекта и личности (1) были верифицированы и в рамках других культур; для русскоязычных выборок это исследования по апробации методик Двек (3); изучение связей ИТ с уровнями интеллекта и самооценок интеллекта. Так, в нашей предыдущей работе (5) самооценки обучения были связаны с ИТ, что соответствовало гипотезе Двек о роли самопрезентаций в мотивации учения и академических достижениях. Однако при структурном моделировании ИТ интеллекта и личности не смогли войти в модель регуляции академических достижений студентов.

Целью излагаемого ниже исследования было сравнить ИТ интеллекта и личности и толерантность-интолерантность к неопределенности у азербайджанских и российских студентов. Это стало возможным благодаря тому, что в Бакинском филиале студенты учатся по тем же программам, что и в Москве, и азербайджанские студенты владеют русским языком.

Нами предполагалось, что их личностные особенности не могут не включать детерминацию со стороны принятых в культуре норм отношения к неопределенному будущему, к новизне, к другому человеку и к себе. Гипотезы конкретизировались по отношению к высоте личностных переменных и различиям в их взаимосвязях у российских и азербайджанских студентов.

Российскую выборку составили 359 студентов (303 жен. и 56 муж.); средний возраст $M=19.35$, $SD=0.98$. Азербайджанскую выборку – 265 человек (180 жен. и 85 муж.), $M=19.2$, $SD=1.83$.

Все участникам предлагались опросники: ИмPLICITных теорий К. Двек – С. Смирнова (3). 2) Опросник Баднера (4). 3) Новый опросник толерантности к неопределенности – НТН (2).

Результаты. Для российской и азербайджанской выборок получены сходные факторные структуры опросника ИмPLICITных Теорий, диагностирующего также целевые ориентации в обучении и академическую самооценку.

Установлены значимые различия по ряду переменных. Как и ожидалось, в московской выборке по сравнению с бакинской значимо выше показатели толерантности к неопределенности и ниже – интолерантности.

Сравнение различий по полу показало, что женщины в обеих выборках имеют сходную по высоте интолерантность к неопределенности, а общее различие задано именно мужскими подвыборками – больший показатель интолерантности характеризует мужскую азербайджанскую выборку.

Часть результатов оказалась неожиданной. Больше верят в то, что интеллект развивается в обучении, именно азербайджанские студенты, хотя они и считают себя менее успешными, чем российские (по самооценке обучения). Российские студенты в большей степени считают, что личность может развиваться, но чаще придерживаются теории константного интеллекта. Ориентации на цели обучения оказались выше у азербайджанский студентов.

При медианном расщеплении по личностным свойствам установлено, что в российской выборке у лиц с более выраженной ИТ развивающегося интеллекта обнаруживается и более высокая толерантность к неопределенности, а в азербайджанской – интолерантность к неопределенности.

Российские студенты с верой в ИТ константного интеллекта в большей степени не принимали неопределенность в межличностных отношениях.

В выборке азербайджанских студентов толерантность к неопределенности была связана с увеличением ориентации на мастерство в целях обучения.

Обсуждение результатов в докладе строится в предположении об уровнях связях в самосознании личности между более осознанными само-

оценками и более глубинным пластом имплицитных представлений об интеллекте и личности, также различии в социокультурных нормах принятия и непринятия неопределенности и риска в сравниваемых культурах.

Литература:

1. Двек К.С. Новая психология успеха. Думай и побеждай. Харьков: Книжный клуб «Клуб семейного досуга», 2007.
2. Корнилова Т.В. Новый опросник толерантности-интолерантности к неопределенности // Психологический журнал, 2010а. Т. 31. № 41. С. 74–86.
3. Корнилова Т.В., Смирнов С.Д., Чумакова М.А., Корнилов С.А., Новотоцкая-Власова Е.В. Модификация опросника имплицитных теорий К. Двек (в контексте изучения академических достижений студентов // Психологический журнал, 2008. Т. 29. № 43. С. 106–120.
4. Корнилова Т.В., Чумакова М.А. Шкалы Толерантности и Интолерантности к неопределенности в модификации опросника С. Баднера // Экспериментальная психология. 2014. № 41. С. 46–54.
5. Kornilova T.V., Kornilov S.A., Chumakova M.A. Subjective Evaluations of Intelligence and Academic Self-Concept Predict Academic Achievement: Evidence from a Selective Student Population // Learning and Individual Differences, 2009. V. 19. № 44. P. 596–608.

Потенциальные возможности этнических субъектов с высокой и низкой активностью преодоления трудностей в проблемной ситуации культурного взаимодействия¹

Коробейникова Я.П.

Известно, что представления людей о других культурах зачастую достаточно поверхностны и неточны, однако устойчивы и даже ригидны, а также пристрастны, эмоционально оценочны, что категоризирует их как этнические стереотипы (4). Влияние культуры на поведение человека, причины этих влияний многообразны и сложны (Дж. Берри, В.В. Гриценко, Л.М. Дробижева, Н.М. Лебедева, Д. Мацумото, Г.У. Солдатова, Т.Г. Стефаненко, В.Ю. Хотинец). Этноцентризм, как склонность к предпочтению ценностей собственной культуры и отношение к её правилам как естественным и единственно возможным выступает неизбежной характеристикой межкультурной коммуникации через непонимание (3; С. 304).

Цель исследования: определить потенциальные возможности (психодинамические, личностные и социально-психологические свойства) этнических субъектов с высокой и низкой активностью преодоления трудностей в проблемной ситуации культурного взаимодействия. Участ-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15–13–18001а(р)).

ники исследования: 168 студентов в возрасте 17–22 лет, обучающиеся в Удмуртском государственном университете на факультетах удмуртской филологии (85 студентов, принадлежащих к удмуртской этногруппе) и русской филологии (83 студента, принадлежащих к русской этногруппе). Методики: опросник формально-динамических свойств индивидуальности (ОФДСИ) В.М. Русалова, тест суждений об общительности А.И. Крупнова, метод диагностики межличностных отношений Т. Лири, методика для диагностики поведения в конфликтной ситуации К.Н. Томаса.

Установлено, что удмурты с высокой активностью преодоления трудностей выделяются более высокими значениями по формально-динамическим шкалам коммуникативной активности во взаимоотношениях с представителями своей этнической принадлежности и выраженностью социоцентричности в отношении с представителями других этногрупп. При этом русские с высокой активностью преодоления трудностей в ситуации взаимодействия с представителями своей этногруппы, в большей степени, склонны к проявлению интернальности, нежели чем с представителями другой этнической принадлежности. Это позволяет говорить о потенциальных возможностях психодинамических свойств выступить в качестве функционального резерва (например, удмуртов с высокой активностью преодоления трудностей в отношении с представителями своей этногруппы), а личностных и социально-психологических качеств стать ресурсами (например, у русских с высокой активностью преодоления трудностей в отношении с представителями своей этнической принадлежности, а у удмуртов с высокой активностью преодоления трудностей в отношении с представителями другой этногруппы), определяя при этом диапазон регулятивных возможностей и направление их реализации в ситуации культурного взаимодействия. Очевидно, что в отношении с представителями своей этногруппы, резервные возможности респондентов, обеспечивают реализацию активности в совместном преодолении трудностей и придают устойчивость к вызовам, оказывающим воздействие извне (В.Ю. Хотинец).

Таким образом, выявленные кросскультурные различия подтверждают, что этнопсихологические особенности, которые культивируются в этнических сообществах, вбирают в себя механизмы психологической защиты и совладания, в случае возникших трудностей, направленные на их преодоление. Так, эмоциональная сдержанность, взвешенный подход к решениям и нормативность поведения, придающие уверенность и чувство безопасности, поддерживающие равновесие и внутреннее спокойствие, как отличительные характеристики удмуртов, отводят их от конфликтных ситуаций в межэтнических отношениях. Открытость, способность легко и непринуждённо включаться в коммуникативный процесс, устанавливать и поддерживать межличностные контакты у

русских, удерживают и препятствуют переходу проблемной ситуации в разряд критических (1, 6, 7).

Литература:

1. Аллик Ю., Мьттус Р., Реало А., Пуллманн Х., Трифонова А., Мак-Крэй Р.Р., Мещеряков Б.Г. Конструирование национального характера: свойства личности, приписываемые типичному русскому // Культурно-историческая психология. 2009. № 4 1. С. 2–18.
2. Крюкова Т.Л. Социальные представления и установки как факторы совладания с трудностями межкультурного диалога россиян и западноевропейцев // Вестник РГНФ. 2010. № 4 1. С. 157–166.
3. Мацумото Д. Психология и культура. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2002. – 416 с.
4. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: Аспект-Пресс, 2008. – 208 с.
5. Хотинец В.Ю. Со-бытие культур. Психологические универсалии в культурном многообразии. Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 2005. – 152 с.
6. Хотинец В.Ю. Моделирование ментальности на основе религиозно-мифологических представлений и культурных ценностей удмуртов// Социологические исследования. 2011. № 4 2. С. 99–108.
7. Хотинец В.Ю. Методологические основы этнической и кросскультурной психологии: учебное пособие. М.: ФОРУМ, 2012. – 86 с.

Особенности планирования тренинга формирования толерантности и межкультурной компетентности

Лейбман И.Я.

Рост миграционных потоков в мире заставляет людей взаимодействовать с представителями различных культур. Это могут быть соседи по площадке, коллеги по работе, соученики или учителя. Иногда в отношениях возникает непонимание, напряжение либо конфликты.

Н.М. Лебедева одной из задач этнопсихологии называет «изучение психологических механизмов формирования этнической толерантности на групповом и личностном уровне» (1, стр. 29). Возрос запрос на тренинги толерантности, межкультурной компетентности. Вместе с тем, не всегда удается достичь желаемого результата, сохраняется не толерантная позиция участников тренинга.

Попробуем проанализировать создавшую ситуацию. Программы формирования межкультурной компетенции, как правило, отталкиваются от осознания этноидентичности участников, формируют эмоциональное принятие иного за счет эмпатии (создается возможность почувствовать себя в другой позиции); когнитивный компонент обеспечивается предлагаемой мотивацией; бихевиоральный – за счет развития навыков поведения (например, решение конфликтов). При всей логичности предложенного подхода, вне зоны внимания психологов могут оставаться факторы, влияющие на убеждения и поведение людей.

Нетолерантные взгляды в значительной мере базируются на предубеждениях. Если рассмотреть теории формирования предубеждений, то можно увидеть, что в основе лежат личные глубокие переживания: конфликт личных ценностей и переживаний («Теория амбивалентности», «Отвергаемый расизм», «Теория вины»), защита личных ценностей («Символический расизм»), ощущение или реальная конкуренция («Теория реалистического группового конфликта»), страх («Теория интегрированной угрозы»), представления о власти («Теория социального доминирования»), идентичность («Теория социальной идентичности»).

Стоит так же отметить, что в мире происходят интенсивные изменения. Для культур с высоким избеганием неопределенности (в т.ч. России), это ведет к повышению уровня тревожности, сопротивлению ко всему новому, в том числе, и встрече с другими.

До той поры, пока не будут легализованы такие сильные переживания, не будут найдены социально приемлемые способы их размещения, тренинг формирования толерантного поведения будет направлен на устранение внешних проявлений, игнорируя глубинные причины. Поведение, не совпадающее с личными переживаниями и убеждениями, усиливает внутреннее напряжение, не всегда бывает устойчивым.

Предложенный взгляд заставляет сдвигать фокус работы с позиций социально-психологического тренинга к терапевтической группе. Действительно, у каждого раздела психологии свои задачи, но человека разделить нельзя. Интегрируя в практической работе различные психологические подходы, можно повысить эффективность.

Исходя из выше сказанного, перед тем, как начинать тренинг по формированию толерантного поведения и межкультурной компетентности, психологу полезно познакомиться с группой, выяснить ее специфику, особенно это касается устойчивых коллективов со своей динамикой: класс, студенческая группа, педагогический коллектив, отдел и т.д.

Литература.

1. *Лебедева Н.М.* Этнопсихология. – М.: «Юрайт», 2014.

**Роль несовместимости идентичностей
во взаимосвязи дискриминации и аккультурации:
на примере русских подростков Северного Кавказа**

Лепшюкова З.Х., Лебедева Н.М.

Исследование подготовлено в ходе проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии на государственную поддержку

ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

Анализ идентичностей, основанный на членстве в отдельных группах, все чаще уступает место анализу многофакторной и сложной природы групповой идентичности (5,7). Во многом это обуславливается тем, что в современном мире люди зачастую считают себя представителями нескольких групп в одно и то же время (2). Так, например, русские, проживающие на Северном Кавказе, довольно часто определяют себя как кавказские русские, русские кавказцы или русские с Кавказа, то есть идентифицируют себя в терминах региональной и этнической идентичностей. Тогда как мусульмане, проживающие в Британии, зачастую называют себя британскими мусульманами, то есть идентифицируют себя в терминах национальной и религиозной идентичностей (4). Идентичности, входящие в подобные множественные групповые категории, не всегда совместимы, то есть человек может воспринимать их как несовместимые (6). Это происходит при наличии определенных факторов, например, при наличии воспринимаемой групповой дискриминации (4). В нашем исследовании мы ставим перед собой задачу выявить роль несовместимости этнической (русской) и региональной (кавказской) идентичностей во взаимосвязи дискриминации и аккультурации (аккультурационных стратегий) у русских подростков Северного Кавказа. Ранее взаимосвязь дискриминации и аккультурационных стратегий изучалась в рамках масштабного исследования международной командой ученых во главе с Дж. Берри в 13 странах на молодых иммигрантах (3). Однако роль воспринимаемой несовместимости идентичностей в данной взаимосвязи не изучалась, лишь роль отдельных видов идентичности.

Выборка исследования: 104 русских подростка из Кабардино-Балкарской Республики от 14 лет до 21 года, из них 54 юноши и 50 девушек, средний возраст 17,8 лет. Данная категория населения выбрана в качестве объекта исследования, так как в настоящее время все острее становится проблема оттока русского населения из республик Северного Кавказа, особенно молодежи (1). Этому способствует ряд социальных и экономических факторов, но в нашем исследовании мы фокусируем свое внимание на социально-психологических факторах.

Методики исследования: шкала воспринимаемой дискриминации и шкалы для измерения аккультурационных стратегий из проекта MIRIPS, пятибалльная шкала воспринимаемой несовместимости идентичностей (6).

Результаты исследования: С помощью моделирования структурными уравнениями построено 4 модели с медиацией. В модели интеграции, обнаружено, что воспринимаемая дискриминация положительно связана с воспринимаемой несовместимостью идентичностей, последняя в свою очередь отрицательно связана со стратегией интеграции, модель полной медиации. В модели сепарации, обнаружено, что воспринимаемая дис-

криминация положительно связана с воспринимаемой несовместимостью идентичностей, последняя в свою очередь положительно связана со стратегией сепарации, модель полной медиации. В моделях ассимиляции и маргинализации, обнаружено, что воспринимаемая дискриминация положительно связана с воспринимаемой несовместимостью идентичностей, последняя в свою очередь положительно связана со стратегиями ассимиляции и маргинализации, модели частичной медиации.

Таким образом, мы можем сказать, что воспринимаемая русскими подростками дискриминация способствует воспринимаемой несовместимости региональной (кавказской) идентичности и этнической (русской) идентичности, которая в свою очередь отрицательно связана со стратегией интеграции, то есть со стремлением русских подростков сохранять свою культуру и поддерживать контакты с представителями титульных этносов. При этом воспринимаемая несовместимость идентичностей положительно связана со стратегиями ориентированными на одну культуру (сепарацией и ассимиляцией) и со стратегией маргинализации, которая не ориентирована ни на свою, ни на чужую культуры.

В целом стоит отметить, что воспринимаемая несовместимость идентичностей является не просто медиатором во взаимосвязи дискриминации и стратегий аккультурации, но и в определенной мере обуславливает выбор той или иной аккультурационной стратегии.

Литература:

1. Аккиева С.И., Геккиев К.Б. (2012). Демографический потенциал модернизации народов КБР в начале XXI века. Russian journal of Earth Sciences, 12, 2012. Дата просмотра 22.06.2014 <http://ores.su/index.php/-12122012/228-2012-12-24-13-22-02>.
2. Benet-Martínez, V., Haritatos, J. (2005). Bicultural identity integration (BII): Components and psychological antecedents. Journal of Personality, 73, 1015–1049.
3. Berry, J.W., Phinney, J.S., Sam, D.L., & Vedder, P. (2006). Immigrant youth: Acculturation, identity, and adaptation. Applied Psychology: An International Review, 55, 303–332.
4. Hutchison, P., Lubna, Sh., Goncalves-Portelinho, I., Kamali, P., Khan, N. (2014). Group-based discrimination, national identification, and British Muslims' attitudes toward non-Muslims: the mediating role of perceived identity incompatibility. Journal of Applied Social Psychology, 1–15.
5. Roccas, S., Brewer, M.B. (2002). Social identity complexity. Personality and Social Psychology Review, 6, 88–106.
6. Verkuyten, M., Martinovic, B. (2012). Social Identity Complexity and Immigrants' Attitude Toward the Host Nation: The Intersection of Ethnic and Religious Group Identification. Personality and Social Psychology Bulletin, 38(9), 1165–1177.
7. Verkuyten, M., Yildiz, A.A. (2007). National (dis)identification and ethnic and religious identity: A study among Turkish-Dutch Muslims. Personality and Social Psychology Bulletin, 33, 1448–1462.

К вопросу о психолого-педагогическом сопровождении инокультурных одаренных учащихся

Мешкова Н.В.

Одна из проблем психолого-педагогического сопровождения школьников касается диагностики и развития одаренных инокультурных детей. Осложняется ее решение тем, что не всегда педагоги осведомлены о том, что такое одаренность и каков спектр проблем, с которыми сталкиваются одаренные дети. В результате затруднена *организация* эффективного образовательного процесса, направленного на развитие этой категории учащихся (3). Если говорить о представителях другой культуры (и, прежде всего, Средней Азии), то работа с одаренным ребенком должна опираться на знания о его особенностях, как представителя этой культуры.

Соответственно без изучения закономерностей и связей между разными видами одаренности и культурной/этнической принадлежностью вряд ли возможно осуществить качественную и объективную диагностику. Справедливость подобного вывода демонстрируют результаты зарубежных исследований влияния манипуляции фокусом задачи на конвергентное мышление, согласно которым, 1) афроамериканцы показывали лучшие результаты в том случае, когда им говорилось, что проверяются математические способности, чем в условиях, когда им сообщалось, что проверяется интеллект, и 2) результаты женщин-азиаток были выше в условиях, когда им сообщалось о том, что тестируются математические способности азиаток, чем в условиях проверки математических способностей женщин (см. 7). Иными словами, существуют гендерные и культуральные различия, оказывающие влияние на результаты испытуемых и это влияние следует учитывать при организации диагностики способностей.

Еще одному моменту, связанному с диагностикой, следует уделить внимание: ситуационным влияниям на креативность. Было показано, что в ситуации ожидания вознаграждения показатели невербальной креативности (составление коллажа) у арабских школьников не отличались от показателей в ситуации отсутствия ожидания вознаграждения, чего не наблюдалось в американской выборке (5). Разумеется, что культуральная специфика воздействия данного ситуационного фактора на креативность предполагает изучение этого эффекта на выборках российских школьников и расширения набора ситуаций (например, ограничение времени на решение задачи) с тем, чтобы можно было разработать комплекс стратегий, помогающих выявить способности (1).

Теперь о зарубежных исследованиях, демонстрирующих особенности, которые необходимо принимать во внимание при организации работы по развитию одаренных инокультурных школьников. Здесь следует отметить, что проживание в инокультурной образовательной среде может оказывать влияние на развитие способностей. Например, бiculturalная

ные эффекты на креативность в зависимости от страны, в которой дети жили, были выявлены в исследованиях Т. Лубарта и его коллег на выборках китайских и французских школьников. Так, показатели вербальной и невербальной креативности имели неодинаковую выраженность и различались у монокультурных и бикультурных учащихся (6).

Результаты лонгитюдного исследования одаренных детей в Саудовской Аравии продемонстрировали, что имеются культурные различия в социодемографических показателях, оказывающих воздействие на развитие разных видов способностей одаренных детей (2). Оказалось, что состав семьи, образование родителей и их занятость в профессии, а также внешкольная активность самих детей специфично взаимодействовали, влияя на развитие способностей. При этом количество и гендер сиблингов отрицательно коррелировали со способностями одаренных мальчиков, причем было показано, что, чем больше братьев, тем ниже творческие способности, а количество сестер отражается на снижении аналитических способностей, однако очередность рождения не сказалась на уровне способностей. Особенность одаренных девочек состояла в том, что их аналитические способности позитивно коррелировали с количеством лет изучения Корана, а творческих способностей – с заучиванием его глав наизусть (4).

Приведенные результаты зарубежных исследований убедительно демонстрируют, что для диагностики способностей и организации развивающей работы с одаренными инокультурными учащимися важно иметь представление не только о том, что такое одаренность, но и учитывать культурные особенности ее проявления и закономерности развития. Стране нужен качественный человеческий капитал, и не использование ресурсов миграционных процессов для его формирования – расточительство в условиях «демографической ямы». При этом не стоит забывать, что не менее важной является задача сохранения лояльности этого капитала взрастившей его культуре.

Литература:

1. Мешкова Н.В. Современные зарубежные исследования креативности: социально-психологический аспект // Социальная психология и общество. 2015. Т.6. № 42. С.8–21.
2. Мешкова Н.В. Зарубежные исследования одаренности: социально-психологический аспект [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2015. Т.4. № 41. С.26–44. URL: <http://psyjournals.ru/jmfp/2015/n1/76175.shtml>
3. Попова Л.В., Мешкова Н.В. Представления администраторов образовательных учреждений об одаренных учащихся [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2015. Т.7. № 41. С. 97–110. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2015/n1/75655.shtml
4. Hein S., Tan M., Aljughaiman A., Grigorenko E.L. Characteristics of the home context for the nurturing of gifted children in Saudi Arabia // High Ability Studies. 2014. Vol. 25:1. P. 23–33.

5. *Hennessey B.A.* 2003. The social psychology of creativity. *Scand. J. Educ. Res.*, 2003. № 4 47. P. 253–71.
6. *Lau S., Cheung P.C., Lubart T.*, et al. Bicultural Effects on the Creative Potential of Chinese and French Children // *Creativity Research Journal*, 2013. Vol. 25. № 4 1. P. 109–118.
7. *Runco M.A., Cramond B., Pagnani A.R.* Gender and creativity / *Chrisler J.C., McCreary D.R.* (eds.) *Handbook of Gender Research in Psychology*. Springer Science+Business Media, 2010. P. 343–358.

Образовательные технологии в профилактике дезадаптации и межэтнической напряженности в студенческой среде

Михайлова О.Б.

В качестве одного из маркеров, характеризующих особенности поведения, отечественные и зарубежные исследователи выделяют общую психологическую активность личности. Активность может рассматриваться как ценностный способ моделирования, структурирования и самоосуществления личностью деятельности, общения и поведения. Ведущая роль образовательной среды – развитие созидательной активности, в том числе и в профессиональной деятельности. Основными направлениями в профилактике межэтнической напряженности в студенческой среде являются: адаптация к особенностям учебной деятельности в вузе и корпоративной образовательной среде, развитие профессиональной идентичности, формирование стратегий самореализации.

Основными ступенями образования по Б.С. Гершунскому являются: грамотность, образованность, профессиональная компетентность и менталитет. Менталитет как специфика психологической жизни людей раскрывается через систему взглядов, оценок, норм, идеалов, убеждений. Образование как результат – это конструктивный образ общества и видение молодым человеком своей индивидуальной роли в этом обществе (1).

В процессе получения высшего образования развитие профессионального самосознания личности противостоит развитию национализма, этноцентризма и экстремизма. Объединение молодых людей из разных регионов мира происходит в процессе формирования профессиональной идентичности. Стремление к единению с профессиональной группой, разделение её ценностей и интересов на определенном этапе профессионального развития становится для молодых людей более актуальной потребностью. Совместное общение в процессе открытия новых знаний, активная научно-практическая деятельность будущих профессионалов нейтрализуют межэтническую напряженность. Сущность профессиональной идентичности заключается в самостоятельном и ответственном построении своего профессионального будущего, что предполагает вы-

сокую готовность смысловых и регуляторных основ поведения в ситуациях профессиональной неопределенности, осуществление личностного, инструментального и ситуативного самоопределения (приобретение опыта), интеграцию в профессиональное сообщество (3).

Профилактика деструктивных форм поведения у студентов начинается с диагностики особенностей адаптированности молодых людей к образовательной среде. В результате проведенного нами исследования среди более 200 студентов из 5 регионов мира (СНГ, Латинская Америка, Ближний Восток, Азия, Африка), обучающихся на разных факультетах РУДН от года до тех лет, были определены три основные стратегии адаптированности: приспособление, слияние и отчуждение (2). Студенты из групп со стратегией приспособления и отчуждения составили значительное количество респондентов с высоким уровнем риска физического и психического здоровья, которым была необходима психологическая помощь. В группе студентов со стратегией «Приспособление» основная работа должна быть направлена на развитие навыков саморегуляции эмоциональных факторов адаптированности.

При организации коррекционной работы в группе студентов со стратегией «Слияние» нужно сосредоточиться на развитии личностных факторов адаптированности. В группе студентов со стратегией «Отчуждение» внимание должно быть направлено главным образом на развитие навыков саморегуляции эмоциональных факторов адаптированности и на работу с психосоматическими симптомами (2).

Основные направления в работе с каждой группой связаны не только с эмоционально-личностными ресурсами, но и развитием конструктивных перспектив профессиональной самореализации. Основными методами и средствами сопровождения адаптации в целях профилактики проявления агрессии и экстремизма в студенческой среде по средствам образовательных технологий являются: 1) развитие самоуправляемых механизмов личности, основанных на коммуникативной компетентности и межкультурной сензитивности; 2) применение интерактивных методов обучения, формирующих позитивное профессиональное общение и профессиональную идентичность; 3) развитие профессиональной направленности и индивидуальных стратегий самореализации в многополярном мире.

Литература:

1. Герциунский Б.С. Философия образования. М., 1998. 432 с.
2. Михайлова О.Б., Косталес А.И. Проблемы межкультурной адаптации иностранных студентов и их проявления в стратегиях адаптивности //Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2011. № 43. С. 29–33.
3. Михайлова О.Б. Роль гражданской и профессиональной идентичности в становлении инновационного потенциала личности //Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 44. С. 22–25.

К вопросу трансформации этнопсихологии чеченцев в современном мире

Мусханова И.В.

Современный научный дискурс активно обсуждает и предлагает различные пути установления прочных межкультурных и межэтнических взаимодействий. В настоящее время развитие общества характеризуется процессами, направленными на стирание различий между социальными группами. Данные процессы не могут происходить без учета национально-психологических особенностей и их трансформации в современном мире.

Вторая половина XX столетия характеризуется активными исследованиями этнопсихологических особенностей разных народов. В работах Г.М. Андреевой, З.М. Гаджимурадовой, В.С. Мухиной, Ю.П. Платонова, Г.У. Солдатовой, Т.Г. Стефаненко проводится анализ понятия «этническое самосознание» и оно дополняется новым психологическим содержанием. Этническое самосознание каждой отдельно взятой личности неразрывно связано с этническим самосознанием народа, является частью его этнической психологии.

Проблемы трансформации этнопсихологии, в том числе этнопсихологии чеченцев в настоящее время являются весьма актуальными. Это в первую очередь связано с тем, что чеченский этнос в конце XXв. начале XXI века оказался в условиях жесточайшего социокультурного кризиса. Как следствие, очевидна трансформация этнопсихологии чеченского общества.

Этнопсихология чеченцев складывается из следующих важных характеристик: общая религия, общие интересы, общие оценки складывающихся социальных ситуаций. Все эти показатели в совокупности определяют то, что обоснованно принято называть национальным характером. Одним из качественных признаков существования нации является историческая память, которая аккумулирует в себе «предания старины глубокой» и материализуется в социально-экономическом, культурном и религиозном укладе.

Трансформация этнопсихологии – это сложный, многогранный процесс, который в первую очередь указывает на духовный раскол этноса. Процесс трансформации этнопсихологии чеченцев, на наш взгляд, условно можно разделить на следующие этапы:

1. влияние исламской культуры на этнопсихологию чеченцев 11–18 вв.
2. кавказская война и экспансия русской культуры
3. советская культура и ее влияние на этнопсихологию чеченцев
 - а) процесс национализации
 - б) коренизация и перелом в этническом самосознании
 - в) депортация как социокультурный кризис
 - г) 60–80-е гг. 20 века – период реабилитации этнического самосознания чеченцев

4. 1994–2000 гг. – подъем этнического самосознания
5. современный этап – влияние восточной (арабской) и западной культур.

Каждый этап приводит к изменениям как социально-экономической, так и психологической сферы и отражает свой психологический портрет чеченца. Одним из факторов трансформации этнопсихологии чеченцев являются социокультурные кризисы. Так, депортация 1944г. характеризуется нами как жесточайший социокультурный кризис, потому что в этот период произошло нарушение внутренней упорядоченности чеченской этнической системы. Это было обусловлено тем, что чеченцы, вырванные из привычной геоэкологической среды, не могли адаптироваться в новых природных условиях и новой этнокультурной среде. Несмотря на то, что чеченцы в депортации находились в униженном положении, лишенные родины, человеческого достоинства, оболганные и отвергнутые тоталитарным режимом, им удалось сохранить язык, культуру, традиции. В условиях депортации одним из главных факторов, на наш взгляд, способствовавших сохранению этноса, явились внутренние силы этноса, то, что еще Гегель называл «дух народа». При этом следует отметить и тот факт, что в данных условиях также появилась возможность нового самоструктурирования чеченской этнической системы. В качестве примера субэтноса, можно рассматривать вирдовое сообщество Вис-Хаджи Загаева, последователи которого до сих пор компактно проживают в Акмолинской области Казахстана и в разных населенных пунктах Чеченской Республики.

В период двух военных компаний 1994–2000гг. этнопсихология чеченцев также претерпела сильные изменения. Повышение этнического самосознания чеченцев в 90-е годы прошлого столетия, акцентуация религиозных ценностей обусловили, на наш взгляд, отход большей части современной чеченской молодежи от этнической культуры. В настоящее время чеченская молодежь находится под амбивалентным влиянием двух разнородных культур: восточной, а точнее арабской и западной. Этническое, национальное носит искаженный характер в восприятии современной чеченской молодежи, а этнокультурные ценности подменяются псевдоценностями.

Социальные и психолого-педагогические условия формирования этнической толерантности в подростковом и юношеском возрасте

Накохова Р.Р., Темирова Ф.А., Накохова Д.Х

Проблема формирования этнической толерантности подрастающего поколения на современном этапе является одной из наиболее значимых. Она воплощена в практико-ориентированных исследованиях, нашед-

ших отражение в ряде работ А.Г. Асмолова, Ю.В. Бромлея, Л.М. Дробизевой, В.Е. Козлова, В.А. Тишкова, К.В. Чистова и др.

Психологическими особенностями формирования этнической толерантности молодежи являются:

- наличие в подростковом и юношеском возрасте позитивного образа собственной этнической группы и позитивных ценностных отношений к представителям других этнических групп;
- обусловленность уровней сформированности этнической толерантности личности сочетанием ее содержательных компонентов, обеспечивающих перевод личности на деятельностно – преобразовательный или пассивно-принимаящий, индифферентный уровень;
- обеспечение формирования этнической толерантности подростков и юношей в институтах социализации, механизмом принятия этнического многообразия и воспроизводства межэтнических отношений, а также комплексом психолого-педагогических условий.

Психолого-педагогическими условиями формирования этнической толерантности в подростковом и юношеском возрасте в образовательном процессе являются: увеличение объема знаний учащихся о феномене этнической толерантности, расширение представлений учащихся о себе как субъекте межэтнического взаимодействия, развитие позитивно-преобразовательной позиции в межэтнических отношениях на основе принятия этнодифференцирующих признаков других; обучение способам поведения, устанавливающим и поддерживающим позитивные межэтнические отношения; внедрение комплексных мер профилактики интолерантности .

Названные психолого-педагогические условия могут быть созданы в рамках специальной программы психологического сопровождения при формировании этнической толерантности у подростков и юношей в институтах социализации (школы, института, семьи), включающей в себя серию теоретических и практических занятий.

Нами была предложена программа психологического сопровождения подростков и молодых людей юношеского возраста с целью формирования этнической толерантности, предполагающая решение поставленных задач. Ведущей идеей программы психологического сопровождения является утверждение о том, что формирование этнической толерантности в подростковом и юношеском возрасте невозможно без специально организованной психологической деятельности.

Разработанная программа психологического сопровождения определила такие этапы работы по формированию этнической толерантности в подростковом и юношеском возрасте, как диагностический, формирующий и оценочно-корректирующий.

1. Диагностический этап предполагает изучение личности подростка, юношеского возраста и особенностей окружающей его этнической среды.

2. Формирующий этап программы психологического сопровождения для старшекласников включает теоретический и практический блоки.
3. Оценочно-корректирующий этап программы психологического сопровождения подростков и молодых людей юношеского возраста обеспечивает дальнейшее формирование этнической толерантности подрастающего поколения посредством контроля над динамикой показателей ее компонентов.

Реализация данной программы обеспечила существенные позитивные изменения в динамике показателей компонентов этнической толерантности у подростков и юношей. Рассмотренный потенциал феномена этнической толерантности с точки зрения обеспечения позитивных межличностных отношений личности в условиях полиэтнической среды у молодежи может быть реализован при учете комплекса психолого-педагогических условий, инициирующих и стимулирующих выход подростка в позитивно-преобразовательную позицию по отношению к этническому многообразию.

Экспериментальное изучение этнической толерантности в подростковом и юношеском возрасте позволило прийти к выводу о том, что изучаемое явление играет ключевую роль в установлении толерантных взаимоотношений между представителями различных этносов в полиэтническом пространстве. Формирование этнического самосознания в подростковом и юношеском возрасте происходит на основе принятия собственной этнической принадлежности и формирования позитивного отношения к этническим особенностям сверстников.

Необходимым этапом проводимого исследования было внедрение выделенных психолого-педагогических условий в образовательный процесс школы с целью повышения уровня сформированности этнической толерантности в подростковом и юношеском возрасте.

В экспериментальном исследовании приняли участие 165 человек, из которых 136 человек были отобраны с использованием стратегии рандомизации в экспериментальную выборку, которая в свою очередь была разделена на экспериментальную и контрольную группы по 68 человек в каждой, а также педагоги-предметники – 10 человек, психологи – 3 человека. Этнический состав контрольной группы: русских – 28, карачаевцев – 20, черкесов – 11, абазин – 5 и ногайцев – 4. Этнический состав экспериментальной группы: русских – 30, карачаевцев – 19, черкесов – 10, абазин – 4, ногайцев – 5. Этнический состав педагогов, принявших участие в исследовании, – русских – 4, карачаевцев – 3, черкесов – 2, абазин – 1.

Анализ полученных результатов позволил отметить у молодежи наличие как толерантных, так и интолерантных установок. Однако в большинстве своем респонденты демонстрируют этническую интолерантность. В результате нами были выделены уровни сформированности этнической толерантности в подростковом и юношеском возрасте, что нашло отражение в таблице 1.

Таблица 1.

**Уровни сформированности этнической
толерантности подростка и юноши**

Группы	Уровни		
	Низкий	Средний	Высокий
Контрольная	35 (51,4 %)	24 (35,2 %)	9 (13,2 %)
Экспериментальная	34 (50 %)	25 (36,7 %)	9 (13,2 %)

Таким образом, в ходе констатирующего этапа эксперимента нам удалось установить, что 13,2 % учащихся из числа подростков и юношей экспериментальной и 13,2 % респондентов контрольной групп демонстрируют высокий уровень сформированности этнической толерантности, 35,2 % респондентов контрольной и 36,7 % респондентов экспериментальной групп продемонстрировали средний, необходимый для установления позитивных межэтнических отношений, уровень формирования этнической толерантности, а 51,4 % подростков контрольной и 50 % испытуемых экспериментальной групп – низкий уровень. Это, в свою очередь, позволило определить подходы к разработке программы психологического сопровождения, нацеленной на формирование у подростков и юношей этнической толерантности в условиях образовательного процесса школы. На основании полученных данных нами была определена стратегия организации опытно-экспериментальной работы с подростками экспериментальной группы.

Так, задачами работы с группой подростков и юношей, обладающих средним уровнем сформированности этнической толерантности, были:

- коррекция представлений об этническом многообразии,
- формирование позитивного само отношения и ценностного отношения к этническому многообразию.

Задачами работы с группой учащихся, обладающих низким уровнем этнической толерантности, были: внедрение комплексных мер по формированию когнитивного, эмоционально-волевого и конативного (поведенческого) компонентов этнической толерантности.

В ходе экспериментального исследования нас интересовала динамика показателей компонентов этнической толерантности подростков и юношей в результате внедрения разработанной нами программы, для чего был произведен сравнительный анализ на констатирующем и формирующем этапах эксперимента. Результатом этой работы стало определение преобладающего компонента этнической толерантности учащихся, а также определение условий формирования этнической толерантности.

Анализ факто логического материала позволил заключить, что на начальных этапах формирования личности в подростковом и юношеском возрасте доминирующим является эмоционально-волевой компонент

этнической толерантности. Это объясняется тем, что подростки и юноши нацелены на удовлетворение потребностей в безопасности в рамках принадлежности к группе сверстников, независимости и эмансипации от семьи, привязанности, успехе, проверке своих возможностей, самореализации и развитии собственного «Я».

Анализ результатов повторного проведения диагностических срезов с целью определения динамики показателей компонентов этнической толерантности у подростков и юношей позволил судить об эффективности проведенной нами психолого-педагогической работы. Полученные данные показали наличие значимых изменений, свидетельствующих о значительном снижении показателей низкого уровня сформированности этнической толерантности у подростков экспериментальной группы и незначительном – в контрольной, значительном повышении показателей среднего уровня у подростков экспериментальной группы и незначительном – у подростков контрольной группы (см. таблицу 2).

Таблица 2.

Распределение подростков по уровням сформированности этнической толерантности

Компоненты этнической толерантности	Уровни этнической толерантности											
	Контрольная группа						Экспериментальная группа					
	Низкий		Средний		Высокий		Низкий		Средний		Высокий	
	НЭ	КЭ	НЭ	КЭ	НЭ	КЭ	НЭ	КЭ	НЭ	КЭ	НЭ	КЭ
Когнитивный	38,3	39,1	38,2	35,7	26,5	24,5	37,2	29,7	34,2	44,8	25,7	27,9
Эмоционально-оценочный	58,3	59,4	34,1	31,9	11,5	9,4	57,5	47,3	34,6	40,9	10,9	12,4
Конативный	55,8	55,2	37,7	38,5	3,1	2,9	55,8	43,2	39,7	46,8	3,9	5,7

Таким образом, в результате внедрения экспериментальной программы психологического сопровождения в подростковом и юношеском возрасте нами были зафиксированы изменения в формировании ценностного отношения подростков и старшекласников юношеского возраста экспериментальной группы к этническому многообразию и к себе, чего не наблюдалось в контрольной группе. Это выразилось в повышении позитивного самоотношения и самопринятия, актуализации арсенала конструктивных тактик поведения в условиях полиэтнической среды, а также снижении негативно окрашенных переживаний и общей психологической напряженности в группе.

Таким образом, анализ результатов формирующего эксперимента позволяет утверждать, что сопровождение процесса формирования этнической толерантности в подростковом и юношеском возрасте на

основании выявленных психологических особенностей изучаемого явления способствует актуализации у них ценностного отношения к этническому многообразию, обогащению техник воспроизводства позитивных межэтнических отношений, установлению соотношения когнитивного, эмоционально-волевого и конативного (поведенческого) компонентов этнической толерантности; повышению удовлетворенности собой в условиях межэтнического взаимодействия и эмпатийного отношения к другим этническим группам.

Литература:

1. *Акбашев А.Х.* Отражение народной педагогики в литературе. (Краткий психолого-педагогический анализ). Черкесск: Кн. изд-во – 1994. – 11 с.
2. *Асмолов А.Г.* Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. – М.: Смысл. 2007. – 528 с.
3. *Бромлей Ю.В.* Этносоциальные процессы: теория, история и современность. – М.: Наука, 1987.
4. *Глебкин В.В.* Толерантность и проблема понимания: толерантное сознание как атрибут // На пути к толерантному сознанию / Отв. ред. А.Г. Асмолов. – М.: Смысл, 2000. – С. 8–176.
5. *Дмитриев Г.Д.* Многокультурное образование – М.: Народное образование, 1999. – 208 с.
6. *Козлова Е.В.* Взаимосвязь качества подготовки научно-педагогических кадров и результатов учебной деятельности студентов // Молодое поколение XXI века: актуальные проблемы социально-психологического здоровья: сборник материалов II городской межвузовской научно-практической конференции. – Пенза: РИО ПГСХА, 2011. – С. 64–67.
7. *Накохова Р.Р.* Психология ценностных ориентаций этносов и этнофоров Северного Кавказа (на материале исследования народов Карачаево-Черкесии). – М.: Линкор, 2008. – 280 с.

Компетентность студентов в контексте практики межкультурного взаимодействия

Неночатых Е.П.

Область межкультурных и межэтнических отношений является востребованной в различных областях научного знания и практики. Умение конструктивно взаимодействовать с представителями разных этнических групп необходимо участникам различных программ по обмену, сотрудникам интернациональных предприятий, специалистам миграционных отделений. Высокий уровень компетентности по данным вопросам необходим педагогам, психологам, социальным работникам. На сегодняшний день специалистам, работающим в разных профессиональных отраслях, необходимы знания по решению таких межэтнических проблем, как адаптация приезжающих в регионы граждан, пред-

упреждение межэтнической напряженности в процессе межэтнической коммуникации (в частности, языковых барьеров) и др. Кроме того, важными являются знания этнопсихологических особенностей представителей разных этнических групп, владение навыками построения толерантных отношений между представителями разных этногрупп.

В зарубежной и отечественной психологии существуют теоретические исследования, накоплен богатый эмпирический материал по проблемам межгруппового и межкультурного взаимодействия, адаптации к новой культурной среде, а также технологий, способствующих развитию межкультурной компетентности, позитивному взаимодействию и взаимовосприятию.

В частности, многочисленные исследования межгрупповых отношений показали, что непосредственный опыт межкультурного взаимодействия способствует повышению межкультурной компетентности представителей разных этногрупп. Г. Оллпорт отмечает, что «контакты между представителями разных групп будут протекать более благоприятно, если группы: 1) обладают равным статусом; 2) преследуют общие цели; 3) зависят от сотрудничества друг с другом; 4) взаимодействуют при поддержке закона, властей или обычая» [2, С. 182]. По мнению Т.Г. Стефаненко, не само количество контактов способствует позитивному межэтническому взаимодействию, а природа и качество этих контактов. В ситуациях межэтнической напряженности, дефицита информированности друг о друге, негативных социальных установок, с увеличением контактов между этническими группами стереотипы становятся более негативными. Даже при благоприятных межгрупповых отношениях стереотипы изменяются только на фоне особой мотивации вовлеченных в них индивидов. Важное значение имеет организация совместной деятельности и ее успешность. Кроме того, контакты между представителями этнических групп влияют на улучшение восприятия собственной этногруппы [2].

Также исследователями было установлено, что наличие таких личностных характеристик, как толерантность, коммуникабельность, высокий уровень когнитивной сложности, низкий уровень авторитаризма способствуют успешной адаптации в инокультурной среде [1].

Результаты современных исследований показали, что способность эффективно взаимодействовать в инокультурной среде возможна при специально организованном обучении [1]. На основании обобщения ряда эмпирических исследований М. Беннет выделяет факторы, способствующие межкультурному обучению. Среди других важное место занимают программы межкультурной подготовки, предваряющая стажировку; погружение в принимающую культуру; изучение языка принимающей культуры, интенсивное общение на данном языке; организация рефлексии полученного межкультурного опыта [3].

В процессе прохождения различных видов стажировок и практик в рамках различных видов международного обмена студенты имеют возможность познакомиться с новыми технологиями и методиками работы, что является важным дополнением к образованию будущего специалиста. Кроме того, знакомство с практикой разных сфер деятельности других стран – важный процесс не только для профессионального формирования, но и для развития определенных личностных качеств студентов, проявляющихся в условиях межкультурного взаимодействия: толерантность, способность к межкультурной коммуникации, межкультурная компетентность. В рамках программы международного обмена укрепляется сотрудничество Курского института социального образования (филиал) РГСУ с администрацией и социальными учреждениями городов Хильдбургхаузен и Майнинген (Германия). В течение трех недель будущие специалисты по социальной работе, психологии и социальной педагогике в контексте профессиональной подготовки изучают теоретические и организационные основы системы социальной помощи и социального обслуживания различных категорий населения, знакомятся со спецификой практической деятельности социальных служб Германии. Опыт работы со студентами показал, что специально организованная деятельность (участие студентов (N=63) в программе подготовки к межкультурному взаимодействию) способствует повышению общего уровня личностной, этнической толерантности, изменению содержательных характеристик автостереотипа и гетеростереотипа немцев в позитивную сторону, сокращение социальной и культурной дистанции.

Таким образом, подготовка студентов к межкультурному взаимодействию выступает средством развития их профессиональной компетентности и способствует эффективной деятельности в условиях межкультурного взаимодействия.

Литература:

1. *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. – М.: Смысл, 1998. – 389 с.
2. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология: Учебник для вузов. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 368 с.
3. *Хухлаев О.Е., Чибисова М.Ю.* Теоретические и практические вопросы межкультурной коммуникации: современные тенденции [Электронный ресурс]. // Электронный журнал «Психологическая наука и образование». – № 4 5. – 2010. С. 172–179. URL: <http://www.psyedu.ru>. (дата обращения: 10.11.2012).

Взаимосвязь социальной поддержки и жизнеспособности трудовых мигрантов

Нестерова А.А.

Исследование личностного потенциала, жизнеспособности, влияющих на качество адаптации мигранта, представляется на сегодняшний день чрезвычайно актуальным. Жизнеспособность личности, переживающей кризисную ситуацию, понимается нами как системное качество личности, характеризующее ее личностный потенциал, органическое единство индивидуальных и социально-психологических возможностей человека к эффективному применению средств самореализации, оптимистического атрибутирования, жизненной активности, конструктивного копинга и самодетерминации (1).

Цель нашего исследования – изучение факторов жизнеспособности мигрантов, взаимосвязи жизнеспособности и социальной поддержки в ситуации миграции. В исследовании принимало участие 86 трудовых мигрантов (46 женщин и 40 мужчин).

Диагностический инструментарий: Тест жизнеспособности личности в трудной жизненной ситуации (А.А. Нестерова); Тест «Интерперсональная поддержка» (А.А. Нестерова); Шкала социальной поддержки (многомерная шкала восприятия социальной поддержки – MSPSS (Д. Зимет; адаптация В.М. Ялтонский, Н.А. Сирота); Опросник «Стратегии социальной поддержки» (А.А. Нестерова).

Результаты эмпирического исследования:

1. Мужчины-мигранты в большей мере способны к эмоциональному контролю, но в меньшей степени имеют способности к планированию своего будущего и управлению своим временем. Они больше сконцентрированы на собственных проблемах, в меньшей степени принимают и чувствуют окружающих людей, а также принимают и осознают необходимость социальной поддержки в трудной ситуации.
2. Женщины-мигранты больше, нежели мужчины, нуждаются в понимании и советах со стороны окружающих в ситуации переселения. Они испытывают потребность в общности с другими людьми, в принадлежности к различным социальным группам. У них в большей степени выражено стремление интегрироваться в какие-либо новые группы.
3. Женщины-мигранты в большей степени нуждаются в эмоциональной поддержке, привязанности, опеке и покровительстве, в отличие от мужчин. Женщины также лучше интегрированы в общество и стараются не терять социальных контактов, тогда как мужчины менее включены в общество, социальные контакты в ситуации миграции поддерживают в меньшей степени. Наиболее часто встречающаяся

стратегия социальной поддержки у мужчин-мигрантов – «надежный союз», который предполагает активность, направленную на выстраивание отношений с социальным окружением, где при определенной доле вклада можно получить отдачу, дающую возможность конструктивно и оптимально решать проблемы.

4. Мужчины-мигранты наиболее направлены на поддержку от соотечественников, новых знакомых, коллег по работе. Женщины же больше склонны получать поддержку исходя из ресурсов собственной личности, либо от близких людей (в основном черпают их из семьи). Помощь от общественных организаций в ситуации миграции не воспринимается ни мужчинами, ни женщинами, как источник социальной поддержки в трудной жизненной ситуации, что может свидетельствовать о недостаточной организованности и эффективности помощи миграционных служб и других организаций, оказывающих помощь человеку в ситуации переселения.
5. В ситуации миграции у мужчин наиболее болезненными факторами социально-экономической депривации являются потеря статуса и возможности быть включенными в жизнь референтной группы, выполнение какого-либо общего дела. А женщины в большей мере страдают от ограничения социальных контактов, которых они лишились в результате миграции.
6. Были выявлены следующие зависимости между структурными компонентами жизнеспособности и характеристиками социальной поддержки мигрантов.
 - а) При получении поддержки в виде совета и понимания, у мигрантов повышается способность к активности и инициативе, увеличивается самоуважение. Также у них повышается социальная компетентность, и они лучше могут планировать свое будущее и управлять своим временем.
 - б) При материальной поддержке и поддержке действием практически все параметры жизнеспособности у мигрантов повышаются.
 - в) При высокой оценке личности мигранта со стороны окружающих, безусловном принятии и поддержке, все показатели жизнеспособности повышаются.
 - г) При высокой эмоциональной привязанности, зависимости от социального окружения значительно понижается эмоциональный контроль и саморегуляция.
 - д) Мигранты, получающие поддержку от семьи, демонстрируют более высокий уровень социальной компетентности, с помощью которой человек успешно реализует себя в социальной жизни. Поддержка семьи помогает мигранту более успешно реализовывать себя в новой социокультурной среде.

- е) Поддержка друзей помогает мигрантам помимо более успешной реализации себя в сфере трудовых отношений, тщательно планировать свое будущее, быть гибкими и стремиться к преодолению трудной ситуации.

Литература

1. *Нестерова А.А.* Социально-психологическая концепция жизнеспособности молодежи в ситуации потери работы: Автореф. дисс... д-ра психол. наук. Москва, 2011.

Основные направления исследований толерантности студентов многонационального вуза (на примере РУДН)

Новикова И.А.

Комплексные исследования различных факторов межкультурной коммуникации и адаптации студентов проводятся коллективом НОЦ психолого-педагогических исследований РУДН более 10 лет с *целью* выявления специфики психологических факторов успешности межкультурной коммуникации и адаптации. Полученные результаты используются для разработки программ по оптимизации адаптации студентов к обучению в поликультурном образовательном пространстве.

Одним из важнейших условий эффективной межкультурной коммуникации и адаптации является толерантность (1–5), основные направления исследования которой будут рассмотрены в данной публикации.

Всего на разных этапах исследования в нем приняло участие 625 российских студентов из России (большая часть обучается в РУДН, а также разных вузах Москвы и Подмосковья, 170 человек – в Кабардино-Балкарском государственном университете) и 351 иностранный студент РУДН из пяти регионов мира: Латинской Америки, Азии (Китай), Арабских стран (стран Ближнего и Среднего Востока), Африки, СНГ (на примере стран Среднеазиатского региона).

Для решения разных исследовательских задач использовались : экспресс-опросник Г.У. Солдатовой, О.А. Кравцовой, О.Е. Хухлаева, Л.А. Шайгеровой «Индекс толерантности»; методика «Виды и компоненты толерантности» Г.Л. Бардиер; методика диагностики общей коммуникативной толерантности В.В. Бойко; Опросник адаптации личности к новой социокультурной среде Л.В. Янковского, в модификации Т.Г. Стефаненко, М.С. Панова; методика диагностики типов межличностных отношений Т. Лири; Пятифакторный опросник в русской адаптации С.Д. Бирюкова и М.В. Бодунова; методика диагностики темперамента А.И.Крупнова; бланковый тест «Любознательность» А.И. Крупнова и др.

Первое направление исследований связано с изучением толерантности российских студентов РУДН. Выявлено, что 91 % исследованных студентов имеют средний уровень толерантности, который, по данным лонгитюдного исследования остается достаточно устойчивым в течение первого года обучения в вузе. Установлено, что толерантность теснее связана с психологическими и социально-психологическими особенностями студентов, чем с темпераментом (4). Выделены четыре группы студентов с различными типами проявления толерантности: «интолерантные»; «умеренно толерантные»; «избирательно толерантные»; «подлинно толерантные».

Еще одно направление исследований посвящено сравнению толерантности студентов из разных регионов России. В частности, изучалась специфика толерантности и ее соотношений с любознательностью и факторами «Большой пятерки» у русских студентов, обучающихся в Москве, кабардинских студентов, обучающихся в Москве и в Кабардино-Балкарии. В целом, с большинством анализируемых параметров толерантности во всех группах положительно связаны экстраверсия и согласие, а открытость опыту сильнее связана с видами и компонентами толерантности в группе кабардинских студентов, обучающихся в КБР.

Третье направление исследований имело целью анализ толерантности иностранных студентов РУДН как фактора их межкультурной адаптации. Выявлено, что у иностранных студентов изо всех изучаемых регионов показатели толерантности находятся на среднем уровне, но более низком, чем у российских студентов. Установлено, что толерантность является важным фактором межкультурной адаптации студентов из Латинской Америки, Африки и Арабских стран (3; 4). Были выделены четыре группы студентов, значимо различающиеся между собой по выраженности параметров толерантности: «интолерантные»; «толерантные в социальных коммуникациях»; «толерантные в этнических отношениях»; «подлинно толерантные». Наибольшее количество значимых различий по позитивным параметрам межкультурной адаптации наблюдается между «подлинно толерантными» студентами и студентами, толерантными в социальных коммуникациях; а по негативным параметрам – между «подлинно толерантными» и «интолерантными» студентами. «Интолерантные» студенты испытывают наибольшие сложности и проблемы при адаптации в новом социокультурном окружении, что в немалой степени объясняется недостаточной толерантностью к новому окружению, поэтому именно эта группа требует наиболее пристального внимания и организации «адресной» работы по подготовке к оптимальному межкультурному взаимодействию.

Литература:

1. Бардиер Г.Л. Социальная психология толерантности: автореф. дисс. ... д-р психол. наук. – СПб., 2007.

2. Лебедева Н.М., Лунева О.В., Стефаненко Т.Г. Тренинг этнической толерантности для школьников. – М.: МАКС Пресс, 2012.
3. Новикова И.А. Толерантность как условие эффективного взаимодействия в поликультурном образовательном пространстве кова // Психология образования в поликультурном пространстве. – 2015. – № 4 29. – С. 52–62.
4. Новикова И.А., Ибадова Т.И. Проблема комплексного исследования субъекта толерантности // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. – 2009. – № 4 4. – С. 25–30.
5. Психодиагностика толерантности личности / Под ред. Г.У. Солдатовой, Л.А. Шайгеровой. – Москва.

Современный шаманизм в улусе Мыла Закаменского района Бурятии

Обухов А.С., Пустогачев О.

Летом 2015 года лицей № 41553 имени В.И. Вернадского совместно с кафедрой психологической антропологии МПГУ провели учебно-исследовательскую экспедицию в улусе Мыла Закаменского района Бурятии. В данном улусе проживают несколько родов бурят (в основном хонгодоры) и хамниганы (эвенки). В настоящее время в улусе Мыла, по словам жителей, достаточно много шаманов, но особым признанием и уважением пользуются четверо – трое собственно шаманов и одна бабушка-знахарка. Так получилось, что в момент нашего пребывания в Мыле один из шаманов был в отъезде, поэтому работа по теме исследований современного бытования шаманизма велась в основном с двумя шаманами и знахаркой: Валерием Бальжитовичем Цыденовым (1953 г.р. – старший шаман Закаменского и Джидинского районов Бурятии), Дондогом Даржеевичем Дараевым (1964 г.р. – небесный шаман-кузнец), Бадмой Тибикжаповной Акошеевой (1955 г.р. – знахарка).

Основным способом работы стали визуально-антропологические методы фиксации живой обрядовой ситуации, а также тематические беседы по автобиографическим и этнологическим тематикам. Всего в экспедиции было зафиксировано: 2 обряда лечения у шаманов и 3 обряда лечения у знахарки, 2 обряда очищения огнем, 5 обрядов моления эжинам места (3 из них были проведены старшими мужчинами), 1 обряд призыва дождя, 1 обряд защиты от сглаза и 2 ритуала подношения аршану (произведены старшими мужчинами). В ходе экспедиции была детально проанализирована структура всех зафиксированных обрядов.

В результате были выявлены следующие общие моменты в структуре обрядов:

1. Каждый обряд выступает диалогической формой коммуникации шамана с духами. Духи в этом случае могут быть разными: духи места,

духи предков, духи стихий и т.п. В данном регионе доминирует представление о том, что духи места – это и есть родовые духи-предки.

2. Перед жертвоприношением духам обязательно очищение дымом или огнем продуктов, которые в нём используются. Очищению подвергается всё, что выступает в роли жертвы в обряде, это могут быть монеты, ленты, еда или питьё. Предпочтительно использование для очищения веточки можжевельника, взятой со священных гор, однако, если её нет, она может быть заменена на сосновую или еловую, а также на спички.
3. Из напитков в структуру жертвоприношения (кормления духов) обязательно входит молоко, чаще всего чай (заварка или уже заваренный) и, в большинстве случаев, водка. Из еды для проведения обрядов чаще всего используется «белая» пища (масло, сметана), печенье и конфеты. Могут быть добавлены хлеб, зефир и другие яства, имеющиеся в наличии.
4. Содержание текста моления на бурятском языке так же присутствуют в каждом обряде, выступает в форме непосредственного обращения шамана к духам по имени и разъяснение для них задачи обращения и характера просьбы.
5. В ситуации жертвоприношения шаман и присутствующие должны обязательно надеть головной убор и пояс, что является одновременно символом уважения к духам, а также и защитой от духов.
6. В сложных обрядах присутствует этап «диагностики» (узнавание или разъяснение обстановки), который совершается разными шаманами по-разному. Данное действие может производиться с помощью четок, рамок и других магических предметов.
7. Если в структуре обряда присутствует движение (перемещение участников обряда, круговые движения рук и т.п.), то оно всегда совершается по солнечному кругу. Это и ряд других элементов все время обращают внимание к тому, что в шаманизме заложена идея связи и единения с природой.
8. В структуре сложных обрядов шаманом используются основные стихии: огонь (костер, очаг, горящий можжевельник), вода (чаще всего вода из аршана), земля (символизируется телом шамана), воздух (дыхание шамана). Шаман-кузнец обязательно использует железо как пятую стихию.
9. В обрядах кормления духов включены символические приметы, по которым шаман узнает о принятии или непринятии духами просьбы. Например, какой стороной упала подброшенная чашка, пролетел ли коршун, пошел ли дождь и др. Это является видимым примером коммуникативного характера шаманских обрядов.

В соотношении с материалами исследований предшествующих экспедиций в Бурятию (Окинский район – 2010; Курумканский район – 2005; Тункинский район – 2000), мы можем сделать следующие общие выводы по исследованию:

1. В улусе Мыла, как и в Бурятии в целом, с начала 1990-х годов происходит активное возрождение шаманизма, которое стало важным элементом национального самосознания бурят. В улусе Мыла наблюдалось именно возрождение традиционного шаманизма, поскольку основные шаманы – продолжатели родовых традиций. Они в основном апеллируют к тому, что их знания и опыт имеет два источника: от стариков (через непосредственное общение) и от духов (в видениях). Бубен и костюм шамана с онгонами в настоящее время не является обязательной атрибутикой, но фрагментарно присутствуют у некоторых шаманов и используются в некоторых обрядах. Становление шамана, его функции, его способы работы – достаточно традиционны, но имеют индивидуальные вариации у каждого шамана. Такая вариативность заложена в самой традиции шаманизма.
2. Выявленная функциональность шаманов в улусе Мыла: гадание, лечение, снятие порчи, проведение различных обрядов коммуникации с духами, совершение обряда похорон, создание оберегов и онгонов.
3. Выявлено, что в традиционных обрядах и мировоззренческие тексты шаманов вкрапляются новые элементы из эзотерических практик, узанных из книг, телевизионных программ и других источников информации.

К исследованию качества жизни российского, белорусского и украинского студенчества

Одинцова М.А.

В последние несколько десятилетий значительная часть населения постсоветского пространства переживает стресс социальных изменений, связанный с экономическими, духовными, мировоззренческими и политическими потрясениями. В период более чем двадцатилетнего самостоятельного существования родственных народов Белоруссии, Украины и России становится актуальной проблематика качества жизни людей данных стран.

Исследование проводилось в 2012 году. Целью стало изучение эмоционального отношения к жизни, причин недовольства качеством жизни у студенческой молодежи Белоруссии, Украины и России. В исследовании принимали участие студенты высших учебных заведений России (N=125), Белоруссии (N=126) и Украины (N=105) в возрасте до 21 года. Были использованы следующие методики: проективная методика «Лица и чувства» (М. Аргайл, 2010) для выявления эмоционального отношения к жизни, анкета Г.М.Зараковского по обнаружению причин недовольства качеством жизни (2010).

Вначале был проведен анализ полученных данных по проективной методике «Лица и чувства». На бланке были изображены семь изображений лиц с различными проявлениями эмоций от жизнерадостного до унылого. Каждое лицо отражает субъективное состояние индивида, находящегося в определенных взаимоотношениях с окружающим миром. Принявшим участие в исследовании респондентам необходимо было выбрать, какое из изображенных на рисунке лиц точнее всего отражает то, как они ощущают свою жизнь в целом? Затем сравнивались результаты двух методик. Полученные данные по проективной методике и опроснику в целом согласуются. Так, было обнаружено, что белорусское студенчество в большей степени, чем российское недовольно своей жизнью и испытывает нейтральные чувства по отношению к ней. Российская молодежь в целом вполне довольна своей жизнью. Субъективные состояния украинской молодежи довольно противоречивы: большинство из них отметили умеренную радость, однако оказалось, что они не вполне удовлетворены своей жизнью.

Рассмотрим причины недовольства своей жизнью белорусской, украинской и российской молодежи (в опроснике Г.М. Зараковского предлагается 21 причина недовольства). Двухфакторный дисперсионный анализ позволил выявить, что причины недовольства жизнью у молодежи разных стран существенно различаются ($p=000$). Так, белорусскому студенчеству явно не нравится общая политическая и социально-экономическая обстановка в стране. Эта причина занимает лидирующее место в иерархии выраженности всех обозначенных причин. На втором месте по степени недовольства жизнью у белорусской молодежи стоят низкие доходы. Эти же причины назвало и украинское студенчество. Следует отметить, что спектр выраженности причин недовольства жизнью среди украинской молодежи довольно велик. Это и особенности своего характера, плохие жилищные условия, неинтересная работа, которой приходится заниматься, трудности в ведении своего дела, плохая экология. Кроме этого, украинскую молодежь беспокоит морально-психологическая и нравственная атмосфера в обществе, его резкое расслоение на богатых и бедных. Среди перечисленного спектра причин недовольства жизнью чаще всего студенты России отмечают трудности в личной жизни. Впрочем, данная причина выделяется среди белорусской и украинской молодежи, однако у них она не является доминирующей. Остальные причины недовольства молодых россиян носят более сглаженный характер, в отличие от белорусской и украинской молодежи. По пункту «другое» необходимо было указать, какие именно причины вызывают недовольство качеством своей жизни. Чаще всего молодежь всех стран указывала либо нехватку времени, либо имена конкретных людей, которые не дают им возможности быть полностью счастливыми.

Таким образом, проведенное исследование показало, что важнейшими причинами недовольства жизнью у белорусской молодежи ока-

залась общая политическая и социально-экономическая обстановка в стране и низкие доходы. Причины недовольства украинской молодежи очень разнообразны: это и низкие доходы, плохая экология, общая политическая и социально-экономическая обстановка в стране. По сравнению со студенчеством Белоруссии и Украины, российская молодежь вполне удовлетворена своей жизнью, а к причинам недовольства относятся в основном проблемы личного характера.

Литература:

1. *Аргайл М.* Психология счастья. – СПб.: Питер, 2010.
2. *Зараковский Г.М.* Качество населения и качество жизни // Человеческий потенциал России: интеллектуальное, социальное, культурное измерения. – М.: Ин-т человека РАН, 2002.
3. *Одинцова М.А.* Психологический анализ факторов виктимизации белорусов и россиян // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия Психология. 2012. – № 445. – С. 26–31.

Миротворчество как мировоззренческая проблема

Овчинникова Ю.С.

Мировоззренческий кризис современной техногенно-потребительской цивилизации связан с ее устоями – с культом потребления, с отношением к природе как средству обогащения, с прагматизацией отношений между людьми. Информационный хаос, распространение «виртуального» типа времяпровождения и манипулирование общественным сознанием ведут к отрыву человека от действительности, к снижению живого общения. В результате разрушаются живые взаимосвязи человека и Мира, формируется «клиповое мировоззрение», которое «делает принципиально недостижимой одну из основных целей образования – формирование единой картины мира» (1; 9–10).

А.С. Арсеньев отмечал, что кризис не может быть преодолен прогрессом, развитием того, что развито на ложном основании – на мировоззренческом отношении «Субъект-Объект», при котором «ценности» современной цивилизации оказываются «окольцованными» конечным замкнутым кругом восприятия вечноотчужденного, выпавшего из целого человека и становятся «очередной подменой, принимающей конечные определенности за бесконечность, частичность за целостность» (2; 145). Преодолеть кризис возможно только при обращении к истокам, к бесконечному отношению «Человек-Мир» (2; 117), заключающегося в восприятии человеком Мира и себя в этом Мире как родственных друг другу и взаимосвязанных бесконечных целых. Достижение такого отношения возможно при условии выработки соответствующих психолого-

педагогических парадигм миротворческого образования, направленно-го на становление в человеке миротворческого мировоззрения.

Под миротворческим мировоззрением мы имеем в виду психологическую систему, включающую субъективный миротворческий опыт, категориальную структуру миротворческого мировоззрения, миротворческую рефлексивность, миротворческое мироощущение, миротворческую картину мира (понятие «мировоззрения» мы раскрываем по структуре, представленной у Н.Г. Капустиной (4; 8)). Понятие психологической системы понимается нами как неразложимое образование, каждый из компонентов которого функционирует и преобразуется только в связи с другими; изменение их связей и каждого компонента внутри системы составляет процесс ее развития (3).

Становление и развитие миротворческого мировоззрения происходит в процессе субъективного миротворческого опыта – многосоставного образования, включающего следующие компоненты, взятые в их взаимодействии, реализуемом в целостной личности:

- психическое действие, основанное на переживании родства и единства с Миром (с природой, с ближним (человека с человеком, с группой людей), с Высшим принципом бытия (с точки зрения христианской антропологии – с Богом)) и направленное на гармонизацию отношений между человеком и Миром; оно может иметь выражение в той или иной форме деятельности;
- миротворческое настроение;
- чувства мира и внутренней гармонии с самим собой и с окружающим миром;
- воля к построению мира внутреннего и внешнего;
- интеллектуальное осмысление миротворческого опыта.

Категориальную структуру миротворческого мировоззрения можно рассмотреть через следующие составляющие:

- знания о сущности, смысле, истории, теории и практике миротворчества;
- взгляды и представления о себе и окружающем мире как взаимосвязанных и родственных друг другу бесконечных целых;
- миротворческие убеждения;
- миротворческие установки, связанные с предрасположенностью к мирному поведению и мирной деятельности;
- миротворческие идеалы;
- миротворческие ценностные ориентации, направленные на созидание мира как гармонии и мира как целостности и единства, определяющие иерархию жизненных целей, способ жизни и поведение человека, задающие идеальные смыслы и принципы его творческой самодетельности;
- миротворческие принципы познания и оценки.

Миротворческая картина мира – картина мира, основанная на знании законов универсального единства и родства в многообразии проявлений, а также принципов гармоничного мироустройства и мирозидания.

Миротворческая рефлексия – критическая активность человека, направленная на самопознание и познание мира как родственных друг другу и взаимосвязанных явлений.

Миротворческое мироощущение – чувственно-эмоциональное переживание человеком своего бытия в мире, глубинного внутреннего родства и единства с Миром.

Важными чертами *миротворческого мировоззрения* выступают динамичность, незавершенность, непрерывное самостановление и вариативность. Миротворческое мировоззрение может формироваться в процессе педагогической работы, направленной на обогащение субъектного опыта индивида, которое происходит в ходе взаимодействия с социальной средой, педагогически организованной в пространстве миротворческого образования.

Литература:

1. *Артамонова Т.А.* Социально-мировоззренческий потенциал русской философии в развитии отечественной системы образования. Автореф. на соиск. уч. степени канд. филос. наук. – Барнаул, 2004.
2. *Арсеньев А.С.* Десять лет спустя. О творческой судьбе С.Л. Рубинштейна (Философский очерк) // Методология и история психологии. – 2008. – Т. 3. Вып. 4. – С. 115–148.
3. *Выготский Л.С.* О психологических системах // Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. – М., 1982. – С. 109–131.
4. *Капустина Н.Г.* Психологические аспекты категории этического мировоззрения // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. № 41 (8), 2010. – С. 5–12.

Содержание религиозной идентичности мусульман Северного Кавказа

(по материалам социально-психологического исследования)¹

Павлова О.С.

Детальное изучение включенности представителей традиционно мусульманских этносов в реальную религиозную практику, изучение специфики содержания религиозной идентичности, отдельных ее компонентов; отношений, возникающих между религиозной и этнической идентичностью представляется на сегодняшний день интересным и сво-

¹ Тезисы подготовлены при поддержке гранта РГНФ № 15–06–10843 «Риски и ресурсы религиозной идентичности в современной России: кросс-культурный анализ».

временным. Важным для изучения является аспект смены религиозной идентичности, идущий вразрез с этнической традицией.

С целью изучения обозначенных выше проблем проведено социально-психологическое исследование. Всего в исследовании приняли участие 508 чеченцев, 478 ингушей, 470 адыгов (435 респондентов идентифицировали себя как кабардинцы, 35 – как черкесы), 132 карачаевца, 125 балкарцев. В исследовании использовались следующие методики: тест Куна-Макпартленда «Кто Я?», неоконченные предложения (авторский вариант).

Результаты теста «Кто Я» показали, что религиозную идентичность в качестве наиболее значимой категории социальной идентичности указали около 50 % чеченцев, ингушей, карачаевцев, тогда как для адыгов и балкарцев она значима в меньшей степени. Так, частота указания своей религиозной идентичности у адыгов составляет только 21 %.

Содержание религиозной идентичности было изучено с помощью методики «Неоконченные предложения». Анализ ответов на неоконченное предложение *Быть настоящим мусульманином – это значит ...* выявил существенные различия в содержании религиозной идентичности респондентов. Для вайнахов и карачаевцев быть мусульманином – это огромное счастье, это радоваться, быть самым счастливым, стоять на самой высшей ступеньке, идти по правильному пути (инг.); *Для меня это все; Быть поистине счастливым человеком; Быть ближе к раю; Я горжусь тем, что я мусульманка (чеч.), Быть самым счастливым человеком; Тебе очень сильно повезло (карач.)*. Вайнахские и карачаевские респонденты обозначали в качестве **необходимых** содержательных компонентов религиозной идентичности: соблюдение 5 столпов ислама, знание Корана, шариата; нравственные нормы в отношениях с людьми. Анализ содержания религиозной идентичности балкарских респондентов также показал гордость за свою религию. Но в отношении соблюдения религиозных практик наши респонденты высказывались менее однозначно. По мнению некоторых балкарских респондентов, быть мусульманином – это *не делать ничего плохого и по-возможности соблюдать правила; Верить в Бога молча, для себя (балк.)*. Встречались ответы, которые проводили границу между религиозной и гражданской идентичностью: *быть настоящим мусульманином – это знать законы, нормы гражданского государства, где живут (балк.)*. Можно было встретить примеры смены конфессиональной принадлежности: *Быть мусульманкой – это быть покорной Аллаху, но являясь православной христианкой, считаю, что это соблюдение всех законов Божьих (балк.)*. А 18-летний балкарец обозначил свою религиозную идентичность **имцист** – т.е. наличие веры, не связанной с рамками конкретной религии.

Подобные ответы встречались и в анкетах адыгских респондентов, и свидетельствовали о том, что вопреки этнической традиции, ряд адыгов не считают себя мусульманами, верующими.

Были получены ответы, отражающие беспокойство кабардинских респондентов за попытки активно соблюдающих мусульман навязать свою религиозность окружающим. Такие ответы, так же как и ответы ряда балкарских респондентов, обозначили возможные конфликты между религиозной и гражданской идентичностью: *быть настоящим мусульманином – это значит... оставаться верным вере и не пытаться навязывать ее окружающим (каб.); знать главные столпы религии, выполнять их по мере возможности в условиях проживания; умение сочетать религиозную практику и требования светского государства (черк.)*. Другую сторону, отражающую определенные сложности, связанные с выполнением религиозной практики в Кабардино-Балкарии, продемонстрировал такой ответ: *Быть настоящим мусульманином – это верить в то, что Аллах есть и он Велик, и что он поможет в трудную минуту, если искренне попросить. А следовать сейчас всем законам шариата небезопасно (каб.)*.

Таким образом, анализ ответов, раскрывающих содержание религиозной идентичности респондентов Северного Кавказа, показывает, что при отнесении большинства северокавказских этносов к мусульманскому пространству РФ, степень включенности их в религиозную практику и понимание сути религиозности в контексте ислама очень разное. Кроме того, среди адыгов и, реже, балкарцев, встречаются лица, не относящие себя к мусульманской умме.

Религиозные традиции и потребление алкоголя среди студентов-мигрантов

Парамонов А.А., Соловьев А.Г.

Стремление к перемене мест является одной из основных характерных особенностей человека. В связи с этим люди с одними привычками, культурой и традициями переселяются в место с совершенно иным стилем поведения общества, и зачастую иммигрантам приходится отказываться от уже устоявшихся норм поведения и следовать культуре окружающих, чтобы найти себе место на новом месте, в том числе это касается и вредных привычек, включая потребление психоактивных веществ (ПАВ).

Целью работы явилось изучение факторов мотивации к химическим аддикциям и степени отказа от них с учетом национальных, культуральных и религиозных особенностей студентов при переезде на жительство в другие национальные территории.

Для достижения данной цели нами был разработан Способ изучения факторов мотивации к химическим аддикциям и степени отказа от них с учетом вероисповедания, представляющий собой анкетный тест, со-

держаций 67 вопросов, как открытого, так и закрытого характера [2]. Структурной особенностью теста являются комплексный социально-психологический и токсикологический динамический подход к изменению отношения к употреблению ПАВ в процессе адаптации к новым национально-культуральным и религиозным условиям среды и оценке знаний и особенностей начала их употребления, анализу мотивационных аспектов потребления/отказа приема ПАВ.

Для выявления мотиваций к нарушению религиозных запретов, а именно, приему алкоголя, при смене местожительства и переезде на территорию с другим отношением макросоциума к его приему, мы провели исследование, в котором на добровольной основе приняло участие 105 студентов Северного государственного медицинского университета различного вероисповедания, а именно: дагестанцы – религия ислам (10 чел. – 9%), индусы – хинду (28 чел. – 27%) – проходящие полный курс очного обучения на Севере России, и русские – христиане (67 чел. – 64%) – местные жители.

О религиозных запретах или соответствующих ограничениях в отношении алкоголя среди студентов знали почти 100% опрошенных; при этом алкоголь частично разрешен только в одной религии – христианстве.

По результатам проведенного анкетирования мы выявили, что как и среди мусульман, так и индуистов, религии которых запрещают употребление алкоголя, не все из уже «адаптированных» к российской действительности студентов придерживаются религиозных правил, так среди мусульман алкоголь употребляют 40%, хинду – 57%, в то время, как христиан – 91%.

Среди доминирующих мотивов респонденты всех трех групп указали, что в первый раз попробовали алкоголь на празднике в компании друзей, сопутствующими факторами у приезжих студентов из Индии и Дагестана являются свобода или отсутствие контроля старших (дома молодые люди получают много поддержки и заботы в семье, в том числе и в форме строгого «трезвеннического» контроля), неблагоприятный пример общества, что ведет к проблемам адаптации, и в связи с этим, студенты, пытаясь не отличаться от своих коллег и сверстников других религиозных представлений, употребляют алкоголь. Так, средний возраст начала употребления алкоголя у индийских студентов – 19 лет, что примерно соответствует первому году их проживания вдали от дома. Хотя раньше всех начинали употреблять алкоголь российские студенты – в среднем, в 15,8 лет.

Средние дозы употребления таких крепкоалкогольных напитков, как водка или коньяк оказались примерно равны, как у индийских студентов, так и у русских. Употребление алкоголя у дагестанских студентов в 3 раза ниже, чем у предыдущих групп, возможно, это связано с более «сильным вероисповеданием»: у 77% не употребляющих алкогольные напитки, употреблять их дома не принято.

Таким образом, наше исследование показало, что, несмотря на религиозные традиции, запрещающие употребление алкоголя, студенты,

попадая в общество другой культуры, приобщаются к местным традициям, порой преступая при этом религиозные запреты, что нарушает их социально-психологическую адаптацию [1].

Представленный способ, положенный в основу оценки мотивации приезжих студентов к употреблению алкоголя, дает возможность: изучить социально-экономический и религиозный аспекты химических аддикций, выяснить межнациональную информированность о негативном влиянии ПАВ на организм человека, установить ведущие мотивы употребления ПАВ с учетом вероисповедания и отказа от них, определить отношение религии к употреблению ПАВ, повысить эффективность укрепления межнационального согласия, обозначить индивидуальные методы психологической помощи по снижению интенсивности или отказу от приема ПАВ с учетом национальных, культуральных и религиозных особенностей, способствовать повышению эффективности социально-психологической адаптации в рамках программы «Адаптация студентов вуза» и, в целом, мониторировать наркоситуацию среди подростков и молодежи для координации национальной политики на межведомственном уровне.

Литература:

1. Новикова Г.А., Соловьев А.Г., Новикова И.А. Оценка нарушения социально-психологической адаптации подростков вследствие пивной алкоголизации. // Наркология. – 2012. – Т. 11. – № 4 7 (127). – С. 40–44.
2. Соловьев А.Г., Харьковская О.А., Парамонов А.А., Раджабова С.Г. Новый метод исследования факторов мотивации к химическим аддикциям и степени отказа от них с учетом вероисповедания. // Профилактическая и клиническая медицина. – 2011. – № 4 2–1 (39). – С. 269.

Социальная дискриминация в современной России¹

Прохода В.А.

В публикации рассматриваются некоторые результаты шестой волны социологического исследования «Европейское социальное исследование (ESS)», проведенного в 2012 г. Опрос проводился в странах Европы, а также Израиле, Кипре (географически расположенных в Азии) среди населения в возрасте 15 лет и старше. В каждой стране было опрошено от 752 (Исландия) до 2958 респондентов (Германия) по репрезентирующей население выборке. В России выборка составила 2484 респондента. Руководство проектом на международном уровне осуществлялось Координационным Советом (Центр Сравнительных социальных исследований, Сити Университет, Великобритания).

¹ Публикация подготовлена при поддержке РГНФ (проект № 14–03–00338).

Анализируя результаты исследования, важно учитывать возможность существенных смещений в ответах опрошенных, являющихся следствием так называемой «спирали молчания». Респонденты с меньшей вероятностью высказывают собственное мнение по затрагиваемой проблеме, если чувствуют, что находятся в меньшинстве, поскольку боятся возмездия или изоляции (1). Очевидно, также, что мигранты (особенно нелегальные) зачастую выступающие объектом дискриминации имели минимальные шансы попасть в выборку (2).

Относят себя к группе, испытывающей дискриминацию 6,6 % россиян, что приближается к средним показателям по Европе. Максимальная доля опрошенных, причисляющих себя к дискриминируемой группе достигает в Израиле (17,3 %), Исландии (14,7 %), Великобритании (11,6 %), Эстонии (11 %). Минимальные показатели фиксируются в Словении (2,2 %), Дании (3,3 %), Ирландии (3,5 %). В контексте «спирали молчания» отметим, что 4,3 % россиян затруднились с ответом на вопрос и это самый высокий показатель в Европе.

В качестве основы для дискриминации выступают различные признаки. Наиболее часто россияне констатируют дискриминацию по национальности – 2,4 % респондентов. Проследить ее связь с этнической принадлежностью опрошенных не представляется возможным из-за сравнительно небольшой численности в выборке представителей отдельных этносов. Все опрошенные были разделены на две группы – «русские» составившие в общей выборке 82,8 % опрошенных и «другие» – 17,2 % респондентов. Представители группы «другие» сталкиваются с дискриминацией чаще (6,4 %) «русских» (1,5 %).

Сравнительно меньшие масштабы распространения получили виды дискриминации, опосредованно связанные с этнической принадлежностью респондентов. Так дискриминацию по языку общения констатируют 0,7 % респондентов, по расовой принадлежности – 0,5 % россиян, по гражданству – 0,5 % опрошенных. О дискриминации по признаку религиозной принадлежности заявляет 1,3 % россиян. Православные в структуре всех верующих составили 80,6 % респондентов, представители других конфессий – 19,4 % опрошенных. Религиозное большинство сталкивается с дискриминацией реже (0,5 %), нежели меньшинство (8,8 %).

На втором месте по частоте упоминаний оказалась дискриминация по возрасту – 1,6 % опрошенных. Возрастная дискриминация в большей степени касается представителей старших возрастов. Так средний возраст респондентов, отмечающих дискриминацию по возрасту – 53 года. Для сравнения среди опрошенных, констатировавших отсутствие возрастной дискриминации – 44 года. О принадлежности к группе, дискриминируемой по физическим недостаткам, заявило 0,7 % россиян. Дискриминацию по полу констатирует только 0,4 % опрошенных. Самой малочисленной оказалась группа россиян, дискриминируемых по сексуальной ориентации – 0,3 % респондентов.

Проведенный факторный анализ показал наличие в России двух моделей дискриминации. Первая с условным названием «этническая дискриминация» включает в себя дискриминацию по расовой, религиозной, гражданской, национальной принадлежности, языку общения. Такая форма дискриминации затрагивает, прежде всего, мигрантов. Ведь именно мигранты часто выступают в качестве групп, отличающихся от большинства населения по перечисленным характеристикам. Вторая модель, условно названная «дискриминация по социально-демографическим признакам», объединяет дискриминацию по полу, возрасту, физическим недостаткам и сексуальной ориентации.

Дополняют картину ответы опрошенных о соблюдении прав меньшинств в стране. Почти половина респондентов (48,4 %) констатирует, что соблюдение прав меньшинств не соответствует тому, что происходит сегодня в России. Это самый большой процент в Европе. Для сравнения в Норвегии, где показатель минимален так считает только 6,2 % респондентов (Дания – 6,8 %; Нидерланды – 6,9 %; Финляндия – 7,7 %; Швейцария – 8,2 %; Германия – 8,9 % и т. д.).

Литература:

1. *Нозль-Нойман Э.* Общественное мнение. Открытие спирали молчания: Пер. с нем. / Общ. ред. и предисл. Мансурова Н.С. – М.: Прогресс-Академия, Весь Мир, 1996. – 352 с.
2. *Безбородова Т.М., Скребицова А.А.* Дискриминация мигрантов в социально-трудовой сфере: причины и пути преодоления// Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2011. № 41 – С. 83–85.

Изучение этнических стереотипов у русских и татарских студентов с использованием семантического дифференциала

Равилова М.В.

В современной повседневной жизни происходит постоянная коммуникация представителей различных этнических групп друг с другом. Формирование стереотипов вообще, а в частности этнических стереотипов в поликультурном обществе – естественный процесс. Это может происходить и на основе личного опыта непосредственных участников коммуникации, и на основе опыта других людей (родных, друзей, коллег), усвоенного при общении с ними. Важно понимать психологическую составляющую функционирования этностереотипов.

В качестве респондентов для исследования были взяты представители двух этнокультурных групп России: русские и татары (12 девушек и юношей в возрасте от 18 до 25 лет, студентов и выпускников вузов Москвы).

Цель исследования состояла в том, чтобы проследить, какие этнические стереотипы связываются с представителями русской и татарской культур и какое место они занимают в их семантическом пространстве.

Метод – семантический дифференциал. Испытуемым предлагаются шкалы с антонимичными выражениями, по которым следует оценить определённые слова-стимулы (они были выделены в ходе опроса респондентов на тему существования у них этнических стереотипов, также были добавлены стимулы, обозначающие этнические группы, а также стимул «я сам»); благодаря этому впоследствии строится семантическое пространство и анализируется распределение в нём полученных слов-стимулов.

Результаты:

- есть сходства в расположении авто- и гетеростереотипов у обеих групп респондентов;
- конкретные стереотипы по-разному располагаются в семантическом пространстве относительно групп и стимула «я сам», что говорит о большей (если ближе) и меньшей (если дальше) степени соотношения стереотипов с собой и своей группой;
- наблюдается разная степень соотношения себя и своей группы.

Влияние семьи и контекста на психологическое благополучие детей этнических меньшинств¹

Рябиченко Т.А., Лебедева Н.М.

Обеспечение преемственности ценностей является важной задачей социализации и необходимым условием функционирования общества, так как в вопросах сохранения или изменения культуры эффективность межпоколенной передачи ценностей может играть существенную роль. Однако в семьях мигрантов родители довольно часто испытывают сомнения и колеблются, решая вопрос о том, какого рода ценности необходимо транслировать подрастающему поколению. Это во многом связано с тем, что во время аккультурации в новой культурной среде ценности культуры происхождения могут затруднять адаптацию в принимающем обществе (З; 176). Как родители, так и дети стоят перед выбором: родители осуществляют выбор относительно

¹ Работа подготовлена в результате проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

того, какие ценности они будут передавать, а дети осуществляют выбор относительно принятия или отвержения этих ценностей. В ситуации с мигрантами и этническими меньшинствами важно понимать, что и родители, и дети вовлечены в процесс аккультурации, при этом они не всегда приобретают одинаковый опыт и не всегда имеют одинаковые референтные группы (5; 643).

Со стороны детей всегда происходит нечто большее, чем простое воспроизводство личных ценностей родителей. Так, в исследовании П.Стека с коллегами, рассматривалось сходство ценностных ориентаций родителей, подростков и их друзей-сверстников. Исследователи выявили большее сходство ценностей у подростков с друзьями-сверстниками, нежели с родителями (4; 39).

Кроме того, усиливать или ослаблять межпоколенную трансмиссию ценностей от родителей детям могут и так называемые «трансмиссионные ремни», которые имеют различную природу, зависят от контекста, социального статуса семьи, а также качества отношений в семье (3; 175).

Выборку составили 112 русских семей, проживающих в Латвии: 112 детей и такое же количество родителей, всего 224 человека.

В нашем исследовании мы решили посмотреть, как воспринимаемая детьми психологическая близость с родителями, сходство ценностей детей и родителей, а также сходство ценностей детей со своими сверстниками, связаны с психологическим благополучием поколения детей – одним из показателей успешной адаптации в аккультурационном процессе. В качестве индикаторов психологического благополучия выступают удовлетворенность жизнью и собой.

В исследовании был использован метод социально-психологического опроса. В опросник вошли: шкала индивидуальных ценностей методики PVQ-R (2), шкалы удовлетворенности жизнью и собой опросника MIRIPS (Mutual Intercultural Relations in Plural Societies, <http://www.victoria.ac.nz/cacr/research/mirips/>), перевод и адаптация Н. Лебедевой и А. Татарко (1)), а также демографические переменные: пол, возраст, образование родителей.

Обработка данных проводилась с помощью пакета SPSS 21.0 и приложения Amos 21.0. Использовалось моделирование структурными уравнениями.

К основным результатам исследования можно отнести следующие:

1. Воспринимаемая детьми психологическая близость с родителем позитивно взаимосвязана с показателями их психологического благополучия: удовлетворенностью жизнью и собой.
2. Сходство ценностей Открытости изменениям родителей и детей снижает удовлетворенность собой детей, в то время как сходство со сверстниками способствует повышению удовлетворенности жизнью и собой детей.

3. Сходство ценностей Самоутверждения со сверстниками повышает удовлетворенность собой детей, других значимых взаимосвязей сходства ценностей с параметрами психологического благополучия не выявлено.
4. Сходство ценностей Самопреодоления с родителями снижает как удовлетворенность собой, так и удовлетворенность жизнью детей.
5. Для сходства Ценностей Сохранения значимых взаимосвязей с показателями психологического благополучия детей не обнаружено.
6. Общее сходство ценностей с родителями негативно взаимосвязано с показателями психологического благополучия детей, тогда как общее сходство ценностей детей с их сверстниками связано с параметрами психологического благополучия позитивно.

Литература:

1. Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России: сб. научных статей / Под ред. Н.М. Лебедевой и А.Н. Татарко. М.: РУДН, 2009. 420 с.
2. *Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Лунатова А.С.* Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 4 2. С. 43–70.
3. *Schönpflug U.* Intergenerational transmission of values: The role of transmission belts // Journal of Cross-Cultural Psychology, 32, 2001. P. 174–185.
4. *Steca P., Monzan D., Greco A., D'Addario M.* Similarity in self-enhancement and self-transcendence values between young adults and their parents and friends // Family Science Vol. 3, No. 1, January 2012, 34–45.
5. *Vedder P., Berry J., Sabatier C., Sam D.* The Intergenerational Transmission of Values in National and Immigrant Families: The Role of Zeitgeist, J Youth Adolescence, 2009, № 438. P. 642–653.

К проблеме этнокультурной компетентности будущих педагогов

Савицкая О.В.

Необходимость формирования навыков межкультурного взаимопонимания и взаимодействия, поиск возможных путей их развития у представителей различных возрастных групп предполагают наличие у педагога системы профессиональных компетентностей, в частности, этнокультурной.

Целью нашего исследования является определение сущности понятия этнокультурная компетентность и пути ее формирования в процессе профессиональной подготовки будущих педагогов.

Как свидетельствует анализ психологической литературы проблема «компетентности/компетенции», их структуры за более чем полувековую историю исследования все же окончательного решения не нашла.

Сложность исследуемой проблемы не исчерпывается неоднозначностью в определении и использовании понятий «компетенция» и «компетентность», различиями в описании структуры ключевых компетентностей, различных типологий компетентностей и др. (Н. Хомский, Дж. Равен, И.А. Зимняя, А. К. Маркова, В. Хутмахер, и др.).

Наблюдается достаточно широкое понятийное поле «этнокультурной компетентности». Если в определении сущности феномена и выделении его основного свойства различия небольшие, то термины для его обозначения используются разные. В психологических исследованиях встречаются понятия «межкультурная компетентность», «этнокультурная компетентность», «этнопсихологическая компетентность». Первый часто используется в отношении процессов межкультурного взаимодействия и общения наряду с понятиями «языковая», «коммуникативная» и «культурная компетентность»; последний объясняется как чувствительность субъекта деятельности к этнически обусловленным проблемам других субъектов и своих собственных [2]; под «этнокультурную компетентностью» понимают свойство личности, которое проявляется в совокупности объективных представлений и знаний о той или иной этнической культуре, реализуемой через умения, навыки и модели поведения, обеспечивающие эффективное межэтническое взаимопонимание и взаимодействие [1]. В самом общем виде можно рассматривать все эти определения в контексте более широкого понятия социально-психологической или социальной компетентности, включающей умение ориентироваться в социальных ситуациях (а такими являются ситуации межэтнического взаимодействия), правильно определять личностные и эмоциональные состояния других людей и выбирать адекватные способы поведения и реализовывать эти способы в процессе взаимодействия.

Таким образом, описанные нами подходы к определению сущности феномена «этнокультурная компетентность» позволяют схематически представить систему профессиональной подготовки будущих педагогов, ориентированную на формирование этнокультурной компетентности. Она должна включать такие элементы:

во-первых, изучение родного языка, истории и культуры своего народа;

во-вторых, формирование потребности в межкультурной коммуникации, взаимодействии, получении знаний о другой культуре;

в-третьих, овладение в процессе тренингов навыками и умениями межкультурного общения и взаимодействия;

в-четвертых, приобретение опыта межкультурного взаимодействия и общения в процессе языковых практик, заграничных научных, профессиональных стажировок и пр.

Ожидаемым результатом будет развитие этнической толерантности как возможности понимать другие народы, расширять границы этнического опыта и знания и, как следствие, развитая этническая компетентность.

Литература:

1. *Поштарева Т.В.* Формирование этнокультурной компетентности // Педагогика. – 2005. – № 4 3. – С. 35–42.
2. Психология народов республики Башкортостан. Интернет-ресурс: // psysgra.jimdo.com/материалы-по-курсам/этнопсихология-народов-рб

Особенности стратегий совладания с чувствами вины и стыда у представителей разных этнических групп¹

Смотрова Т.Н.

В исследовании проблемы морально-нравственной регуляции поведения и деятельности человека все чаще ученые обращаются к изучению феноменов вины и стыда. Если чувства вины и стыда, возникая в ответ на осознание факта нарушения социальных норм, переживаются очень интенсивно, то они могут стать источником стресса и будут продуцировать возникновение психологических защит и совладающего поведения, направленных на снижение эмоциональной напряженности, тревоги и преодоление психотравмирующих ситуаций.

Ключевыми факторами предпочтения стратегий совладания являются особенности процессов категоризации (самокатегоризации и категоризации трудных ситуаций) (1) на протекание которых, в свою очередь, серьезное влияние оказывает культура, задающая эталонные модели восприятия окружающего мира. Например, Walcott и Scherer (4) указывают на разницу в стилях совладания со стыдом у представителей коллективистских и индивидуалистических культур.

Именно поэтому небезынтересным будет выявление особенностей совладания с чувствами вины и стыда у представителей разных этнокультурных групп.

В выборку данного исследования вошли представители азербайджанского, армянского, казахского, русского и татарского этносов, проживающие на территории Саратовской области. Методический инструментарий исследования представлен шкалами вины и стыда из методики «Измерение чувства вины и стыда» (TOSCA) Дж. П. Тангней (2) и модифицированным вариантом копинг-теста Р.Лазаруса и С.Фолькман в адаптации Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтяк, М.С. Замышляевой (3). Применительно к

¹ Исследование осуществляется при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Феномены вины и стыда как регуляторы социального поведения в контексте традиционных и современных ценностей (кросскультурное исследование)», № 13–06–00492.

исследовательским задачам респондентов просили оценить, насколько предложенные варианты поведения соответствует тому, что с ними произошло в ситуациях, связанных с переживаниями вины и стыда.

Помимо достоверных различий в реализации представителями исследуемых групп тех или иных копинг-стратегий, были обнаружены специфические для каждой этнической группы взаимосвязи типов со-властвующего поведения с выраженностью шкал вины и стыда.

Так, у азербайджанцев шкала стыда положительно коррелирует со стратегией принятия ответственности, а шкала вины – отрицательно со стратегией положительная переоценка.

На выборке казахов выраженность переживания и стыда, и вины связана с реализацией конструктивных проблемно-разрешающих копингов принятие ответственности и поиск социальной поддержки. Также обнаружены взаимосвязи названных чувств с эмоционально-ориентированными стратегиями совладания с отношением к проблемной ситуации: стыд с конструктивным копингом положительная переоценка, а вина – с деструктивным дистанцированием.

В число стратегий совладания с виной у татар (согласно выявленным взаимосвязям) входят исключительно конструктивные проблемно-разрешающие копинги планирование решения проблемы, поиск социальной поддержки и принятие ответственности. Шкала стыда дает лишь отрицательные корреляции с копингами положительная переоценка и конфронтация.

У армян шкала стыда положительно коррелирует с целым арсеналом копингов, в котором имеют место как конструктивные стратегии (самоконтроль, положительная переоценка, поиск социальной поддержки), так и деструктивные (конфронтация, дистанцирование, бегство-избегание), а шкала вины имеет прямые корреляционные связи со стратегией принятия ответственности, и обратные со стратегиями конфронтация и бегство- избегание.

Содержание взаимосвязей, обнаруженных между шкалами вины, стыда и копинг-стратегиями на выборке русских свидетельствует о том, что только русские используют практически весь спектр имеющихся стратегий со-властвующего поведения (конструктивных, деструктивных, проблемно-разрешающих, эмоционально-ориентированных) для преодоления ситуаций, связанных с переживанием чувств вины и стыда. Лишь с одной стратегией планирование решения проблемы не коррелирует стыд, а единственный копинг, с которым не коррелирует вина – дистанцирование.

Литература.

1. Голованевская В.И. Факторы предпочтения стратегий совладания: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Москва, 2006.
2. Ильин Е.П. Психология общения и межличностных отношений. СПб.: Питер, 2009.

3. *Крюкова Т.Л., Куфтык Е.В.* Опросник способов совладания (адаптация методики WCQ) / Журнал практического психолога. М.: 2007. № 43. С. 93–112.
4. *Wallbott, H.G. & Scherer, K.R.* (1995). Cultural determinants in experiencing shame and guilt. In J.P. Tangney & K.W Fischer (Eds.), *Self-conscious emotions: the psychology of shame, guilt, embarrassment and pride* (pp.465– 487). New York: Guilford Publications.

Особенности этнического самосознания сибирских немцев

Собольников В.В., Чухрова М.Г.

Проблема исследования немцев Сибири в последние десятилетия приобрела особую остроту в связи с миграциями, процессами глобализации, интенсификацией связей с Германией и актуализацией этничности. Восприятие германской культуры позволяет немцам, живущим в Сибири, осознавать себя немцами. В последние годы появилось немало публикаций о немцах России. Однако, вопросы этноидентичности и характера отношений сибирских немцев, прежде всего, с русским суперэтносом не привлекали внимания исследователей (1). В этом плане актуализируется проблема особенностей самосознания сибирских немцев.

Этническое самосознание являясь рефлексией личности по поводу ее общности с определенной этнической группой формировалось в течение длительного времени. Условно можно выделить три этапа: адаптация к новым условиям и этническому окружению; внутриэтническая консолидация и межэтническая интеграция; ассимиляция. Все эти процессы взаимосвязаны между собой. Анализ этноидентичности и ее составляющих является одной из актуальных задач современной этнопсихологии.

В Западной Сибири по данным переписи населения в 2010 году проживало 217,9 тысяч лиц немецкой национальности, которые представляют этнотерриториальную группу в составе российских немцев (2). Формирование их этнического самосознания связано с началом массовой колонизацией Сибири (конец XIX в.). В условиях совместного проживания в отрыве от религиозных центров и изоляции для членов общин факторами развития духовной сферы были конфессиональный и языковой. Религия и язык стали теми барьерами, способствовавшими консервации традиционных консервации архаичных элементов. Основываясь на единстве веры, твердости убеждений и преданности, духовным нормам и принципам, религия консолидировала сообщество немцев.

Второй этап (1930 до конца 1980 гг.) духовной жизни немцев связан с разрушением локальной их замкнутости дискриминационной политикой и превращения конфессий в оппозиционные. Тотальная дискриминация в период депортации вызвали резкое усиление религиозности

немцев. Религия становится единственной основой и средством защиты национальной самобытности немцев, источником национальной культуры. Религиозная община играет значимую роль в жизни немцев, требуя от ее членов строго следовать предписаниям религиозных догм и соблюдения традиций. Например, в создании однородных в конфессиональном отношении семей запрет на брак с лицами мусульманской религии и т.д. Приверженность немцев к конфессии стало символом скрытого сопротивления имевшему место политическому доминированию, которое позволило сохраниться им и превратить религиозную принадлежность в эффективный способ отстаивания этноидентичности.

В начале 1990 годов, благодаря снятию ограничений, затрудняющих деятельность религиозных объединений, были открыты центры протестантских (лютеране, менониты, баптисты, пятидесятники) и католических религий. Церковь быстро восстановила свои позиции, усилив влияние в среде сибирских немцев и Новосибирск, превратился в центр латинизма в Сибири. Проведенный нами в 2012 году опрос немецкого населения (1000 респондентов) в Западной Сибири позволил определить, что 19 % опрошенных относят себя к католикам, 23 % – к лютеранам и 17 % – адвентистам.

Определенный интерес представляют исследования характера отношений населения немецкой и русской национальности проживающими в этноконтактных зонах. Исследование проводилось в 2011–2013 годах в различных районах Новосибирской области, где проживает 30 924 немцев (2). Поэтому, выборка составила 200 человек: 100 респондентов немецкой и 100 русской национальности. В качестве инструментария использовалась методическая разработка (С.В.Рыжова, И.М.Кузнецов, Г.У.Солдатова), включающая тесты «Типы этноидентичности», «Этно-аффилиация» и «КЦД». В результате выявлена повышенная по сравнению с русскими гиперидентичность немцев. Так, гиперидентичные установки в наибольшей степени (национальный: эгоизм – 18 %, изоляция – 31,1 % фанатизм – 25,2 %) проявляется у жителей немецкой национальности. В то же время, среди немцев и русских этническая установка по типу «норма» (этноидентичность) проявляется у 49,5 % и 57,2 % соответственно. Данное обстоятельство свидетельствует о наличии готовности к межэтническому взаимодействию. Одновременно 26,5 % немцев и 27,6 % русских проявляя этноидентичность, выразили свое равнодушие к этническим проблемам. Близкие тому результаты были нами получены при исследовании в 2001–2002 годах (2, С. 175–179).

В настоящем для российских немцев открылся новый этап своего развития. Современные концептуальные модели пытаются связать культурные традиции прошлого с альтернативами будущего направления развития немецкого этноса и степени его лояльности к российскому

суперэтносу. В этом усматривается смысл существования совместного выживания и развития российского общества. Перспектива дальнейших исследований видится в изучении феномена сибирских немцев как социальной реальности, эволюция форм их этнической специфики и динамики развития этнических отношений.

Литература:

1. *Собольников В.В.* Религиозный фактор в социальных отношениях немцев Сибири / В.В.Собольников // Межэтноконфессиональные отношения в Сибирском суперрегионе: социально-психологический анализ: Монография. – Новосибирск, 2003. – С. 171–179.
2. Официальный сайт Всероссийской переписи населения 2010 года. Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года.

Отношение к этнически другому у студентов

Соловьева А.Н., Соловьева Т.А.

Изменения мирового порядка, произошедшие за последние десятилетия, поменяли понимание и отношение к этническому другому. Несмотря на многочисленные встречи с представителями других этнических групп, происходящие в области современной социокультурной реальности, представление о нем чаще формируется в области репрезентации. Это объясняется характером современной культуры, где медиа образы становятся основой для конструирования реальности современного человека. Какой образ этнического другого представлен в сознании молодого поколения россиян? Что влияет на формирование отношения к нему? Найдя ответы на эти вопросы, мы сможем понять детерминанты формирования отношения к своей и другим этническим группам. С целью выявления отношения к этническому другому у молодежи было в 2014–2015 году было проведено исследование среди студентов Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова.

Выборка составила 132 человека (53 % женщины, 47 % мужчин). В исследовании приняли участие обучающиеся гуманитарных (62 человека) и технических (70 человек) специальностей. Все респонденты относят себя к этнической группе «русские». Средний возраст респондентов – 20,64 лет. У 47 % (60 человек) в окружение есть представители других этнических групп, и они хорошо знакомы с другими культурами.

Для исследования на основе концепции исследования социальный представлений об этническом другом была разработана анкета, методика «диагностический тест отношений» Г.У. Солдатовой, шкала Э. Богардуса в модификации Л.Г. Почебут.

В связи с обозначенными проблемами участники исследования были разделены на группы по полу, по направлению подготовки, по степени знакомства с другими культурами.

Участники исследования независимо от образования, пола и степени знакомства с другими культурами признают значимость других культур, уважают их традиции и считают, что необходимо знакомиться с традициями других народов. Авторитетным источником знаний о своей и другой культуре признаются ученые, а также коренные жители исторических поселений. В структуре понятия «этнический другой» присутствует деление на другого «своего» и «чужого». Длина социальной дистанции со «своим» - меньше, чем с «чужим». Определение этнической группы как «своей» или «чужой» зависит таких признаков, как: близость/схожесть культур, территориальная расположенность, общее происхождение и история, религиозные убеждения. Отношение к «этническому другому» у студентов САФУ характеризуется неопределенностью, с тенденцией к позитивному полюсу оценки. Большинство студентов проявляют открытость по отношению к новым социальным контактам с сохранением определенной социальной дистанции. Существует общая негативная установка по отношению к слиянию с другими этническими группами.

По отношению к «этническому другому» студентки настроены более открыто, чем юноши. Это проявилось в меньшей длине социальной дистанции к представителям других этнических групп. Женщины проявляют большую выраженность позитивного стереотипа в отношении «себя» и «идеала», чем мужчины. Студенты гуманитарных направлений в отношении к «этническому другому» более открыты, в большей степени позитивно настроены. У них меньше выражены тенденции к доминированию своей культуры, чем у студентов технических специальностей. Студенты, обучающиеся в группах с этническим другим и изучающие другие культуры во время обучения в вузе, демонстрируют более конкретный и ярко выраженный образ «этнического другого», они чаще выбирают ситуации непосредственного взаимодействия (профессиональная деятельность, обучение, семейные ритуалы, курсы этнических танцев, ремесел и т.д.) для знакомства с другой культурой как преимущественные.

Студенты, обучающиеся в моноэтнических группах и не изучающие другие культуры, предпочитают ситуации с большей длиной социальной дистанции (религиозные праздники, посещение этнических ресторанов, светские развлечения, спортивные мероприятия). Их отношение к «этническому другому» отличается большей позитивной направленностью стереотипа, при меньшей его выраженности и силе.

Чем лучше сформировано представление студентов о себе (меньше амбивалентность, больше сила представления и позитивная направленность), тем более негативное отношение к «этническому другому» они

демонстрируют (меньше амбивалентность, большая сила представления и нейтральная направленность).

В результате проведенного исследования можно сделать вывод о том, что отношение к «этническому другому» является сложным и многоаспектным образованием. Оно строится на основании стереотипа об «этническом другом», зависит от пола респондентов, предыдущего опыта общения с представителями других культур, уровня знаний о других культурах и направления получаемого образования.

Перспектива дальнейшей работы в данном направлении может состоять в изучении влияния индивидуального опыта, социального окружения, средств массовой информации, институтов социализации на формирование отношения к «этническому другому».

Теории и модели межкультурной коммуникации в западной психологии.¹

Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А.

Зародившийся несколько десятилетий назад интерес к проблеме межкультурного взаимодействия привел к выделению сферы межкультурной коммуникации (МКК) в самостоятельную область научного знания, главная цель которой - выявить, чем определяется успех коммуникации в межкультурном контексте. Результатом господствующего в современной гуманитарной науке плюрализма стало создание за короткий исторический период не менее сорока теорий и концепций межкультурной коммуникации (МКК), которые условно можно объединить в пять направлений.

1. Теории адаптации сосредоточены на объяснении взаимодействия мигрантов и местных жителей. В одних теориях, например, в интегративной теории коммуникации и кросс-культурной адаптации (Kim, 2005), успех МКК определяется личностными особенностями мигранта, от которых зависит возможность «межкультурного преобразования» и обретение мультикультурной идентичности, в других (теория культурного научения (Wilson, Ward & Fischer, 2013) большее внимание уделяется ситуативным параметрам, связанным с процессами научения – длительности проживания за границей, предшествующему контакту с другими культурами и участием в тренингах.
2. Теории развития межкультурной компетентности больше озабочены изучением процессуальных аспектов МКК. В модели развития межкультурной сензитивности компетентность возрастает по мере того, как взгляд на свою и другие культуры расширяется в результате перехода

¹ Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 15-18-00109).

от одной стадии к другой (Bennett, 1993). В процессуальной модели межкультурной компетентности психологическое состояние индивида и сам процесс коммуникации постепенно трансформируются на основе особенностей вступающих во взаимодействие субъектов, их культурной ориентации и когнитивной готовности (Hajek, Giles, 2003).

3. Теории, фокусирующиеся на результате взаимодействия, сосредоточены на выявлении главного фактора успеха МКК. Согласно теории культурной конвергенции, успех межкультурной коммуникации определяется интенсивностью (частотой и длительностью) контактов между представителями разных культур (Kincaid, 1988), а в соответствии с теорией контроля тревожности и неуверенности, центральной переменной, влияющей на результат МКК, выступает способность человека справляться с тревожностью (эмоциональное состояние) и неуверенностью (когнитивное состояние) (Gudykunst, 2005).
4. Теории идентичности отводят центральное место в успехе межкультурной коммуникации идентичности взаимодействующих субъектов, опираясь на предложенное И.Гофманом понятие *face-work* – создание и поддержание имиджа, положительного впечатления о себе у других людей и коррекцию неблагоприятного впечатления (Goffman, 1955). Наиболее известны в этом ряду: теория соглашения об идентичности, определяющая межкультурную коммуникацию как процесс достижения «договоренности» об идентичности между субъектами взаимодействия (Ting-Toomey, 2005), теория управления идентичностью, акцентирующая необходимость изменений идентичности в процессе межкультурного взаимодействия и преодоления стереотипов (Imahori, Cupach, 2005), и теория культурной идентичности, отстаивающая идею необходимости взаимного осознания, постижения и признания вступающими во взаимодействие индивидами культурных идентичностей друг друга (Collier, 2005).
5. Интегральные теории, например, модель межкультурной компетентности Шпицберга, пытаются учесть все возможные факторы и разнообразные ситуации межкультурного взаимодействия (Spitzberg, 2012).

Несмотря на значительные достижения в области МКК, существует ряд ограничений, препятствующих ее дальнейшему развитию. Одно из таких ограничений связано с тем, что психологические закономерности часто игнорируются, т.к. изучение МКК зародилось и развивается преимущественно на стыке культурной антропологии и лингвистики. Если обращение к методологии психологии и происходит, то наполнение психологических понятий и конструкторов существенно варьирует в зависимости от авторской позиции. К тому же, авторы теорий рассматривают процесс МКК, исходя из принципов классической науки, с точки зрения которой психические процессы являются самодостаточными, а «поведение осуществляется помимо существенного соучастия субъекта» (Узнадзе, 1966, С. 328). Кроме того, большинство подходов к МКК сформировались в северо-американ-

ском и западно-европейском контексте, что находит свое отражение в преобладании как на теоретическом уровне, так и на уровне исследований и применении их результатов на практике этноцентристских установок. В соответствии с этими установками в центре внимания оказываются нормы, взгляды и ценности, императивные в определенном культурном контексте – индивидуализм, мотивация достижения и т.д. Преодоление этих и других ограничений теорий МКК – важная задача на пути разработки перспективной теории, соответствующей современному этапу развития науки и включающей необходимые элементы и связи, поддающиеся регулированию в практической деятельности по управлению эффективностью МКК.

Роль диалогического мышления в поликультурном образовании¹

Степанова Г.С.

Поликультурное образование рассматривается в Международной энциклопедии образования (1985) как педагогический процесс, в котором репрезентированы две или более культуры, отличающиеся по языковому, этническому, национальному или расовому признаку, что предполагает общение и взаимодействие участников и с необходимостью требует от них понимания и принятия этнокультурного разнообразия (1).

Основой поликультурного образования является осмысление мира культуры как единого и, в то же время, многообразного. Для решения этой задачи необходим особый, диалогический способ мышления. Такой способ мышления не задан человеку изначально, а требует своего формирования. Несмотря на то, что поликультурное образование содержит в себе много позитивного, стратегии поликультурного образования несут в себе и определенную односторонность. Ставя во главу угла идею многообразия мира культуры, они умаляют идею его единства (4). Нам представляется перспективной точка зрения, что оптимальная образовательная стратегия возможна при условии соединения принципов монокультурности и поликультурности, их взаимной коррекции, равновесия. Такой стратегией является диалог.

В современной культурной ситуации возрастает роль и эвристические возможности диалога, диалогического стиля мышления как способа миропонимания, который предоставляет возможность для свободного обсуждения разнообразных мнений, самовыражения и конструктивного поиска истины на основе общности подходов.

Мартин Бубер указывал, что существуют два базисных подхода, два типа отношений человека к бытию, к миру. Эти отношения могут реализовываться, с одной стороны, в рамках установки «Я и Оно», или

¹ Исследование проведено при поддержке РГНФ и правительства Воронежской области, проект № 15–16–36003 а/р.

«Я и Он, Они» В этом случае мы смотрим на мир только как на скопление предметов и орудий, людей в том числе, которые так или иначе могут служить нашим целям и интересам. Но возможно и иное отношение. Можно обращаться к предметам, людям, живым существам как к «Ты», в рамках установки «Я–Ты», как обращаются к живому существу, личности, более того – другу. Я и Ты при этом вступают в диалог, и мир предстает совершенно отличным от мира «Они» (2).

Поликультурное образование можно рассматривать как диалог культур. При этом преобладание стратегии «Я и Ты» как диалогического мышления обеспечивает с одной стороны, принятие этнокультурных различий, с другой стороны позволяет находить общее в процессе общения и взаимодействия. Представляется, что такая стратегия позволит избежать этноцентрического сравнения.

Реализация принципа диалогического мышления в учебном процессе в частности в Воронежском педагогическом университете, в котором учатся студенты – представители различных культур, в том числе и иностранцы, сталкивается с рядом проблем. В частности, в группах с иностранным составом в общении и взаимодействии сильнее проявляется стратегия «Я и Они», чем в группах российских студентов различной национальности, у которых, на наш взгляд, существует объективное основание для нахождения общего – идентичность «Я и Ты – россияне». В группах иностранных студентов отчетливее проявляется настороженность и протест в ситуации необходимости обсуждения этнокультурных проблем, национальной принадлежности, что связано, на наш взгляд, с необходимостью сравнения с принимающей культурой и возникающими в связи с этим этическими проблемами.

Перечисленные факты позволили сформулировать гипотезу, что переход к стратегии «Я и Ты» в процессе межкультурного взаимодействия в условиях поликультурной образовательной среды будет более эффективен, если выстраивать практические занятия вначале с использованием невербальных интерактивных технологий, и лишь затем переходить к заданиям, которые выявляют смысловые и ценностные этнокультурные различия. Так, например, на первом этапе организации занятий по курсу «Социальная психология» достаточно эффективными оказались такие интерактивные игры и упражнения как «Цвет эмоций» (упражнение направлено на понимание невербальных средств общения), или «Веревка» (упражнение, направленное на координацию совместных групповых движений). На следующем этапе вводились задания, выявляющие индивидуальные особенности в рамках этнокультурных паттернов поведения и лишь затем внедрялись задания, например, на проявление этнокультурной толерантности (упражнения «добрый день, шалом, гутен таг», «сходство и различия»)(3). При такой стратегии организации практических занятий студенты достаточно быстро перехо-

дили от стратегии во взаимодействии «Я-Они», к стратегии «Я-Ты», что однозначно оказывало влияние на эффективность учебного процесса.

Литература:

1. *Бессарабова И.С.* Цели, задачи и принципы поликультурного образования в России и США // *Современные наукоемкие технологии.* – 2008. – № 4 8. – С. 73–75.
2. *Бубер М.* Я и Ты. – М., 1992.
3. *Трофимова Н.Б.* и др. Социальная психология. Ч.II. Практикум / Под ред. Г. С. Степановой. – Воронеж: ВГПУ, 2015.
4. *Яркова Е.Н.* Философия поликультурного образования и ее альтернативы // *Топос. Литературно-философский журнал.* URL: <http://www.topos.ru/article/2130>

**Создание «Памяток для родителей-мигрантов»
как метода повышения межкультурного взаимопонимания
(опыт школ Калининского района Санкт-Петербурга)**

Суровая Н.В., Калганова С.В., Хакимов Э.Р.

Повышение межкультурного взаимопонимания детей и взрослых – субъектов образовательного процесса – является одной из наиболее актуальных задач современной поликультурной школы. С нашей точки зрения, школа становится поликультурной, если педагоги, то есть те, кто организует образовательный процесс, постепенно переходят к «этноцентризма на этнорелятивизм» (М. Беннет). При этом возможность понимания и взаимопонимания, как «умение видеть другого изнутри, способность взглянуть на его мир с разных точек зрения: своей собственной и его» (А. Асмолов) принципиально возникает, когда у человека развивается мироцентристское или этнорелятивное мировоззрение.

Процесс превращения школ, в которых обучаются учащиеся-инофоны, в поликультурные школы сталкивается с рядом проблем:

1. Высокомерное отношение педагогов к учащимся-инофонам, непризнание права мигрантов быть другими, отличными от местных;
2. Отсутствие у учащихся положительного отношения к межкультурным отличиям;
3. Отчуждение родителей-мигрантов от образовательного процесса.

В школах Калининского района Санкт-Петербурга накоплен опыт решения этих проблем через организацию процесса создания «Памяток для родителей-мигрантов» на их родных языках: азербайджанском, таджикском, армянском и др. Процесс включал (А) приглашение представителей диаспор, наиболее авторитетных и грамотных, для совместного с учителями составления памяток на разную тематику, (Б) индивидуальную работу с родителями и детьми-инофонами по разъяснению положений памяток,

(В) распространению памяток в диаспорах и встречному отклику в форме участия в школьных межкультурных фестивалях и других событиях. Примеры тем «Памяток»: Как стать грамотным, Как выбрать спортивную секцию, Как работать над параграфом учебника. Также в памятках указывались возможности ребенка в школе: организация питания, медицинское обслуживание, библиотечная служба, дополнительное образование; давались координаты служб, которые помогают мигрантам: социальные педагоги, психологи, курсы русского языка и др., описывались требования к ребенку в школе: к внешнему виду, к готовности ученика к уроку, положения по ведению дневника, правила поведения ребенка в школе.

Анализ опыта организации процесса создания «Памяток для родителей-мигрантов» и распространения этих «Памяток» позволяет прийти к выводу о результативности за счет роста ощущения признания у мигрантов, появления стремления у вовлечённых в проект педагогов признавать права мигрантов быть другими, отличными от местных, и, кроме того, некоторого роста у учащихся положительного отношения к межкультурным отличиям.

Между интеграцией и изоляцией: трудоые мигранты в российском обществе

Суслова Т.Ф.

За последнее десятилетие огромный наплыв мигрантов в города Российской Федерации, во многом изменили «социальный ландшафт» российского общества, характеризующегося этническим, религиозным, языковым и социокультурным разнообразием.

Конечно, с одной стороны, мигранты являются уязвимой социальной группой, так как они живут и работают в стране, которая не является им родной, сталкиваются с трудностями адаптации к обществу, имеют меньше прав, чем россияне. Они часто сталкиваются с враждебностью коренного населения, иногда используются в качестве «козлов отпущения», на которых можно «повесить» все социальные, материальные, духовно-нравственные и другие трудности. С другой стороны, мигранты не всегда прилагают значительные усилия по преодолению негативной реакции принимающего общества, культурно дистанцируясь от его традиций, ценностей и правил, ведут паразитирующий образ жизни. В последнее время в России отмечается распространение девиантных форм поведения среди мигрантов, в том числе, общественно-опасных в виде преступной деятельности, угрожающих безопасности страны и препятствующих позитивному развитию межнациональных отношений.

В связи с тем, что большинство трудовых мигрантов (по данным разных источников в пределах 35 %) приходится на Московский регион, мы провели опрос жителей Москвы и Московской области, а также мигрантов из Средней Азии, Украины и Молдавии, работающих по трудовым договорам в различных организациях г. Москвы (всего было опрошено 454 человека).

По итогам исследования были сделаны выводы, некоторые из которых представляем в данных тезисах доклада.

1. Опрос жителей Москвы и Подмосковья показал, что большая часть из них (74,0 %) испытывают негативные чувства к мигрантам, 16,1 % равнодушны и лишь 2,6 % опрошенных – положительно. Раздражение у коренного населения вызывают в основном поведение, не согласующееся с традициями общества (98,2 %); отношение мигрантов к коренному населению (88,9 %); внешний вид мигрантов, вызывающий брезгливость (82,5 %); манера общения, особенно, в общественных местах (73, %); речь (64,2 % опрошенных). В связи с этим мигрант в восприятии местного населения предстает как: «чужак», «бездельник», «неудачник», «таракан», «крыса», «человек, который развалил свою страну и приехал разваливать нашу», «человек, заполонивший Москву», «никто», «приблудный», «человек с неприятным, агрессивным внешним видом», «халаящик», «приехавший вытеснить коренное население», «кто хочет легких денег», «конкурент» и т.п. Данное восприятие мигрантов основано, по мнению респондентов, на личном опыте взаимодействия с ними на работе, улице, в общественном транспорте, в качестве соседей, опыте других людей и информации средств массовой информации.
2. Большая часть опрошенных коренных жителей видят в мигрантах угрозу их безопасного проживания и проведения досуга, а также личному, семейному и профессиональному благополучию.
3. Несмотря на негативное отношение к мигрантам, коренные жители Москвы и Подмосковья (особенно в группах старше 40 лет) все-таки предлагают принять, как факт, стремительное и необратимое развитие миграционных процессов. Вести себя с мигрантами сдержанно, стремиться к взаимодействию с ними при доминировании коренного населения. В связи с этим, необходимо на государственном уровне разработать и в дальнейшем развивать комплекс мер, способствующих гармоничному развитию взаимоотношений с местным населением. Однако, как показывают результаты нашего исследования, это одно из самых сложных направлений работы, так как с одной стороны, в России крайне недостаточно социальных и психологических учреждений, специализирующихся в оказании помощи и поддержки трудовых мигрантов, а с другой стороны, сами мигранты либо не готовы, либо не желают обращаться за данной помощью в учреждения психосоциальной помощи, разрешая свои проблемы при по-

мощи поддержки своих земляков и немногочисленных знакомых из коренного населения. Их интересует в основном только помощь миграционных служб в получении патента на работу.

4. Правительство Москвы имеет программу по защите прав трудовых мигрантов и оказания им и их семьям различной социальной и медицинской помощи, однако, по данным опросов мигрантов, конкретных действий со стороны правительства Москвы и Подмосковья они не ощущают. Данный факт в большей мере отмечали мигранты из Украины и Молдавии, и оставляли без ответа практически все мигранты из Средней Азии.
5. Значительные усилия по преодолению негативной реакции местного населения должны предпринимать и сами мигранты. Однако в ответе на один из вопросов, мигранты всех трех групп в качестве неважных жизненных потребностей отметили «приспособление к жизни в Москве» (69,0 %), «получение помощи различных специалистов в приспособлении к жизни в Москве» (97,4 %) и «научиться не конфликтовать с местным населением» (69,3 % опрошенных).

Проблемы формирования этнической толерантности и этнической идентичности у детей младшего школьного возраста

Тапилина А.С.

В современной многонациональной и многоконфессиональной России, в период глобализации и мультикультурности, становится крайне значимой проблема этнического воспитания. Система образования может оказать положительное влияние на решение данной проблемы, путем создания программ по формированию этнической толерантности и этнической идентичности у детей, начиная с первых классов школы. На сегодняшний день роль семьи в социализации ребенка несколько ослаблена, а неотъемлемой частью обязанностей образовательной системы традиционно считается воспитание, к тому же, именно школа становится первой значимой социальной площадкой для ребенка, на которой, как правило, впервые в его жизни и начинают обозначаться межэтнические вопросы.

Этническая принадлежность – необходимое условие формирования личности, Это, в большей мере, социальная детерминанта, чем биологическая (как раса), и определяется, главным образом, обычаями, традициями и языком. Обусловленные процессами глобализации, наблюдаются тенденции ассимиляции малых этносов, растворение культурных ценностей, потеря национальной самобытности. Эта проблема также весьма актуальна как во всем мире, так и в России, в частности,

в Сибири, с большим потоком миграции из стран Средней Азии и разнообразием коренных сибирских этносов, что становится поводом для разработки программ по сохранению народных традиций и языков.

В условиях современного постоянно меняющегося мира, растущей неопределенности и ускорении темпов социального развития, личность сталкивается с необходимостью «переосознания» своего Я, неотъемлемой частью которого является и осознание своей этнической принадлежности (2). Стоит отметить, что проблема самоидентификации наиболее остро стоит в подростковый период, поэтому важно уделить внимание проблеме этнической идентичности в предшествующий период развития ребенка. Один из основоположников гуманистической педагогики Карл Роджерс писал, что необходимое условие обучения, это использование энергии личной мотивации: ученики должны сталкиваться с материалом, имеющим для них самих значение и смысл (1). Для детей младшего школьного возраста наиболее органичной формой поведения является игра, её можно и нужно активно использовать при формировании обучающих программ. Имеет смысл начинать знакомство с чужой культурой с тех игр, которые являются традиционными и распространенными в изучаемой культуре. Важно понимать, что включение всего класса в организацию учебного опыта посредством общего действия обеспечивает более широкий опыт для учеников.

При рассмотрении вопросов этнического воспитания, крайне важно исключить принудительное (авторитарное) воздействие учителя, но, в то же время, имеет смысл включить учителя, как представителя определенного этноса и носителя самобытных традиций, в образовательный процесс.

Таким образом, в реалиях современного общества, когда этнический состав России очень неоднороден, этническая «разношерстность» все сильнее становится заметна и в школах. В связи с этим очень важно с раннего возраста готовить детей к адекватному восприятию современных реалий, к пониманию разнообразия этнического состава окружения ребенка, к выработке здоровой толерантности у представителей различных этнических групп для их дальнейшего мирного и продуктивного взаимодействия уже на уровне взрослых.

Литература

1. *Роджерс К., Фрейберг Д.* Свобода учиться. – М.: Смысл, 2002. – 528 с.
2. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. – 344 с.

Влияние этнической гетерогенности на социально-психологический капитал личности¹

Татарко А.Н., Чувашов С.В. Миронова А.А.

Исследование посвящено рассмотрению влияния этнического разнообразия на социально-психологический капитал личности в российском контексте. Теоретической основой исследования послужили: авторская концепция социально-психологического капитала личности (Татарко, 2014) и гипотезы Р. Патнема о негативном влиянии этнической гетерогенности на социальный капитал (Putnam, 2007), а также ряд эмпирических работ, выполненных в данном направлении в разных странах (Gesthuizen, Van der Meer, Scheepers, 2004; Tiemann, DiRienzo, Das, 2009).

Эмпирической базой послужили данные репрезентативного опроса в двух мультикультурных регионах России (N=2061). В процессе опроса использовалась авторская методика оценки социально-психологического капитала личности (Татарко 2015). Для оценки уровня этнического многообразия рассчитывался специальный показатель (Индекс этнического разнообразия (Riazantsev, Tikunov, Timonin, 2013) - (Ethnic Diversity Index (EDI)), основанный на результатах всероссийской переписи населения 2010 года. Данные обрабатывались при помощи двухуровневого моделирования структурными уравнениями (Geiser, 2012).

Результаты исследования показали, что в российском контексте этническое многообразие не оказывает отрицательного влияния на социально-психологический капитал личности. В частности, этническое многообразие не оказывает статистически значимого отрицательного влияния на микросоциальное доверие, макросоциальное доверие, гражданскую идентичность личности. В то же время этническое многообразие положительно влияет на этническую толерантность личности. В докладе обсуждается социально-психологическая природа полученных результатов.

Литература:

1. *Татарко А.Н.* Социально-психологический капитал личности в поликультурном обществе / Дисс. докт. психол. наук. 2015. URL: <http://www.ipras.ru/engine/documents/document8666.pdf>
2. *Geiser C.* Data analysis with Mplus. Guilford Publications. 2012.
3. *Gesthuizen M., Van der Meer T., Scheepers P.* Ethnic diversity and social capital in Europe: Tests of Putnam's thesis in European countries // *Scandinavian Political Studies*. 2009. V. 32. № 2.
4. *Putnam R.* E pluribus unum: Diversity and community in the twenty-first century the 2006 Johan Skytte Prize Lecture // *Scandinavian political studies*. 2007. V. 30. N 2. P. 137–174.

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2015 году.

5. *Riazantsev S., Tikunov V., Timonin S.* Mathematical cartographic approaches toward evaluation and forecasting of ethnic composition in the Russian regions // *Annals of GIS*. 2013. Vol. 19 (1). P. 17–25.
6. *Tiemann T., DiRienzo C., Das J.* Tolerance, heterogeneity, creativity, and economic growth // *Proceedings of the Measuring Creativity: Can creativity be measured*, 2009. P. 185–189.

Найти себя и не потерять. Особенности этнической идентичности современной молодежи

Тимошенко А.Р.

Российская Федерация – государство с огромной территорией, большим и разнообразным населением по различным критериям. Один из критериев, который может одновременно вызвать симпатию и потребность в отторжении – это неоднородность населения в этническом плане. Часто ли люди противостоят тому, что несёт опасность? А может это страх перед неизведанным, а вовсе не противостояние? И не является ли страх преодолением интереса?

Почему же человек противостоит человеку только потому, что тот на него не похож? На мой взгляд, это связано с тревогой, терзающей изнутри. Раз кто-то отличается – значит, он «иной» и пришлый из другой «семьи». Исторически так сложилось, что человек живёт в обществе: в клане, в племени, в общине. Тот, кто приходил извне, таил в себе реальную опасность. Даже если опасности и нет – страх остается, угроза представляется потенциальной. В такой ситуации человеку важно обратиться к самому себе, задать вопрос с тем, чтобы разобраться, что же он защищает.

Чтобы разобраться в тонкостях межэтнического взаимодействия в первую очередь личности нужно определиться, что и кто она сама. В ходе исследования мы изучали особенности этнической идентичности современной молодежи. Эмпирическую базу исследования составили мужчины и женщины от 17 до 30 лет в количестве 81 человека, разного социального статуса, принадлежащие к разным этническим группам. Нами были выбраны следующие методики: «Типы этнической идентичности» (Г.У. Солдатова, С.В. Рыжова), «Измерение выраженности этнической идентичности» (модификация методики Дж. Финни). Также нами была разработана шкала для экспресс оценки положения этнической идентичности в структуре социальной.

К числу выделенных в ходе эмпирического исследования особенностей этнической идентичности можно отнести то, что в осознании этнической идентичности среди современной молодежи превалирует аффективный компонент над когнитивным. Для людей чувство принадлежности

по этническому критерию важнее таких видов социальной идентичности, как гендерная, территориальная, гражданская, профессиональная.

Также исследование показало, что половина респондентов положительно относится к своей этнической группе и группам других, но при этом имеется тенденция к отсутствию актуальности этничности в целом, к непринятию особенностей представителей иных групп, вплоть до изоляции или агрессивных методов защиты.

Анализ выделенных взаимосвязей между типами и компонентами этнической идентичности привел нас к интересным и практикоориентированным выводам:

1. Позитивное отношение к собственной этнической принадлежности и позитивное отношение к представителям иных этносов не будет способствовать уходу от собственной этнической группы среди людей.
2. Отказ от собственной этнической идентичности, поиск себя по иному виду социальной идентичности, мы можем интерпретировать как непроработанность позитивного образа себя и образа других.
3. Человек, который не заинтересован в собственной этнической идентичности, не будет искать врага по этническому критерию.
4. Человек, стремящийся «закрыться» от других в собственной этничности, не желающий проникновения в свою культуру иных культур может раздражаться в процессе общения с представителем иной этнической группы. Такой человек даже может являться приверженцем идеи, что его народ уникален и может решать свои проблемы за счет «чужих». Чем меньше страха к взаимопроникновению культур, тем меньше вероятность возникновения подобных идей.
5. Человек, готовый к принятию «инаковости», готов к диалогу и эффективному взаимодействию с представителями разных этнических групп, не только своей.
6. Если по поведенческим индикатором или по результатам иных видов психологической диагностики мы не видим напряженности в отношениях представителей разных этносов, мы можем это интерпретировать как низкий уровень этнофанатизма или как его отсутствие.
7. Чем больше чувств будет испытывать молодой человек по отношению к своей или иной этнической группе, тем больше в нем проявится интерес к познанию ее особенностей.
8. Чем больше человек будет открывать для себя в той или иной этничности, тем больше он будет испытывать по отношению к ней эмоций, иметь оценочных суждений о ней.
9. Чем меньше молодежь будет стремиться к изучению, анализу особенностей этнической идентичности, тем менее она будет актуальна для них и все более будет являться неопределенной.
10. Чем меньше эмоций, оценок, суждения молодой человек будет испытывать по отношению к своей этнической идентичности (к своей

этнической группе, группе других) тем более будет размыт и не актуален образ этнической принадлежности.

11. Чем меньше аффективных убеждений, связанных со значимостью этнической идентичности, тем скорее вероятность «ухода» молодого человека от собственной этнической группы и поиска себя в социальном пространстве (идентификация не по этническому основанию).

Человек, который осознает свою этническую принадлежность, соглашается с ней, а также разбирается в этническом разнообразии окружающих его людей, принимает и уважает другие этносы, тем самым, расширяет границы своего познания, становится восприимчивым к чему-то «новому» и «инострному», готов к эффективному взаимодействию в различных областях (образования, науки, политики и т.д.). Стремление понять другую культуру способствует снижению социально-психологической напряженности в этнически разнообразной среде, коей является Россия. Человек, открытый к новому, постигает многообразие ценностных ориентиров и получает больший выбор в направлениях своего смысложизненного пути, а также получает выбор в определении своих социальных ролей.

Способности к движению мало – должны быть также и ориентиры для того, чтобы знать, куда направляться. Принятие себя невозможно без принятия других людей. Найти себя и не потерять себя – вот две важнейшие задачи.

Преподавание психологии китайским студентам в российском вузе

Тихомиров М.Ю.

В последние несколько лет в российских вузах резко возросло количество студентов из Китайской Народной Республики. Поток иностранных студентов важен для каждого вуза, так как это показатель конкурентоспособности на международном рынке образовательных услуг, дающий право на звание «эффективного вуза». С другой стороны, организация учебного процесса с данными студентами – своего рода вызов и вузу, и университету, так как требует от преподавателей особого подхода к обучению.

Последнее утверждение часто вызывает дискуссии в преподавательской среде. Обобщив все точки зрения по данному вопросу, можно обозначить два основных подхода к обучению иностранных студентов (в нашем случае речь идет о студентах из КНР):

1. Иностранные студенты должны сами приспособиться к нашей системе обучения, поэтому различные трудности: языковой барьер, культурные различия и т.п. нас не касаются.
2. Для иностранных студентов требуется создавать особую образовательную среду, учитывающую языковые и культурные различия, что

означает необходимость выстраивания учебного взаимодействия в рамках межкультурной коммуникации.

Очевидно, что каждый из этих подходов может быть обоснован в рамках различных концепций обучения, хотя в целом обучение иностранных студентов на русском языке – достаточно новая в научном плане проблематика. На наш взгляд, правота того или иного подхода в обучении определяется его результатами. Но если для «обычных» российских студентов к ним обычно относят уровень знаний, умений, компетенций, то для оценки результативности обучения иностранных студентов важным является и то, как они смогли адаптироваться к российской культуре, появилось ли у них положительное отношение к нашей стране в целом, насколько они готовы в мотивационном плане и дальше познавать русскую культуру, изучать научные достижения нашей страны.

Данные наших наблюдений показывают, что использование первого подхода часто сопровождается отчужденностью преподавателей и студентов, негативным отношением студентов к процессу обучения, с одной стороны, и, с другой стороны, негативными и конфликтогенными коммуникативными установками у преподавателей. В учебном процессе часто используются опосредованные формы взаимодействия, исключающие живой контакт со студентами, например, длинные монологичные лекции, списывание информации со слайдов, запись длинных текстов, содержащих научную лексику. Очевидным результатом такого взаимодействия является нарастание психологического напряжения, фрустрированности, и, как следствие, крайне низкий уровень собственно учебных достижений студентов.

Однако и использование второго подхода также сталкивается с большими затруднениями. В частности, к ним можно отнести:

1. Языковой барьер. Его преодоление возможно только при использовании соответствующей китайской лексики, что вызывает внутреннее сопротивление преподавателей, хотя речь идет не о том, чтобы студенты не учили русский язык, а в том, чтобы они адекватно воспринимали транслируемые им сведения.
2. Межкультурный барьер коммуникации. Как известно, восточные культуры, в том числе – китайскую – принято относить к «слушающим». Это означает, например, что в данной культуре молчание рассматривается как необходимый элемент коммуникации. Таким образом, человек «слушающей культуры» испытывает дискомфорт в ситуации непрерывного общения, без пауз, что дополняется трудностями коммуникации на иностранном языке. С другой стороны, нашим преподавателям трудно приспособиться к паузам в 60–120 секунд (иногда и 180!), которые требуются китайскому студенту, чтобы ответить на вопрос.

Обучение на основе второго подхода связано с активизацией речевой и интеллектуальной активности студентов, пусть даже и на ограни-

ченном лексическом материале. Это требует определенной переработки теоретического материала. Тем не менее, результаты свидетельствуют о том, что у студентов резко снижается уровень напряжения, они с желанием посещают занятия, их речевые действия носят осмысленный и целенаправленный характер: например, вопрос: «Вы сейчас думаете о белых медведях?» никогда не вызывает реакции: «Да, сейчас я думаю о белых медведях» (вариант: «Я вчера общалась с подружкой по правилам и нормам Конституции КНР»). Неожиданным результатом для нас стало возникновение двусторонней межкультурной коммуникации. Так, студенты охотно сообщали различные психологические факты о себе и о жизни в КНР, сравнивали российскую и китайскую культуры, активно дискутировали друг с другом по данному поводу. Конечно, первый подход мало ориентирован на подобное содержание коммуникации.

Таким образом, особое построение образовательного процесса иностранных студентов при изучении психологических дисциплин с учетом процессов межкультурной адаптации и закономерностей межкультурной коммуникации позволяет эффективно достигать не только образовательных целей, но и способствовать взаимодействию и взаимопониманию между нашими странами.

Построение модели психологического сопровождения поликультурного образования

Ткаченко Н.В.

Приступая к описанию идеи психологического сопровождения поликультурного образования, необходимо обозначить актуальность данных размышлений. За последнее время практика психологического сопровождения образовательного процесса устойчиво вошла в нашу жизнь и заняла в образовательном пространстве свое место. Также, достаточно давно в России предпринимаются попытки осмыслить опыт построения поликультурного образования и его теоретико-методологических оснований. В данной работе автор, опираясь на опыт предшественников, делает попытку построения модели психолого-педагогического сопровождения поликультурного образования.

Центральной ядром в данной модели уделяется такому человеку, каким его понимал К. Роджерс, важнейшим мотивом жизни которого является актуализация (сохранение развития себя) с выявлением лучших качеств своей личности, которые заложены природой. Опора на теорию личности К. Роджерса предполагает согласие с феноменологическим подходом в описании личности. Феноменологическое направление считает реальным для человека то, что существует в пределах внутрен-

ней системы его координат или субъективного мира, включающего все осознаваемое в данный момент времени. Идею о субъективном мире, или жизненном мире человека, впоследствии развил в своем подходе психологии переживания Ф.Е. Василюк.

Приступая к описанию модели психологического сопровождения поликультурного образования, обозначим цель развития поликультурной личности, так как именно личность становится центром этой модели: развитие личности, осознающей свою культурную идентичность и ценностные ориентации, и обладающую культурной чувствительностью.

Рассуждая о типе личности, который развивается в данной модели, то в качестве рабочего, можно принять следующее определение: поликультурная личность – это такая личность, которая находится в постоянном процессе самоактуализации собственных данных, находящаяся в стремлении к этнорелятивистски-ориентированному взгляду на мир вообще и другого в частности. При этом у такой личности формируется культурная чувствительность к другому.

При этом центральным ядром культурного Я поликультурной личности выступает чувственное и эмоциональное Я. Развитие, то есть процесс самоактуализации происходит посредством приращения нового опыта в процессе и посредством общения с Другим. Опыт в широком контексте есть знания, умения и навыки взаимодействия с Другим, но также развитие особенных личностных черт, таких как: доверие; любознательность; ценности альтруизма, добра, взаимопомощи; коммуникабельность; эмпатия; осознанность; осознание себя и своих границ.

Под Другим в данном контексте мы понимаем партнёра по взаимодействию, который является носителем другой культуры по отношению к своему партнёру. Иными словами, каждый из участников взаимодействия является другим по отношению друг к другу.

На рисунке ниже графически изображен процесс взаимодействия (и в итоге развития) поликультурной личности. Как видно из рисунка, взаимодействие с носителем другой культуры с одной стороны каждый раз приращивает опыт Я, что делает возможным продвижение к релятивистскому мировоззрению и в итоге, развитие культурной чувствительности. Согласно нашей идеи модели, основной двигатель продвижения процесса взаимодействия является развитие чувственного и эмоционального Я каждого участника взаимодействия.

Модель психологического сопровождения поликультурного образования опирается на данное представление о развитии поликультурной личности.

Рассуждая о модели психологического сопровождения поликультурного образования, необходимо удерживать три уровня.

1. Первый – базовый уровень, являет собой теоретико-методологическое основание построения психологического сопровождения. В контек-

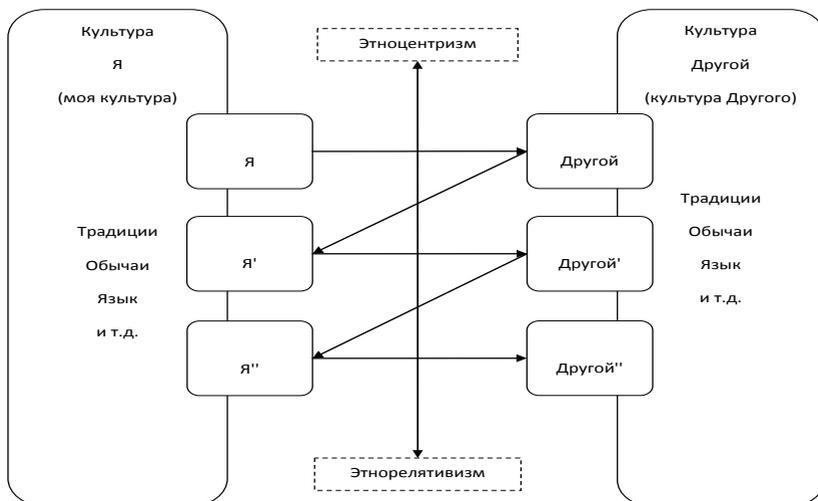

Рисунок 1. Схематическое представление процесса развития поликультурной личности

сте данной модели, таким основанием является опора на разработки как наших российских учёных и практиков: Стефаненко Т.Г., Лебедевой Н.М., Почебут Л.Г., Хухлаевой О.В., Чибисовой М.Ю., Хухлаева О.Е., Солдатовой Г.В., Лунёвой О.В., Василюка Ф.Е., так и учёными из-за рубежа: израильского учёного Ш. Шварца (культурные ценности), нидерландского учёного Г. Ховстед (культурные ценности как последствия для коммуникации), американского учёного М. Беннета (культурная компетентность как движение от этно-центризма к этнорелятивизму), Г. Триандиса (культура как культурные синдромы), польско-английского учёного Г. Тэшфла (социальная идентичность).

- Второй уровень рассматривает, собственно говоря, предметно-пространственную среду, которая обеспечивает возможность обучения и развития представителей разных культурных групп. Предметно-пространственный уровень предполагает особым образом организованное поле. В данной модели представляется очень ценным подход, реализуемый в лицее № 4 1553 им В.И. Вернадского (г. Москва) (www.1553.ru). В указанном лицее соединились урочная и внеурочная организации образовательного процесса по принципу взаимодополняемости. При этом внеурочная система, включая в себя выезды (экскурсии, походы, экспедиции), несет в себе образовательные цели и задачи. В контексте поликультурного образования, данный опыт организации образовательного процесса становится необходимостью. Расширение кругозора и опыта учеников и педагогов расширяет внутренние границы «Я», впуская в эти границы новое, непознанное. Тем

самым, происходит описанное М. Беннеттом движение от абсолютистской к релятивистской парадигме познания. Таким образом, происходит развитие культурной чувствительности.

Предметно-пространственный уровень характеризуется также и тем, что всем субъектам образовательного процесса предоставляется известная свобода выбора, тем самым делая участников образовательного процесса не только субъектами выбора в рамках образовательных задач, но и всей жизни в целом.

Данный уровень характеризуется также разнообразием материальных возможностей и свободой манипулирования ими (от смарт-досок до возможностей в манипулировании обстановкой кабинетов и выбором разнообразных мест для проведения занятий).

Таким образом, целью психологического сопровождения данного уровня было бы выявление потенциала или рисков по отношению к развитию культурной чувствительности личности и развитию культурной идентичности и осознанности ценностных ориентаций. В рамках реализации данной цели может быть выполнение следующих задач:

1. Диагностический мониторинг рисков предметно-пространственного уровня образовательной среды.
2. Диагностический мониторинг всех элементов предметно-пространственного уровня на предмет соответствия общей цели.
3. Третий уровень описывает структуру взаимодействия участников образовательного процесса и особенность взаимодействия психолога с участниками образовательного процесса, описывая формы и виды деятельности психолога и особенности его взаимодействия с родителями, учениками и педагогами. Цель сопровождения данного уровня – мониторинг горизонтальных и вертикальных взаимодействий внутри образовательного процесса. Для данного уровня могут быть выделены следующие задачи:
 - а) Выявление рисков и ресурсов во взаимодействии горизонтального уровня коммуникации: педагоги, ученики, родители, администрация.
 - б) Психолого-педагогический мониторинг вертикального уровня: соответствие функционала, прав и обязанностей всех субъектов образовательного процесса, то есть – администрации, педагогического состава и т.д.

В данной модели поликультурная личность и ее развитие становится целью и ценностью, которой подчинена вся система. При этом, поликультурная личность – это каждый субъект образовательного процесса.

Особенность психологического сопровождения субъектов образовательного процесса опирается на парадигму психологического сопровождения, описанную М.Р. Битяновой (1) – ее подход не противоречит модели психологического сопровождения поликультурного образования и

включает в себя следующие формы и виды психолого-педагогического сопровождения субъектов образовательного процесса.

Литература:

1. *Битянова М.Р.* Организация психологической работы в школе / М.Р. Битянова. – М. : Совершенство, 1997. – 298 с.; 20 см. – (Серия «Практическая психология в образовании»). – ISBN 5–89441–007–X : Б. ц.
2. *Василюк Ф.Е.* Психология переживания: Анализ преодоления критич. ситуаций [Текст] / Ф.Е. Василюк; [Предисл. В.П. Зинченко]. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 200 с.
3. *Роджерс К.* Гуманистическая психология: теория и практика [Текст] : избранные труды по психологии / К.Р. Роджерс ; под ред. [авт. вступ. ст. и сост.], А.Н. Сухова ; Российская акад. образования, Московский психолого-социальный ун-т. – Москва : МПСУ ; Воронеж : МОДЭК, 2013. – 450 с.; 21 см. – (Библиотека зарубежной психологии). – ISBN 978–5–9770–0035–2 (МПСУ).

Образы счастья в удмуртской, татарской и русской традиционной культуре

Троянская А.И.

В современном обществе остро стоит задача сохранения психологического здоровья, достижения состояния психологического благополучия для всех групп населения. Наличие этнокультурной специфики переживания и понимания счастья отмечается рядом исследователей (Шамионов Р.М. (3), Шевеленкова Т.Д., Фесенко Т.П. (4)). Переживание психологического благополучия предполагает сравнение его с эталоном, идеалом (4, с. 95–121).

Категории счастья и психологического благополучия тесно взаимосвязаны. Счастье – (праславянское – «хороший» и «часть», то есть «хороший удел») состояние человека, которое соответствует внутренней удовлетворённости условиями своего бытия, полноте и осмысленности жизни, осуществлению своего человеческого назначения (1).

Для выявления структуры образа счастья в традиционной культуре был применен метод контент-анализа национальных пословиц о счастье. Предложены следующие смысловые категории:

I. Внутреннее измерение – характеристики счастья:

1. Когнитивный аспект: необходимость *разумного обращения с жизнью и самоконтроля*. Встречается и в удмуртских, и в татарских, и в русских пословицах («Счастье без ума – дырявая сума» (русская пословица)).
 - 1.1. Необходимость *работы над собой*, своими личностными качествами. Ярко выражена в татарских пословицах («Для злого и день, и ночь темны» (татарская пословица)).

- 1.2. Устойчивость и *постоянство достоинств* человека, предмета. Выражена в татарских пословицах («Алмаз остается алмазом, даже если бросить его в грязь» (тат.)).
 - 1.3. Значение *самостоятельность* человека. Присутствует в татарских пословицах («Кто сам упал, плакать не станет» (тат.)).
 - 1.4. Необходимость быть внимательным и *деликатным с другими*. Ярко проявляется в удмуртских пословицах («Сердечное слово три зимы греет» (удмуртская пословица)).
 2. Эмоциональный аспект: низкая доступность эмоционального состояния контролю, *ненадежность состояния благополучия*. Часто встречается и в удмуртских, и в татарских, и в русских пословицах («Счастье не кляча, хомута не наденешь», «Мужик на счастье сеял хлеб, а уродилась лебеда» (рус.)).
 - 2.1. *Недостижимость счастья*. Выражена в русских пословицах («Счастье что волк, обманет и в лес уйдёт», «Кому масляна, да сплошная, а нам вербная, да страстная» (рус.)).
 - 2.2. Необходимость самозащиты от нападок других на счастье. Проявляется в удмуртских пословицах («Был бы мед, мухи найдутся», «Выкормленная тобой собака тебя же самого укусит» (удм.)).
 3. Понимание *счастья как основы жизнедеятельности*. Ярко представлено в русских пословицах («Со счастьем на клад набредешь, без счастья и гриба не найдешь» (рус.)).
- II. Внешнее измерение – способы достижения счастья. Последовательно соотносятся с характеристиками счастья.
4. *Деятельное достижение счастья*. Встречается и в удмуртских, и в татарских, и в русских пословицах («Во время работы сам буди солнце» (удм.), «Из ничего сделает что-то, из чего-то сделает мед», «Татарин и из камня воду выжмет» (тат.), «Всяк своего счастья кузнец» (рус.)).
 - 4.1. *Необходимость терпения* для достижения успеха. Ярко выражена в татарских пословицах («Конь на четырех ногах и тот спотыкается» (тат.)). Акцентируется *возможность преодоления, возрождения* после неудачи в удмуртских пословицах («Иву хоть и срубил, да она вновь разрастется» (удм.)).
 - 4.2. Проявление *терпения до определенной черты*. Присутствует в удмуртских пословицах («Тихая кошка сильнее царапает» (удм.)).
 5. Предпочтение меньшему, *довольство в умеренности*, сохранение имеющегося. Встречается и в удмуртских, и в татарских, и в русских пословицах («И немного, но хватает, много все равно кончается» (удм.), «Два арбуза под одной мышкой не уместить» (тат.), «Лучше синица в руке, чем журавль в небе» (рус.)).
 - 5.1. Всеу свое место и время, созерцательность. Выражено в татарских и удмуртских пословицах («Один бывает счастлив в молодости, другой – в старости» (тат.), «Всякую работу хорошо делать в свое время» (удм.)).

6. Случайное внезапное обретение счастья. Ярко представлено в русских пословицах («Счастье придёт и на печи найдёт» (рус.)).
 - 6.1. Счастье от рождения. Часто встречается в русских пословицах («Он в рубашке родился» (рус.)).
 - 6.2. Необходимость внешних условий для обретения счастья. Присутствует в удмуртских пословицах («Без ветра и лист клена не шелохнется» (удм.)).

Можно отметить тесное соотнесение смысловой структуры образа счастья в традиционной культуре с современным теоретическим конструктом психологического благополучия (многомерная модель К. Рифф (см. по 2), дополнительные блоки к данной модели Шевеленковой Т.Д., Фесенко Т.П. (4, С. 95–121)).

Культура народа содержит в себе способы решения значимых социальных задач и запечатлевает их в своих произведениях. Владение исторически складывающимися культурными способами саморегуляции становится механизмом формирования субъективного благополучия представителей того или иного народа (3).

Литература:

1. Большая Советская Энциклопедия. – В 30 т. Т. 25. – М.: «Сов. энциклопедия», 1976.
2. *Лепешинский Н.Н.* Адаптация опросника «Шкала психологического благополучия» К. Рифф // Психологический журнал. – № 43, 2007.
3. *Шамионов Р.М.* Психология субъективного благополучия личности. – Саратов, 2004.
4. *Шевеленкова Т.Д., Фесенко Т.П.* Психологическое благополучие личности // Психологическая диагностика. – № 43, 2005.

К проблеме перевода и адаптации психологической методики изучения ценностей личности Ш. Шварца на монгольский язык

Тудупова Т.Ц., Эрдэнэбат Б., Алагуев М.В.

В современных условиях развития научного психологического знания невозможно без международного обмена, при котором происходит как взаимопроникновение, так и формирование новых концепций, методов и методик. Активное научное психологическое сотрудничество приводит к необходимости адаптации зарубежных концепций и методов их верификации. В последние десятилетия наиболее активно заимствуются и внедряются в практику психодиагностические методики.

Психологическая адаптация методики Ш. Шварца включала несколько этапов. Первый этап был связан с переводом текста, второй этап включал социокультурный анализ содержания перевода. Третий

этап был связан с проверкой психометрических показателей (проверка на валидность и надежность). Соответственно с данными этапами связаны и три группы проблем, от решения которых зависит эффективность дальнейших исследований. Во-первых, это технический и содержательный перевод методики Ш. Шварца; во-вторых, кросс-культурная адекватность полученного материала; в-третьих, это психометрическая проверка методики. Обозначенные проблемы взаимосвязаны и во многом обуславливают одна другую.

Нами был использован симметричный вариант перевода методики (иными словами, децентрированный). Данный подход стремится сохранить смысл, привычность и разговорность в обоих языках. Согласно ему снимается акцент с основного языка и вводится новая система символов, принадлежащая обоим культурам. В психологической науке есть примеры, когда одни и те же термины в зарубежной психологии являются синонимичными, а в отечественной науке определяются разными дефинициями. В нашем случае был сделан перевод методики с английского варианта опросника, затем в качестве экспертов были привлечены профессиональные переводчики. Окончательный вариант формулировки каждого пункта утверждался в процессе совместного обсуждения.

Последующая работа была непосредственно связана с этнокультурной адаптацией теста. Основная проблема планирования кросскультурного исследования состоит в конструировании или выборе методики для регистрации параметров поведения, валидных по описанию к изучаемым психологическим особенностям. Любая психодиагностическая методика является продуктом культуры. При переводе и дальнейшей разработке методики мы опирались на децентрированный подход.

Адаптация методики была проведена в октябре 2014 г. в Монгольской Народной Республике, в г. Улан-Батор. Выборка состояла из учащихся 9, 10, 11 классов лицея при Улан-Баторском филиале Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова и средней общеобразовательной школы «Оуюны Ундраа». Всего в исследовании приняло участие 164 человека.

Результаты исследования показали, что такая ценность, как «Традиции», являющаяся символом групповой солидарности, подразумевающая уважение традиций, смирение и благочестие для старшеклассников-монголов оказалась наименее значимой, что оказалось неожиданным результатом. Для монгольского этноса всегда было характерно бережное отношение к традициям, обычаям, предкам и семье. Социальные ценности веками поддерживались монголами. А видимые и подтверждённые эмпирически изменения в ценностных ориентациях вызваны, вероятно, сменой экономических отношений – с социалистических на капиталистические. Социалистические идеалы – взаимопомощь, коллективизм и социальное равенство – теперь заменяют капита-

листоческие: получение прибыли, индивидуализм. По всей видимости, полученные данные отражают те изменения, которые происходят в современном монгольском обществе, и ментальность современных подростков. Можно говорить о том, что у современной монгольской молодёжи преобладают капиталистические ценности. Следует отметить, что именно подростки и юноши, родившиеся в конце 1990-х – начале 2000-х, являются свидетелями тех социально-экономических изменений, происходящих в Монголии и «прозападного» развития монгольского общества. Анализ ценностных ориентаций монгольской молодёжи показал, что для неё характерен в большей степени капиталистический стиль мышления, и этим объясняется отход от традиций и обычаев.

В целом, можно говорить о том, что получена культурно – специфическая методика, являющаяся новым модифицированным инструментом для измерения личностных ценностей на монголоязычной выборке. При переводе был использован децентрирующий подход, который позволил сохранить как целостность методики и приверженность языку оригинала, так и откорректировать некоторые вопросы для монгольской культуры и действительности.

Литература:

1. *Карандашев В.Н.* Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. – Санкт-Петербург : Речь, 2004. – 70 с.
2. *Карандашев В.Н.* Концепция ценностей культуры Ш. Шварца: теория и методика. / Режим доступа : [http://victor.karandashevs.ru/vk_docs/Karandashev_Culture\)Values.pdf](http://victor.karandashevs.ru/vk_docs/Karandashev_Culture)Values.pdf) (доступ 29 сентября 2015)

Самопонимание этнокультурной идентичности: субъектный подход

Тучина О.Р.

Обстоятельства цивилизационного сдвига, изменение ценностных аспектов бытия, приводят к дестабилизации оснований идентичности личности и стремлению личности к поиску ценностных оснований своего бытия в сфере этнокультуры. Нашей целью является разработка концептуальных оснований нового научного направления в рамках субъектного подхода, обеспечивающие возможность создания модели самопонимания личностью этнокультурной идентичности, а также выявление закономерностей самопонимания личностью этнокультурной идентичности в разных условиях бытия этнической группы: большого титульного этноса, малого интегрированного этноса, диаспоры.

Структура концепции включает следующие основные взаимосвязанные составляющие (уровни).

Методологический уровень включает следующие научные подходы и принципы: философские и общенаучные подходы (принципы системности, развития, детерминизма, целостности; теории социального конструктивизма; феноменология Э. Гуссерля, работы Ю. Хабермаса, этносоциологическая концепция А.Г. Дугина); общепсихологические подходы (психология субъекта и субъектный подход, психология человеческого бытия, субъектно-бытийный подход, системный и метасистемный подходы, гуманистически ориентированные и экзистенциальные подходы, феноменологически-ориентированные концепции, теории ценностно-смысловой регуляции личности) и этнопсихологические подходы.

Общетеоретический уровень включает базовые теоретические положения концепции:

1. Центральную идею концепции, заключающуюся в том, что пространство этнической культуры является одним из существенных бытийных пространств личности, критериями бытийности этнической общности являются культурные задачи, стоящие перед данной группой, обусловленные целью сохранения и воспроизводства этнической культуры. Возникновение угрозы исчезновения или растворения этнической общности приводит к проблематизации этнокультурной идентичности, запуская механизм самопонимания и обуславливая его специфику.
2. Теоретическое обоснование модели самопонимания личностью своей этнокультурной идентичности: субъектный подход разрешает противоречие в исследовании самопонимания в когнитивной и экзистенциально-герменевтической традициях, фокусируя внимание на взаимной имплицированности бытия и человека, на свойственной человеку как субъекту способности порождать новые формы бытия, объективируя в нем свое субъективное, а также благодаря сформировавшемуся в последнее время взгляду как на рефлексию (А.В. Карпов), так и на феномен переживания (А.О. Прохоров, Л.Р. Фахрутдинова) с позиций субъектности.
3. Введенные в рамках субъектного подхода новые теоретические конструкты (самопонимание этнокультурной идентичности, самоинтерпретация) и выполненное уточнение ряда традиционных понятий (самопонимание, идентичность, этнокультурная идентичность). Самопонимание этнокультурной идентичности представляет собой процесс освоения личностью нормативно-ценностного потенциала этнокультурной традиции и построение собственных смыслов в рамках этой традиции. Обоснован концепт «самоинтерпретация» как способ самопонимания, основанный на вопросах, обращенных

субъектом к себе, своим знаниям и эмоциональному опыту. Тип самоинтерпретации (независимая, взаимозависимая, металичностная) рассматривается как определенный тип вопросов, которые человек задает себе, определяя тем самым направление поиска ценностных оснований своего бытия и определяя контекст, в рамках которого происходит самопонимание. Вектор развития этнокультурной общности в конкретных условиях бытия данной группы определяется актуализированной в этот момент социальной установкой. Данный вектор развития группы на индивидуальном уровне проявляются в доминирующем типе самоинтерпретации.

Конкретно-теоретический уровень включает

1. *Теоретико-феноменологическую модель самопонимания личностью этнокультурной идентичности*, изоморфную концепту «самопонимание этнокультурной идентичности личности», которая в своей теоретической части представляет систему утверждений, позволяющих выделить и концептуализировать феноменологию самопонимания личностью этнокультурной идентичности. Самопонимание этнокультурной идентичности представляет собой *процесс* освоения личностью нормативно-ценностного потенциала этнокультурной традиции и построение собственных смыслов в рамках этой традиции. Самопонимание личностью этнокультурной идентичности как *результат* данного процесса представляет собой ценностно-смысловой конструкт, включающий следующие составляющие:
 - представление о ценностно-нормативном уровне этнокультурной традиции, воплощенное в образе идеального представителя этноса;
 - представление об уровне обыденности, нормальности, характерном для данной этнокультурной традиции, воплощенное в образе типичного представителя этноса;
 - представление о себе в рамках этнокультурных норм и ценностей;
 - личностно-смысловой аспект самопонимания этнокультурной идентичности.
2. *Обоснование эмпирических коррелятов структуры самопонимания личностью этнокультурной идентичности* (образ «идеального представителя этноса», образ «типичного представителя этноса», величина ценностного разрыва в оценке образа «идеального представителя этноса» и образа «типичного представителя этноса», особенности представления о себе в рамках этнокультурных норм и ценностей, доминирующий тип самоинтерпретации).
3. *Специфические методы и методики подхода.*

Конкретно-верификационный уровень представляет собой выявленные на основе созданной модели систематизированные и обобщенные закономерности самопонимания личностью этнокультурной идентичности в разных условиях бытия.

- Самопонимание этнокультурной идентичности в большом титульном этносе представляет собой поиск ценностных оснований своего бытия одновременно в этническом, цивилизационном и гражданском контексте бытия. Широкий контекст, в рамках которого происходит самопонимание этнокультурной идентичности в большом титульном этносе определяет использование одновременно разных способов самопонимания.
- Самопонимание этнокультурной идентичности в условиях малого интегрированного этноса представляет собой как стремление соответствовать этнокультурному идеалу, обретая в этом свою бытийность. При этом субъект, поддерживая этнокультурную идентичность, постоянно ищет подтверждения правильности этнических норм. Особенностью бытийности в пространстве этнокультуры малого интегрированного этноса является позитивная этническая гиперидентичность, создающая личности возможности для переживания аутентичности бытия.
- Самопонимание этнокультурной идентичности в условиях диаспоры представляет собой поиск и нахождение бытийных ценностей в контексте бытийного пространства одновременно этнокультуры исторической родины и культуры принимающей стороны, попытка синтеза этих ценностей в своем личностном смысле. Точкой совпадения ценностных векторов является семья, кровные родственники, личностный смысл этнокультурной идентичности формируется через осмысление ценности кровно-родственных связей и этнической сплоченности, проявляясь в чувстве ответственности за всех представителей диаспоры.

Значение национального языка в адаптации к климато-геофизическим условиям среды (гипотеза)

Хаснулин В.И.

Имеет ли какую-либо взаимосвязь все увеличивающееся число страдающих от болезненной метеочувствительности людей в разных регионах страны с волной растущего стремления общаться на национальном языке? Кто-то посчитает этот вопрос неприемлемым для обсуждения из-за полного отсутствия смысла. Однако не спешите с выводами и не пройдите мимо одной из серьезных проблем экологии человека.

Результаты наших длительных исследований адаптации человека к экстремальным климато-геофизическим условиям, анализ процесса формирования метеопатий, позволяет нам высказать собственный взгляд, своеобразную гипотезу о значении национального языка в приспособлении к климатическим, погодным и другим экологическим факторам региона, где формировался данный язык.

Можно думать, что переселение человека в новые регионы существования, сопровождавшееся необходимой приспособительной перестройкой функциональной активности отдельных центров головного мозга и изменением асимметрии деятельности межполушарных структур, приводило к изменению особенностей распределения напряжения на мышцы лица, шеи, гортани и, в свою очередь, к появлению некоторых изменений функционирования голосовых связок.

При этом артикуляция отдельных слов менялась и, в конце концов, начинала соответствовать новому голографическому образу окружающей среды, сформировавшемуся в мозге человека за счет множества функциональных перестроек.

Действительно, таким образом можно объяснить наличие в одной нации множества диалектов, так как различием между представителями данного народа является лишь географическое место их проживания. Именно с таких позиций просматривается объяснение различий в произношении слов одного и того же языка разными народами, живущими в разных климатических условиях. Такие различия мы находим у тюркоязычного населения планеты; народов, общающихся на финно-угорских, сомалийских языках. Да и другие представители человечества, имея одни и те же истоки языка, после многих сотен или тысяч лет после переселения в иные земли во многом видоизменяют свой словарный запас и значительно отличаются от своих братьев, оставшихся жить на прежних территориях.

Интересно, что у народностей, живущих уже тысячелетия в экстремальных регионах Земли и отличающихся наибольшей адаптивной устойчивостью к действию неадекватных погодных и геофизических факторов, языковой словарь пополнился новыми понятиями и добавками, способствующими большему сближению человека с природой и синхронизации внутренних процессов организма с внешними биосферными ритмами. Так нганасане, чукчи, эскимосы и другие северные народности, приобрели массу понятий, отражающих оттенки образного восприятия снега, ветра, полярных ночи и дня, северного оленя, моржа и т.п.

В какой-то степени языки многих народов нашей страны прошлого века имели именно эти свойства, определяющие тесную связь жизни человека с постоянно меняющимися явлениями природы. Вместе с тем, человечество с бурным развитием современного материального прогресса последовательно развивало свой словарь за счет расширения понятий социальных, технических, машинных и других процессов, мало обращая внимание на обеднение пластов лексики, связанных с явлениями природы.

Современные универсальные языки все больше содержат вербальных обозначений мира и все меньше образных. Все описанное говорит о том, что социальный «прогресс», достижения современной цивилизации делают человека менее устойчивым к воздействию экстремальных природных факторов. Отражением этого «поступательного» процесса и

является потеря ключа к гармонизации с природой с помощью образного восприятия окружающей среды и соответствующих символов этого восприятия в языке.

Социальные кризисы в свою очередь еще больше требуют активности структур мозга, отвечающих за успешность социальной адаптации. Соответственно, активация этих структур вызывает торможение психофизиологических механизмов адаптации к экстремальным изменением климато-геофизических условий существования.

Таким образом, резервы устойчивости организма человека подходят к критической точке. И в такие моменты человек начинает интуитивно искать в своем внутреннем арсенале способы сохранения своего здоровья. Одним из таких ответов из предшествующей эволюции и является переход к языку, сближающему организм с природой. То есть возврат к образному восприятию и обозначению мира, присущему предкам данного человека. Вот одна из важных неосознанных причин массового стремления населения отдельных регионов нашей страны перейти на общение с помощью языка народа, проживавшего на этой территории прежде.

Как будто бы найдено средство спасения? Может быть пришлым северянам на Таймыре перейти на нганасанский язык, а в Магадане на чукотский? А большая часть бывшего СССР должна заговорить на языке скифов. Тем более, что по данным исследований лингвистов, антропологов, психологов и других специалистов древние языки по своей сложности несколько не уступают сегодняшним языкам, обслуживающим народы, стоящие на самой высокой ступени развития. Ну а на крайний случай можно использовать более сотни языков населения Советского Союза. Многие из существующих на территории страны языков в течение 20 века сохранили свою национальную самобытность, не допускали в себя многочисленные вербальные обозначения явлений технического и социального прогресса. Причин этому много. Но главное, тесная взаимосвязь этих языков с природными явлениями, осталось. Раз так, начинайте осваивать национальный язык территории и ваше здоровье станет непоколебимым. Не тут-то было.

Исторический экскурс показывает, что основа большинства языков на территории бывшей Российской империи, кроме, возможно, единиц, имеют совершенно иное региональное происхождение.

Тюркские, финно-угорские, сомалийские, индоевропейские и другие языки, используемые народами нашей страны имеют совершенно другую географическую родину. За свое одно-двух тысячелетнее пребывание на новой территории они частично приобрели новые качества, но в целом сохранили корневую основу базового языка. Можно думать, что и полного соответствия этих языков с климато-географическими факторами окружающей среды за это время также не было достигнуто. В какой-то степени это подтверждается продолжительностью жизни людей, говорящих на родном языке. Да и социально-экономические, бытовые условия жизни во много

раз имеют большее значение для жизнедеятельности и здоровья человека. А необходимость прогресса требует быстрее обмена современной научной и технологической информацией, существующей во всем мире. Для получения этой информации нужно несколько универсальных языков, уже имеющих в себе лексику современной цивилизации.

Поэтому национальные языки должны сохраняться как культурные ценности народов нашей страны. Отдельные их элементы могут быть использованы для восстановления связей человека с природой. Однако, обобщая опыт предков мы должны не слепо возвращаться назад, испытывая тяготы сегодняшнего существования, а, вопреки всем трудностям, создать для себя более совершенную универсальную систему языкового общения, которая бы вместо барьеров, способствовала наиболее быстрому осмыслению человечеством своей роли в сохранении биосферы планеты, организовывала функционирование человеческого мозга в гармонии с природными ритмами и соответствовала требованиям прогресса человеческой цивилизации.

Для территории нашей страны таким базисным универсальным языком давно уже стал русский язык, который сформировался на данной географической почве, вобрал в себя огромное количество символов из других языков, населяющих страну народов. Хотя и этот язык должен включить в себя значительно больше элементов образного восприятия мира, сократить вербальное понимание явлений природы и найти подкрепление образным символам в методах школьного и дошкольного обучения, в подаче информации в средствах печати, радио, телевидения, в способах передачи произведений искусства, в воздействии на системы мозга, усиливающие образное восприятие окружающей действительности.

Такой структурой, прежде всего, является правое полушарие мозга. Существует целый ряд методов повышения его функциональной активности. Это и развитие художественных наклонностей человека, регулярное общение с живой природой, специальная система физических упражнений, и, наконец, ряд устройств и приборов, разработанных нами для улучшения регуляторного влияния межполушарных взаимоотношений на адаптивные свойства организма.

Особенности профессионального самоопределения подростков-мигрантов в мегаполисе

Ханерская А.Ю.

В данной работе рассматривается проблема интеграции мигрантов в культуру принимающей страны. Миграция ведет за собой ряд психологических и социальных проблем, как для коренного населения, так

и для самих мигрантов. В зоне особого риска оказывается мигрант и его семья, вынужденная покинуть привычное место жительства. Семья мигранта стремится к тому, чтобы сохранить внутреннюю целостность и найти собственное место в системе изменившихся ценностей и отношений. Дети подросткового возраста в такой семье переживают сразу два кризиса – кризис подросткового возраста и кризис аккультурации (вхождения в новую среду).

Одним из актуальных вопросов для психологической и психолого-педагогической работы с мигрантами на наш взгляд сегодня является проблема профессионального самоопределения подростков-мигрантов в условиях новой культуры принимающего государства.

Выбор профессии – это одна из сложнейших задач в жизни человека, первый этап которой выпадает на подростковый возраст. Молодому человеку необходимо сориентироваться в широком мире профессий, ему предстоит непростая задача выбора профессии с учетом знаний о ней, собственных склонностей, возможностей и интересов.

Можно предположить, что уточнение вопросов профессионального самоопределения детей-мигрантов поможет организовать профессиональное сопровождение таких семей и предложить наиболее подходящие направления работы с данной категорией семей.

Эмпирическое исследование.

Цель данной работы – выявить особенности профессионального самоопределения подростков-мигрантов в условиях современного мегаполиса.

Объект исследования – профессиональное самоопределение подростков в условиях мегаполиса.

Предмет – особенности профессионального самоопределения подростков мигрантов в условиях мегаполиса.

Методы исследования:

1. Тест на определение профессиональной направленности личности (Дж. Голланд)
2. Методика «Мотивы выбора профессии» (С.С. Гриншпун)
3. Методика «Ваша будущая профессия» (Л.Н. Лучко)

Экспериментальную группу составили 40 подростков-мигрантов (20 девочек, 20 мальчиков), далее экспериментальная группа (ЭГ) проживающих в г. Москва не более 5 лет, перешедших из средней ступени общеобразовательных школ города в старшую школу, то есть в 9 класс.

В контрольную группу вошли 40 подростков (20 девочек, 20 мальчиков), постоянно проживающие в г. Москва и так же перешедшие из средней ступени общеобразовательных учреждений в старшую школу, далее контрольная группа (КГ).

Были использованы экспериментально-психологический метод и методы математической обработки данных.

Выводы

По итогам проведенного исследования были сделаны следующие выводы. Гипотеза исследования, заключающаяся в том, что профессиональный выбор подростков – мигрантов отличается от профессионального выбора подростков, не являющихся мигрантами в условиях мегаполиса, подтвердилась. А именно:

1. Тип профессиональной направленности личности подростка-мигранта отличается от типа профессиональной направленности подростка, не являющегося мигрантом. Если среди подростков не мигрантов чаще других встречается «артистический» тип (большое значение данные подростки придают музыкальным и артистическим способностям, развивая, культивируя в себе их и оценивая), то среди подростков-мигрантов наиболее распространен «реалистический» тип (люди этого типа занимаются конкретными объектами (техника, машины, вещи, животные) и их практическим использованием).
2. Подтвердилось наличие связи между типом личности подростка и мотивом выбора им профессии, причем у подростков-мигрантов корреляционная связь типа личности и мотива выбора профессии выше, чем у подростков не мигрантов.
3. Мотивы выбора профессии подростков-мигрантов и подростков не мигрантов различны. Мигранты более всего при выборе будущей профессии руководствуются мотивами «материального благополучия», тогда как подростки – не мигранты наиболее значимым выделяют «деловой мотив».
4. Были выявлены гендерные особенности профессионального самоопределения подростков в мегаполисе. Так при выборе профессии подростки обеих групп имели статически значимые различия мотивов выбора профессии среди мальчиков и девочек. Мальчики реже всего обращались к мотиву «престижа», тогда как у девочек он довольно часто оказывался ведущим.
5. Была обнаружена связь особенностей профессионального самоопределения с адекватностью представлений о будущей профессии. То есть, например, при более низких показателях «адекватности представлений о будущей профессии» подростки демонстрировали высокий результат по «артистическому» типу профессиональной направленности личности. При этом, в ЭГ (подростков мигрантов) эта связь оказалась менее проявленной, чем среди подростков не мигрантов.

В связи с тем, что главное задачей образования, связанной с интеграцией мигрантов, является правильная организация повседневного межкультурного взаимодействия, необходимо включать результаты подобных исследований в работу психологической службы образовательного учреждения.

Конкурентоспособность управленческих культур в век информационной экономики¹

Хотинец В.Ю.

Развитие информационной экономики, придание информации статуса важнейшего продукта общественного производства привело к существенным изменениям как в материально-технической базе, информационных технологиях, так и методах и принципах организации труда. Использование новейших информационных и коммуникационных технологий на базе современной техники в индустриальном производстве расширило арсенал административно-управленческих возможностей. Несомненно, информационная структура предприятия, включенного в определенный сектор экономики, стремится найти свое место в национальном информационном пространстве всей страны с намерениями вступить в мировую информационно-коммуникационную инфраструктуру. Это позволяет предприятию усилить *конкурентоспособность* на международных рынках. В развитых странах с помощью информации (информационных технологий и информационных услуг) производится большая часть добавленной стоимости, создаваемой в промышленности.

Казалась бы глобальная организационно-управленческая сеть со своими информационными службами, информационными технологиями, средствами и каналами связи стирает культурные границы между разными секторами индустрии производства мультинациональных и транснациональных корпораций. На практике же масштабная интернационализация бизнеса влечет за собой серьезные межкультурные проблемы. Сегодня переход из одного подразделения в другое в пределах одной компании подобен переезду из одной страны в другую (1; 363) Расхожее мнение о том, что миром будет править глобальная информационно-коммуникационная система управления (мировая информационная сеть), спотыкается о культурные подмостки.

В наступающей мультикультурной информационно-синергетической парадигме экономической и управленческой науки появление методологической культуры в управлении, распространение в менеджменте рефлексивного подхода к оценке деятельности и ее результатов (3) в контексте целостной системы экономики, управленческая культура становится системообразующим элементом в экономической организации.

В сложной эволюционирующей экономической системе управленческая культура представлена в единстве с организационной и нацио-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в Удмуртском государственном университете (г. Ижевск, Россия), проект № 4 15–18–00049.

нальной культурами. В своем новом состоянии в мире разностиль и алеаторики культур управленческая культура обнаруживает себя через синтагму (сопорядок устойчивости) составляющих многоуровневой организационной культуры и культурных ценностей, от которых исходят их подлинные значения и смыслы (4, 5).

Синтагма, по мнению Ракитова А.И. (2; 133), есть «не какой-то уникальный образец деятельности или базисная теория, а специфическая, часто нестандартная, заданно ориентированная, многокомпонентная система знаний, создаваемая не только и не столько для удовлетворения познавательного любопытства ученых», сколько для своевременных ответов на вызовы, исходящие из неустойчивого, неопределенного социального мира для решения насущных проблем. Будучи ориентированными на решение определенной задачи, разнопорядковые элементы в состоянии образовать хорошо «слаженную» когнитивную (информационную) целостность. Ни одна другая конструкция, единая для многих, в подобных случаях просто не сможет работать.

Синтагматическая композиция фундаментальных оснований жизнедеятельности (национальная культура) и смысловых оснований профессиональной деятельности (организационная культура) позволяет менеджменту в неустойчивой среде превзойти границы выживаемости и решительно отвечать всевозможным вызовам и рискам. Эффективность и конкурентоспособность той или иной модели управления зависит от ее адекватности фундаментальным жизненным ценностям, объективированным в культуре, формирующим определенную микрокультуру организации (6).

Теоретические положения работы могут быть сформулированы как цели и исследовательские гипотезы для дальнейших эмпирических исследований.

Литература:

1. *Мацумото Д.* Психология и культура СПб.: Прайм-Евронзак, 2002. 416 с.
2. *Ракитов А.И.* Наука и науковедение XXI века // Вестник Российской Академии наук, 2003, Т. 73. № 4 2. С. 128–138.
3. *Савельев М.Ю.* Направления оптимизации территориальной системы управления Российской федерации в целях развития гражданского общества // Власть и общество: Гражданское участие. Ижевск, 2003. С. 31–68.
4. *Хотинец В.Ю.* Методологические основы этнической и кросскультурной психологии: учебное пособие. М.: ФОРУМ, 2012. 88 с.
5. *Хотинец В.Ю.* Со-бытие культур. Психологические универсалии в культурном многообразии. Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 2005. 152 с.
6. *Hofstede G.H.* Cultures Consequences: International Differences in Work-related Values, Sage, Beverly Hills, CA, 1980.

Использование общекультурных символов в групповой работе в поликультурной среде

Хухлаева О.В.

Понятно, что на выбор методов работы с людьми влияют особенности их культурной принадлежности. Тогда особую трудность представляет работа с поликультурной группой. Встает необходимость выбора универсальных методов, которые можно использовать с людьми различных культурных групп. Для этой цели мы предлагаем опираться на идею К. Юнга и использовать работу с общекультурными символами.

Символ, согласно К. Юнгу, – знак, напоминающий о повторяющейся ситуации и вызывающий ту же реакцию, что и была прежде. Символы бывают индивидуальными и культурными, т.е. которыми люди долгое время пользовались для выражения так называемых вечных истин. Поэтому они считались сакральными. Эти символы прошли много преобразований и стали коллективными образами, при этом сохранили важное значение и большую энергию. Поэтому встреча с ними может вызвать у человека глубокую эмоциональную реакцию и заставить действовать также, как действовали люди в подобных ситуациях ранее.

Как считал К. Юнг, символы, а также ритуалы были необходимы человеку для взаимодействия с коллективным бессознательным. Они были своеобразными плотинами, позволяющими человеку, с одной стороны получать из него опыт, с другой, – сохранять над ним контроль.

Современный человек лишен этого. И, по мнению К. Юнга, следствием этого является его рационализм, который отдал его на милость «психической преисподни», лишил средств, с помощью которых сознание ассимилировало вклад бессознательного.

Другое следствие рационализма – потеря контакта с природой, в связи с чем ушла глубокая энергия, которую давала человеку эта связь. Основываясь на описанной выше позиции К. Юнга, мы предлагаем метод работы с культурными символами, т.е. теми которые имеют общий или похожий смысл во многих культурах.

В качестве примера можно описать работу с таким символом как дерево. Образ мирового дерева или дерева жизни имелся в большинстве культур. Он присутствовал в сказках и мифах разных народов. Изображения дерева встречались на берегах. Дерево рассматривалось как противопоставление злу и насилию.

Может быть, поэтому практически везде существовали и сейчас существуют реальные священные деревья, к которым приходят люди для исполнения своих желаний. И здесь мы встречаемся еще с одним общекультурным символом- завязыванием узлов. Действительно, подходя к священному дереву, нужно было не только загадать желание, а завязать на одной из веток ленточку.

Обряды, связанные с завязыванием и развязыванием узлов, имелись у многих народов. Завязывание узла служило знаком, усиливающим какую-то мысль или намерение. Например, связывание одежды невесты и жениха. Развязывание или перерезание символизировало быстрое решение какой-то проблемы. Например, развязывание узлов на одежде рожавшей женщины. Или перерезание веревки на ногах ребенка, начинающего ходить (обряд перезания пут).

Таким образом, соединение двух общекультурных символов дерева и узла в обряде повязывания ленточек на священном дереве давало человеку веру в выполнение своих просьб и желаний. После рассказа ведущего о символике дерева и узла участники изготавливают свои священные деревья с 7 ветками (рисуют или делают аппликацию), загадывают 7 желаний и приклеивают на ветки семь «ленточек».

Методика «Дерево» и ей подобные может быть успешно использована как в детской, так взрослой поликультурной среде.

Религиозная идентичность: основные подходы к психологическому анализу¹

Хухлаев О.Е., Кузнецов И.М., Павлова О.С., Шорохова В.А.

Психологом, чьи разработки оказали наибольшее влияние на современные исследования религиозной идентичности, был Г. Олпорт, который выделил 2 измерения религиозности: внешнюю (религия как направленность вовне, средство достижения результата) и внутреннюю (религия как «направленность в себя», значимый образ жизни). При этом внешнюю религиозную ориентацию в свою очередь можно разделить на личностно-ориентированную ориентацию и социально-ориентированную внешнюю ориентацию. Позже Д. Батсон добавил еще одно измерение религиозности – понимание религии как поиска смысла.

Дж. Фаулер предположил, что религиозное сознание развивается на протяжении всей жизни человека и выделил 7 стадий, каждая из которых соотносится с определенным возрастным периодом когнитивного развития. Он подробно описал каждый тип религиозного сознания и религиозной концептуализации, характерный для определенного этапа когнитивного развития и выявил факторы, являющиеся предпосылками перехода на следующий уровень. Л. Пика продемонстрировал модель развития религиозной идентичности на примере второго поколения американцев-мусульман. Согласно полученным данным, у религиозной идентичности существует

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15–06–10843 «Риски и ресурсы религиозной идентичности в современной России: кросс-культурный анализ».

три стадии развития: религия как предписанная идентичность; религия как выбранная идентичность; религия как декларируемая идентичность.

С. Веерасами выделил 7 статусов развития религиозной идентичности. Под статусом понимается характерная для человека совокупность эмоциональных, поведенческих и когнитивных процессов, отражающая его способность к восприятию и переработке значимой информации из окружающей среды. Чем выше количество статусов, которыми располагает человек, тем выше его способность к восприятию и осмыслению вопросов религиозного содержания.

Что касается узких эмпирических исследований религиозной идентичности, необходимо отметить, что данное понятие рассматривалось в контексте его роли в рамках социальной идентичности и места среди других видов идентичностей личности (К. Деу, К. Мизрахи, А. Рейд, О. Соломон-тос-Коунтоури, Дж. Харри и др.), социальных ожиданий относительно культурной идентичности (С. Шилапачаранан), роли семьи при формировании религиозной идентичности (Е. Мохамадреза, М. Тогани и др.), влиянии религиозной идентичности на процесс религиозной социализации (Р. Ли, К. Сеул). Среди отечественных исследователей религиозной идентичности необходимо отметить *С. Рыжову и ее исследования православной идентичности в контексте толерантности и экстремизма, Е. Ходжаеву, Ю. Щербакову, Е. Шумилову, а так же М. Ефремову, рассматривающую религиозную идентичность с точки зрения ее взаимосвязи с экономическими установками и представлениями. Отдельно следует обозначить кросс-культурные исследования связи религиозной идентичности и отдельных аспектов культурных ценностей (К. Линч, Е. Сампсон и др.).*

Можно сказать, что в настоящее время существует множество эмпирических и теоретических разработок, посвященных изучению религиозной идентичности. Само понятие религиозной идентичности не является одномерным, оно, несомненно, имеет свою собственную, достаточно сложную структуру. Несмотря на то, что большинство исследований данной тематики ставят своей целью определение составляющих компонентов и «способов функционирования» религиозной идентичности, пока на сегодняшний день не существует единой объяснительной модели.

Культурный интеллект и зарубежные концепции межкультурной компетентности

Чигарькова С.В.

В контексте современных процессов глобализации, глокализации, интенсификации межкультурного взаимодействия индивидов, роль межкультурной компетентности все более возрастает. Осмысление данного феномена ведется в разных направлениях.

Разнообразие моделей межкультурной компетентности во многом определяется сложностью и многогранностью феномена межкультурного взаимодействия. В целом, все подходы можно разделить на несколько основных направлений: (1) межкультурная компетентность основывается на специфических межкультурных личностных чертах (например, открытость (Van der Zee, Van Oudenhoven, 2000), открытость к различиям (Lloyd, Härtel 2010), толерантность к неопределенности (Bird, Mendenhall, Stevens, Oddou, 2010; Deardorff, 2006), когнитивная сложность (Lloyd, Härtel, 2010), гибкость (Matsumoto, LeRoux, Ratzlaff, 2001; Van der Zee, Van Oudenhoven, 2000); (2) межкультурная компетентность базируется на установках и мировоззрении (например, этноцентрическое и этнорелятивистское мировоззрения (Bennett, 1986, 1993; Hammer, 2011), космополитическая точка зрения (Bird et al., 2010, Javidan, Teagarden 2011), установка на принятие категориальных различий (Bird et al., 2010); (3) межкультурная компетентность представляет собой набор способностей (например, знания о другой культуре (Earley, Ang, 2003; Javidan, Teagarden, 2011; Redmond, Bunyi, 1993; Spitzberg, Cupach, 1984); культурный интеллект (Earley, Ang, 2003); лингвистические навыки (Imahori, Lanigan, 1989); социальная гибкость (Bird et al., 2010); коммуникативная адаптивность (Gudykunst, 1993; Lloyd, Härtel, 2010); межкультурная ориентированность в контексте совместных интересов (Leung, Cheng, 2014); (4) смешанные модели (4).

Мы хотели бы коротко остановиться на концепции культурного интеллекта (CQ), предложенной в 2003 г. американским психологом Кристофером Эрли и профессором Сингапурского технологического университета Сун Анг (2). Говоря об этой концепции, стоит отметить инновационную интеграцию исследований интеллекта и культуры, что предлагает новую изящную теоретическую основу для размышлений о межкультурной компетентности (1). Основываясь на исследованиях интеллекта, CQ вносит три концептуальных вклада в поле, фрагментированное несметным количеством межкультурных компетенций, которым не всегда достает ясности и согласованности (1). Во-первых, CQ – теоретически ясный концепт. Опираясь на аргументы Р. Стернберга о существовании академического и практического интеллекта и его многоуровневой структуре, авторы концепции определяют CQ как индивидуальную способность человека эффективно функционировать и взаимодействовать в ситуациях, характеризующихся культурным многообразием. Многоуровневая структура CQ включает в себя метакогнитивный, когнитивный, мотивационный и поведенческий компоненты. Метакогнитивный CQ предполагает способность планировать и контролировать межкультурное взаимодействие, анализировать особенности менталитета и культурные нормы. Когнитивный CQ – это знания норм, обычаев, ценностей и различных практик, принятых в культуре, понимание наличия особенностей у каждой

культуры. Мотивационный CQ отражает способность и желание индивида направлять внимание и энергию на изучение и функционирование в ситуациях, характеризующихся культурными различиями. Наконец, поведенческий CQ – это способность воплощать соответствующее вербальное и невербальное поведение во время взаимодействия людей из разных культур (3). Во-вторых, теоретическая основа CQ предлагает согласованные и всеобъемлющие рамки для рассмотрения многогранной природы межкультурных способностей. Поскольку существующие модели межкультурной компетентности, как правило, сосредотачиваются только на одном или двух из четырех измерений CQ, CQ обеспечивает интегративный подход, который помогает организовать и вобрать разрозненные концепции межкультурных компетенций (1). В-третьих, через его связь с исследованиями интеллекта, CQ открывает широкий спектр важных и интересных явлений, которые могут быть изучены в связи с культурной адаптацией и которым не уделялось достаточно внимания в прошлом (3).

Литература:

1. Ang S., Van Dyne L., Koh C., Ng K.-Y., Templer K.J., Tay C., Chandrasekar N.A. Cultural intelligence: Its measurement and effects on cultural judgment and decision making, cultural adaptation and task performance // *Management and Organization Review*, 2007, № 4 3, 335–371 pp.
2. Ang S., Van Dyne L., Rockstuhl T. Cultural intelligence: Origins, conceptualization, evolution, and methodological diversity / In: Gelfand M., Chiu C.Y. and Hong Y.Y. (eds.) *Advances in Culture and Psychology: Volume 5*. NY: Oxford University Press (in press).
3. Earley P.C., Ang S. *Cultural intelligence: Individual interactions across cultures*. Palo Alto, CA: Stanford University Press, 2003.
4. Leung K., Ang S., Tan M.L. Intercultural competence // *The Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior*, 2014, № 4 1, 489–519 pp.

Стратегия этнокультуральных исследований в восточном регионе России

Чухрова М.Г., Собольников В.В., Хаснулин В.И.

В наши дни жизнедеятельность, характерная для малочисленного коренного населения Сибири, Севера, Северо-Востока России уже подверглась существенной трансформации. Причинами служат как комплекс изменений, объединяемых понятием «модернизация», так и природные факторы (загрязнение природной среды, сокращение территорий традиционного природопользования, истощение ресурсов). Среди модернизационных влияний следует особо подчеркнуть социальное, экономическое и этническое расслоение «традиционных» обществ. Их

последствия – формирование профессиональных, возрастных, межполовых (гендерных) различий в общинах коренных малочисленных народностей. Специфические последствия модернизации – ослабление и даже разрушение складывавшихся веками медико-биологических и культурных адаптаций. Подобная дезадаптация затрагивает самые разные аспекты бытия коренных жителей.

Экономический крах инфраструктуры некоторых циркумполярных и приравненных к ним регионов России привел к тому, что многие аборигены вновь обращаются к традиционным способам жизнеобеспечения. Но на протяжении жизни последних трех-четырёх поколений они все больше адаптировались к модернизированному укладу, теряя многие традиции, знания и навыки, да и природные ресурсы. Полный возврат к натуральному хозяйству сегодня вряд ли возможен, но искать баланс между традиционализмом и модернизмом необходимо.

Базовым психологическим принципом современной транскультурологии является антропологический, фундаментальной категорией которого становится субъективность (самость), проявляющаяся в главной способности человека превращать собственную жизнедеятельность в предмет практического преобразования. При этом наиболее адекватной и продуктивной методологической установкой является культурно-исторический подход, позволяющий изучать психологию человека во всем многообразии его жизнедеятельностных обликов: и как природного индивида, и как социокультурного объекта, и как духовно-практического существа одновременно. Событийная общность есть вторая предельная категория антропологической парадигмы и центральная в системе категорий психологии развития человека; она полагает главное – объект и источник развития человеческой субъективности на онтогенезе.

Состояние проблемы психического здоровья во многом зависит от степени изученности возможностей адаптации человека к окружающей его природной, семейной и производственной среде. В первую очередь речь идет об обязательном учете влияния трех групп факторов: внешнесредовых (экологических, климатогеографических, экстремальных), личностно-типологических (конституционально-биологических, психофизиологических, социально-психологических) и реализующих психосоматическое реагирование (генетических, нейрогуморальных, эндокринно-вегетативных). В качестве методологического базиса нами взят системный анализ, замыкающий в единую проблему клинко-эпидемиологический, клинко-динамический и реабилитационно-превентивный подходы. На базе комплексных эпидемиологических, клинко-динамических, региональных, экологических, социокультуральных исследований можно сформулировать понятие психического здоровья как состояния динамического равновесия индивида с окружающей природной и общественной средой, когда его личностные способности про-

являются наиболее полно, а все жизненно важные подсистемы функционируют с оптимальной интенсивностью.

С этих позиций теория индивидуального и общественного психического здоровья должна иметь многоуровневую структуру: глобальную (отраженную в декларациях ВОЗ), государственную, региональную и междисциплинарную. Бурный прогресс науки и техники требует от этнопсихологов, педагогов, медиков, социологов, общественных деятелей и других специалистов переосмысления прежних методологических основ и клинических данных в области валеопсихологии, психиатрической превенции, психогигиены и психопрофилактики, разработки новых моделей психиатрического и наркологического сервиса с обязательным подключением к их реализации всех лиц, ответственных за поддержание и укрепление здоровья российского суперэтноса.

Представление о любви у российских и монгольских студентов

Ярмолюк А.И.

Любовь играет очень большую роль в жизни человека. Как и в философии, в психологии мнения различных авторов в вопросах любви очень разнятся, но важно то, что практически все признают существование любви в той или иной степени и в различных проявлениях жизнедеятельности человека. Любовь как предмет психологического исследования - невероятно сложный материал, требующий доработок и новых исследований.

Цель нашего исследования: выявить различия в представлениях о любви у представителей разных культур (у монгольских и российских студентов). Гипотеза: представления о любви у российских и монгольских студентов различаются: российские студенты имеют более романтические и сентиментальные представления, а монгольские студенты представляют любовь более семейным, традиционным элементом жизни.

В исследовании мы использовали опросник «Представления о любви», разработанный И.А. Джидарьян, О.В. Масловой и Е.В. Беловол (1; 117–119) и направленный ассоциативный эксперимент (5; 22–31) к словам-стимулам «любовь», «семья» и «счастье». В нашем исследовании приняли участие 60 человек: 30 российских студентов и 30 монгольских студентов в возрасте от 17 до 24 лет; группы сопоставимы по половому признаку.

По результатам проведения ассоциативного эксперимента можно заключить, что любовь у российских студентов ассоциируется со словами: радость, счастье (частота ответов равна 6), верность (4), страсть (4), чувства (4). Российская группа в любви более выделяет положительные эмоциональные и чувственные компоненты. У монгольских студентов

любовь ассоциируется со следующими словами: семья (частота ответов равна 7), счастье (8), понимание (6), вера (5). Интересно, что по стимулу «семья» у монголов лидируют универсалии «любовь» (14) и «счастье» (12), а у российских студентов лидируют универсалии «уют» (8) и «дети» (8). Семантические поля слов «любовь» и «семья» и «счастье» у монгольских студентов очень схожи, значит, для них в любви наиболее значим семейный компонент, и для счастья самого респондента большое значение имеет счастье и здоровье семьи и близких людей.

По результатам проведения методики «Представления о любви» можно сказать, что средние значения по шкалам не имеют значительных различий, однако по некоторым отдельным высказываниям имеются разная степень согласия. Так, в афоризмах «Где любовь – там и Бог» и «В любви вся жизнь моя и вера» у российских студентов здесь значительно меньшая степень согласия (среднее значение – 15; 40 % согласия). То есть религия и Бог для российских респондентов не имеют выраженную связь с любовью, в отличие от монгольских студентов, высказавших большой процент согласия (67; 70 %) . Также монгольские студенты имеют намного большие устремления жить жизнью любимого и раствориться в ней: 80 % согласия с утверждением «Для любящего человека вся вселенная слилась в любимом существе» (у российской группы 56 % согласия).

Среди общего в представлении о любви выделяем следующее:

Наибольший процент согласившихся и монгольских, и российских студентов наблюдается в утверждениях: «Любовь – это не когда люди смотрят друг на друга, а когда они смотрят в одном направлении» (96; 100 % согласия) и «Любовь – творец всего доброго, возвышенного, сильного, теплого и светлого» (93; 96 %) и «Любовь – желание сделать счастливым другого» (93; 90 %).

Итак, монгольские студенты воспринимают любовь больше как семейный компонент; возможно, такие результаты подтверждают коллективизм как особенность менталитета монголов. Российские студенты тоже придают большое значение семье, в их оценке любви нет ориентации на «эгоизм вдвоем» и «желание раствориться в другом человеке»; важно, что российские студенты придают большее значение чувственному, иногда даже физическому, компонентам любви, в отличие от монгольских.

Перспективами исследования являются более глубокая проработка указанной проблематики, исследование любви как ценности в картине мира у представителей разных культур.

Литература:

1. Джидарьян, И.А., Беловол, Е.В., Маслова, О.В. Разработка опросника для изучения представлений о любви / Джидарьян И.А., Беловол Е.В., Маслова О.В. // Психологический журнал. – 2014. – № 4 1. – С. 111–119.
2. Жуковская, Н. Л. Судьба кочевой культуры. Рассказы о Монголии и монголах. – М.: Наука, 1999.

3. *Крысько, В. Г.* Этническая психология [Электронный ресурс] // Библиотека Гумер. (дата обращения: 21.04.2015 г.).
4. *Майерс, Д.* Социальная психология / Д. Майерс. СПб.: Питер, 1998. – 668 с.: ил. – (Мастера психологии).
5. *Серкин, В.П.* Решение задачи о случайности/неслучайности ассоциаций: критерий оценки и валидный набор ассоциаций // Психодиагностика. – 2009. – № 4. – С. 22–32.
6. *Фромм, Э.* Искусство любить. / Э. Фромм. СПб.: Азбука-классика, 2004. – 92 с.

Сведения об авторах

Агилар Онья Карен Юссара, студентка, РУДН, *kuao_3000@hotmail.com*

Акимочкина Ксения Андреевна, педагог-организатор, ГБОУ гимназия № 41290, *xenia-sun@mail.ru*

Алагуев Михаил Викторович, студент 4 курса, Бурятский государственный университет, *al_mihulk_1996@mail.ru*

Алдошина Марина Ивановна, декан факультета педагогики и психологии, ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет», *maraldo1@rambler.ru*

Альтман Юрий Ильич, аспирант кафедры социальной и политической психологии, Ярославский госуниверситет им. П.Г. Демидова, *yaltman@list.ru*

Анашкина Наталья Викторовна, старший преподаватель кафедры психологии и педагогики, НОУ ВПО «Среднерусский гуманитарно-технологический институт г. Обнинск», *sugipsy@bk.ru*

Богатырева Мадина Хусеновна, преподаватель, МГУ имени М.В. Ломоносова, *madina.bogatyreva@gmail.com*

Бохан Николай Александрович, профессор кафедры психотерапии и психологического консультирования, Национальный исследовательский Томский государственный университет, *psihoterapiya@rambler.ru*

Бузыкина Юлия Сергеевна, ст.преподаватель Пензенского государственного университета.

Волошко Екатерина Сергеевна, преподаватель норвежского, *cheshirekity@mail.ru*

Вьюжанина Светлана Александровна, старший преподаватель кафедры общей психологии, Удмуртский государственный университет, *svalmy@mail.ru*

Григорьев Дмитрий Сергеевич, стажер-исследователь, Международная научно-учебная лаборатория социокультурных исследований, Экспертный институт НИУ ВШЭ, *dgrigoryev@hse.ru*

Гринко Иван Александрович, эксперт, Лаборатория музейного проектирования, *IAGrinko@yandex.ru*

Гриценко Валентина Васильевна, зав. кафедрой, Смоленский гуманитарный университет, *gritsenko2006@yandex.ru*

Демчук Денис Борисович, аспирант, СПбГУ, *denis.silvers@gmail.com*

Емельянова Ольга Яковлевна, доцент, Воронежский государственный педагогический университет, *olga-emel@rambler.ru*

Заикина Мария Дмитриевна, студент, ТГУ, *zaikina-95@mail.ru*

Зайцева Мария Владимировна, преподаватель, НВИ ВВ МВД, *elofor.elmarer@yandex.ru*

- Зеленев Илья Александрович*, научный сотрудник, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, zelenev@yandex.ru
- Калганова Светлана Витальевна*, методист центра психолого-медико-социального сопровождения Калининского района Санкт-Петербурга.
- Кантемирова Баблюста Алиевна*, доцент кафедры родных языков, РГБУ «КЧРИПКРО», kantemirova0979@mail.ru
- Кауненко Ирина Ивановна*, зав. секцией межэтнических отношений, Академия наук Молдовы, caunencoi@mail.ru
- Каунова Наталья Григорьевна*, старший научный сотрудник, Академия наук Молдовы, psaunova@mail.ru
- Ковалева Юлия Викторовна*, аспирант, ОУ ВПО Смоленский гуманитарный университет, Kovaleva_YV@mail.ru
- Кожевникова Оксана Вячеславовна*, доцент кафедры общей психологии, Удмуртский государственный университет, oxana.kozhevnikova@gmail.com
- Константинов Всеволод Константинович*, зав. кафедрой «Общая психология» ФППиСН Пензенского государственного университета, konstantinov_vse@mail.ru
- Корнилова Татьяна Васильевна*, профессор, факультет психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, tvkornilova@mail.ru
- Коробейникова Яна Павловна*, аспирант кафедры общей психологии, Удмуртский государственный университет, yana.korobeynikova@bk.ru
- Лебедева Надежда Михайловна*, зав. Международной лаборатории социокультурных исследований НИУ ВШЭ, профессор факультета психологии НИУ ВШЭ
- Лепшикова Зарина Хизировна*, старший научный сотрудник, Международная лаборатория социокультурных исследований НИУ ВШЭ, taimiris@yandex.ru
- Маслова Ольга Васильевна*, доцент, РУДН, olgamas@list.ru
- Мешкова Наталья Владимировна*, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии, МГППУ, nmeshkova@yandex.ru
- Михайлова Ольга Борисовна*, доцент, Российский университет дружбы народов, olga00241@yadex.ru
- Муханова Исита Вахидовна*, профессор кафедры психологии, Чеченский государственный педагогический институт, vinter_65@mail.ru
- Накохова Диана Харуновна*, специалист, Министерство культуры КЧР, rid.r_nakoh@list.ru
- Накохова Рида Рашидовна*, профессор, проректор по научно-инновационной деятельности, РГБУ «КЧРИПКРО», rid.r_nakoh@list.ru
- Непочатых Елена Павловна*, доцент, Курский институт социального образования (филиал) РГСУ, Nepochatyh83@mail.ru

- Нестерова Альбина Александровна*, главный научный сотрудник лаборатории саморегуляции личности, Северо-Кавказский федеральный университет, anesterova77@rambler.ru
- Новикова Ирина Александровна*, доцент кафедры социальной и дифференциальной психологии, Российский университет дружбы народов, catiga@yandex.ru
- Обухов Алексей Сергеевич*, зав.каф. психологической антропологии Института Детства МПГУ, a.obukhov@redu.ru
- Овчинникова Юлия Сергеевна*, доцент, МГУ имени М.В. Ломоносова, julia.barkova@gmail.com
- Одинцова Мария Антоновна*, профессор, МГППУ, Mari505@mail.ru
- Павлова Ольга Сергеевна*, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, МГППУ, os_pavlova@mail.ru
- Парамонов Андрей Андреевич*, мл. науч. сотрудник отдела психического здоровья Центральной научно-исследовательской лаборатории, Северный государственный медицинский университет, aparamonovarh@mail.ru
- Прохода Владимир Анатольевич*, старший научный сотрудник, доцент, МГУ им М.В. Ломоносова, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, prohoda@bk.ru
- Пустогачев Олег*, лицей № 41553 имени В.И. Вернадского
- Равилова Марьям Ваизовна*, студентка магистратуры, МГППУ, maryam.ravilova@gmail.com
- Рябиченко Татьяна Анатольевна*, младший научный сотрудник, НИУ ВШЭ, tanarimail@gmail.com
- Савицкая Ольга Викторовна*, доцент кафедры психологии образования, Каменец-Подольский национальный университет имени Ивана Огиенка, sawytska@rambler.ru
- Смотрова Татьяна Николаевна*, доцент, Балашовский институт (филиал) Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, tat-smotrova@yandex.ru
- Собольников Валерий Васильевич*, профессор факультета психологии, Новосибирский государственный педагогический университет, vsobolnikovis@gmail.com
- Соловьев Андрей Горгоньевич*, Северный государственный медицинский университет
- Соловьева Анна Николаевна*, профессор кафедры всеобщей истории, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, annasolov@mail.ru

- Соловьева Татьяна Алексеевна*, доцент кафедры психологии, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, *solo.tania2011@yandex.ru*
- Солдатова Галина Владимировна*, чл.-корр. РАО, профессор, зам. зав. кафедры психологии личности факультета психологии МГУ им.М.В.Ломоносова, *soldatova.galina@gmail.com*
- Степанова Галина Семеновна*, доцент, Воронежский государственный педагогический университет, *gsstepanova@mail.ru*
- Суровая Наталья Васильевна*, социальный педагог центра психолого-медико-социального сопровождения Калининского района Санкт-Петербурга.
- Суслова Татьяна Федоровна*, ведущий научный сотрудник, Институт фундаментальный и прикладных исследований СКФУ, *sibir812@mail.ru*
- Танабасова Урсула Владимировна*, студент, Томский государственный университет, *u.tanabasova@mail.ru*
- Тапилина Анна Сергеевна*, студент, ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет», *tapilina@mail.ru*
- Татарко Александр Николаевич*, старший научный сотрудник, Международная лаборатория социокультурных исследований НИУ ВШЭ, доцент факультета психологии НИУ ВШЭ, *tatarco@yandex.ru*
- Темирова Фатима Александровна*, ученый секретарь ученого совета, РГБУ «КЧРИПКРО», *rid.r_nakoh@list.ru*
- Терехина Ольга Владимировна*, аспирант кафедры психотерапии и психологического консультирования, Национальный исследовательский Томский государственный университет, *doterekhina@mail.ru*
- Тимошенко Александра Руслановна*, выпускница (специалист), РАНХиГС, *haoll@mail.ru*
- Тихомиров Михаил Юрьевич*, старший преподаватель каф. психологии, ФБГОУ ВПО «ВГСПУ», *tctich@mail.ru*
- Ткаченко Наталья Владимировна*, доцент, МПГУ, кафедра Психологической антропологии, *tkachenko_nv@bk.ru*
- Толкунова Полина Васильевна*, студентка, МГППУ, *mint.and.spice@gmail.com*
- Троянская Анна Игоревна*, доцент кафедры «Экономика предприятия», Ижевский государственный технический университет имени М.Т. Калашникова, *atrojanskaya@mail.ru*
- Тудупова Туяна Цибановна*, заведующая кафедрой общей и социальной психологии, Бурятский государственный университет, *tuyanatu@mail.ru*

- Тучина Оксана Роеальдовна*, доцент кафедры философии, ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный технологический университет»,
tuchena@yandex.ru
- Хакимов Эдуард Рафаилович*, директор, Финно-угорский культурный центр,
eduard.khakimov@yahoo.com
- Хаперская Анна Юрьевна*, обучение PHD, La Sapienza (Рим),
mirada4ka@yandex.ru
- Хаснулин Вячеслав Иванович*, главный научный сотрудник, НИИ терапии и профилактической медицины г. Новосибирск,
hasnulin2011@yandex.ru
- Хотинец Вера Юрьевна*, зав. кафедрой общей психологии, профессор, Удмуртский государственный университет, *khotinets@mail.ru*
- Хухлаева Ольга Владимировна*, профессор каф.этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования МГППУ,
huhlaevaolga@mail.ru
- Хухлаев Олег Евгеньевич*, зав.каф.этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования МГППУ,
huhlaevoe@mgppu.ru
- Чигарькова Светлана Вячеславовна*, инженер, кафедра психологии личности факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова,
chigars@gmail.com
- Чумакова Мария Алексеевна*, доцент, НИУ ВШЭ,
chumakova.mariya@gmail.com
- Чухрова Марина Геннадьевна*, профессор, Новосибирский государственный педагогический университет, *mba3@ngs.ru*
- Шайгерова Людмила Анатольевна*, доцент зав. кафедры психологии личности факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова,
ludmila_chaigurova@hotmail.com
- Шевцова Анна Александровна*, профессор, кафедра ЮНЕСКО (МИОО),
IAGrinko@yandex.ru
- Шершень Инга Владимировна*, зав. кафедрой, Воронежский государственный университет, *inga_shershen@mail.ru*
- Шорохова Валерия Александровна*, методист, аспирант каф.этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования МГППУ, *ShorohovaVA@mgppu.ru*
- Эрдэнэбат Буянжаргал*, студент 4 курса, Бурятский государственный университет, *shaman_1994_00@yahoo.com*
- Ярмолюк Анастасия Ивановна*, студент, Российский университет дружбы народов, *kronya95@gmail.com*

Понять другого: Межкультурное взаимопонимание в современном глобальном мире. Сборник материалов пятой Всероссийской научно-практической конференция «Практическая этнопсихология: актуальные проблемы и перспективы развития»: 20–21 ноября 2015 г.

Отпечатано в Отделе оперативной полиграфии МГППУ

Подписано в печать: 26.10.2015.
Формат: 60*90₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 8,6. Уч.-изд. л. 9,4.
Тираж экз.